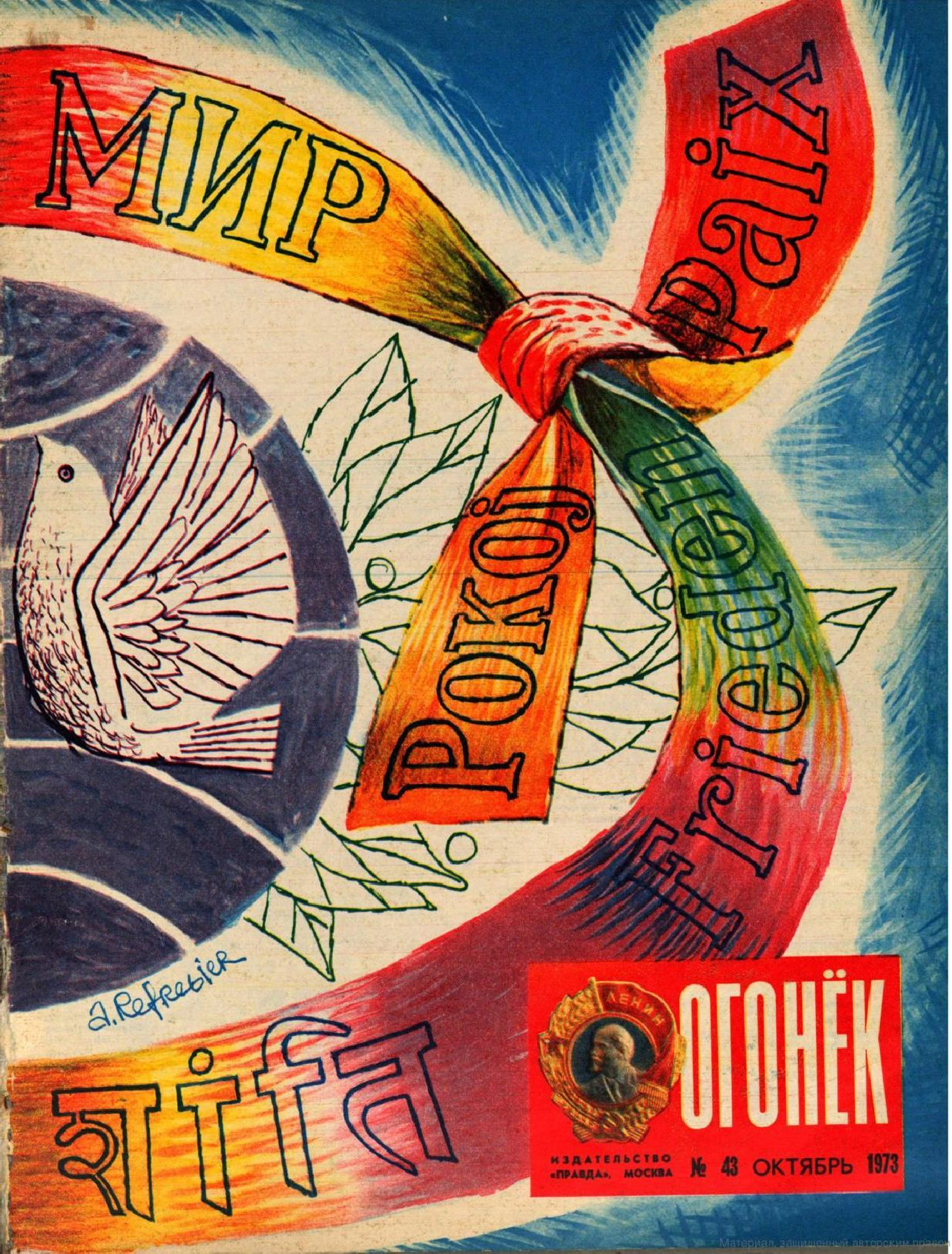

МИР
paix
Pokój
Frieden
शांति
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 43 ОКТЯБРЬ 1973

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 43 (2416)

20 ОКТЯБРЯ 1973

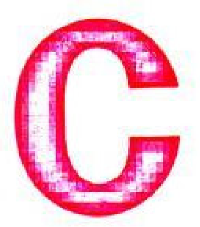
Механизированная уборка картофеля на полях совхоза «Ведрич».

БЕЛОРУССИЯ, ГОМЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

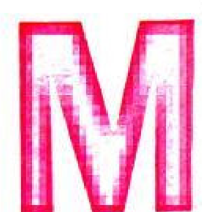
Герой Социалистического Труда, бригадир Владимир Данилович Юрченко.

Механизатор колхоза имени Фрунзе Владимир Маркович Кузменя обязался собрать 800 тонн картофеля.

СЧЕТ НА М

ИНУТЫ

Колхозники и работники совхозов! По-хозяйски используйте землю, технику, трудовые и материальные ресурсы! Повышайте урожайность всех сельскохозяйственных культур и продуктивнсcть животноводства, увеличивайте производство продукции, снижайте ее себестоимость!

(ИЗ ПРИЗЫВОВ ЦК КПСС К 56-Й ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ)

А. ЩЕРБАКОВ
Фото Г. РОЗОВА.

Они собрались на краю картофельного поля, чтобы узнать результат пробной копки и еще раз удостовериться: да, сделано все, от чего зависит успех уборки! Они — это директор совхоза Станислав Тимофеевич Петоченко, бригадир Герой Социалистического Труда Владимир Данилович Юрченко, главный инженер Григорий Степанович Фещенко, главный агроном Аркадий Степанович Лавринович и секретарь парткома Николай Степанович Холод. Подсчет обрадовал: урожайность в бригаде Юрченко достигла 260 центнеров с гектара. В других бригадах не хуже.

Белорусская картошка! Она первейшее блюдо у самих белорусов. Ее высоко ценят в Ленинграде, Мурманске, Донбассе. Она великолепный корм для скота, прекрасное техническое сырье. В прошлом году, когда многие районы страны пострадали от жесточайшей засухи, Белоруссия поставила за пределы республики в несколько раз больше картошки, чем обычно, помогла Москве, Горькому, Волгограду, Тамбову...

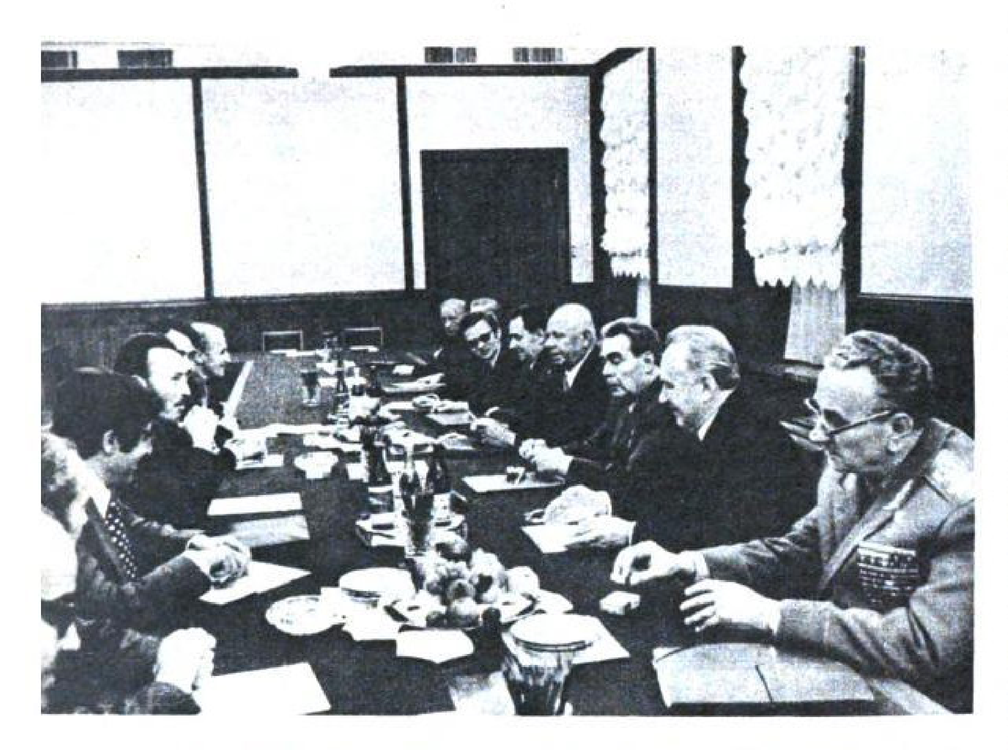
Ныне урожай картофеля в республике отличный. В совхозе же «Ведрич», откуда мы ведем наш репортаж, он был высок и в прошлые годы. И потому, что плодородна отвоеванная у болот земля, и потому, что хозяева ее грамотно, добросовестно, любовно распоряжаются силой осушенного гектара. Совхоз этот, начав осваивать болотную целину еще в тридцатые годы, так постиг ее характер, что давно уже соперничает по части урожаев с теми, у кого под ногами чернозем. И все же весной нынешнего года здесь очень внимательно и самокритично оценивали уроки прошлого. В университете сельскохозяйственных знаний — он действует тут на протяжении нескольких лет — не раз собирались специалисты, бригадиры, механизаторы. И разговор был все о том же: какие резервы еще не использованы? Задел урожаю обеспечили с осени — внесли основные дозы удобрений, продисковали всю площадь под картофель. Весенний сев постарались провести как можно раньше, позаботились о максимальной густоте посевов, не опоздали с химической прополкой до всходов, трижды обработали междурядья. Вот и уродило!

...Шесть картофелеуборочных комбайнов в полной готовности ожидали команды выйти в поле. Заранее отладили ботвоуборочные машины, буртоукрыватели, к каждому агрегату прикрепили по два трактора для отвозки клубней, определили места для сортировальных пунктов, закладки буртов. В общем, сделали все для того, чтобы не терять времени, не жечь зря горючее. А у штурвалов комбайнов — механизаторы, доказавшие свой высокий класс на косовице хлебов,— Николай Жуков, Григорий Гапоненко, Степан Головацкий...

— Жизнь подтвердила все наши расчеты. А вот «смежники», — досадует директор совхоза С. Петоченко,— никак не наладятся идти с нами в ногу. Взять то же самое картофелеводство. Ждем не дождемся шестирядных картофелесажалок: четырехрядные малопроизводительны. Отжили они свой век. А новые-то где? И еще проблема — механизированная загрузка картофелесажалок. Для зерновых сеялок приспособление придумали, а картофелесажалки до сих пор загружаются вручную. Есть у нас претензии и к селекционерам. В Белоруссии выведены неплохие сорта картофеля «темп», «лошицкий». Но для торфяников нужны особые сорта картофеля, зерновых, овощей, а их нет.

В беседу включается первый секретарь Речицкого райкома партии Петр Михайлович Новик:

— Хозяйствам района предстоит убрать картофель на площади более шести тысяч гектаров. Пущена в ход вся техника. Вы видели, какой темп взят в совхозе «Ведрич»? Такой же темп набирают и механизаторы колхоза имени Фрунзе. Там на угодья, занятые под картофель, вышли пять комбайнов и четыре копалки. Есть основания не сомневаться, что урожай уберем вовремя.

ВИЗИТ В СССР ХУАРИ БУМЕДЬЕНА

14—15 октября в Советском Союзе с дружественным визитом находился Председатель Революционного совета, Председатель Совета Министров Алжирской Народной Демократической Республики Хуари Бумедьен.

Между советскими руководителями и Хуари Бумедьеном состоялись переговоры, в которых приняли участие с советской стороны: Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР А. А. Гречко; с алжирской стороны: Председатель Революционного совета, Председатель Совета Министров Алжирской Народной Демократической Республики Хуари Бумедьен и сопровождающие его лица.

В ходе переговоров имел место обстоятельный обмен мнениями о новом обострении обстановки на Ближнем Востоке, вызванном империалистической агрессией Израиля, а также по другим актуальным международным проблемам и современному положению в мире в целом. Стороны подтвердили свою решимость всемерно содействовать освобождению всех оккупированных Израилем арабских территорий.

Были обсуждены также вопросы дальнейшего развития и укрепления дружбы и разностороннего сотрудничества между Алжиром и Советским Союзом.

Переговоры проходили в дружественной, откровенной обстановке.

На снимке: переговоры между советскими руководителями и Хуари Бумедьеном.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ДАНИИ В МОСКВЕ

15 октября по приглашению Советского правительства в Советский Союз с официальным визитом прибыл Премьер-Министр Дании Анкер Йоргенсен.

В Кремле состоялись переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Премьер-Министром Дании А. Йоргенсеном.

Состоялся обмен мнениями по широкому кругу вопросов, связанных с дальнейшим развитием советско-датских дружественных отношений, а также по ряду актуальных международных проблем.

На снимке: во время переговоров.
Фото В. Кошевого (ТАСС).

Народы мира! Требуйте прекращения израильской агрессии против арабских государств, освобождения всех захваченных израильским агрессором арабских земель, установления надежного мира для всех государств и народов Ближнего Востока! Пусть ширится и крепнет солидарность с арабскими народами в их справедливой борьбе!

Горячий привет народам арабских стран, ведущим справедливую борьбу за освобождение своих земель от израильских агрессоров!

Пусть крепнут и развиваются дружба и сотрудничество между советским и арабскими народами!

ИЗ ПРИЗЫВОВ ЦК КПСС К 56-Й ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Внимание мировой общественности приковано в эти дни к Ближнему Востоку, где в результате агрессивного курса правящих кругов Израиля вновь вспыхнула война. В Заявлении Советского правительства, опубликованном 8 октября, до конца разоблачена безрассудная политика израильских экспансионистов, которые возвели насилие и разбой в ранг своей государственной политики.

Неоднократные попытки арабских стран, ООН и всех миролюбивых сил добиться справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке наталкивались на обструкционистскую позицию Израиля. Срывая усилия, направленные на мирное урегулирование, израильская военщина постоянно совершала вооруженные провокации против Египта, Сирии, Ливана, создавала полувоенные поселения на оккупированной территории, не стесняясь откровенно рекламировать свою захватническую политику. В этом ее поддерживали зарубежные монополистские круги, не скупившиеся на огромные денежные подачки и морально-политическую поддержку захватчиков.

Однако время работало против израильских экспансионистов. Внешнеполитическая изоляция тель-авивских правителей усиливалась с каждым днем. Одно за другим разрывали отношения с Израилем независимые развивающиеся государства. Потерпели провал грубые попытки Израиля вмешиваться во внутренние дела Австрии в связи с эмиграционными вопросами. Немалую роль играют растущие внутренние трудности Израиля — однобокое развитие его военизированной экономики, углубляющееся недовольство народных масс авантюристической политикой, развенчивание мифа о «земле обетованной» обманутыми эмигрантами — жертвами сионистской пропаганды.

Выход из тупика израильская военщина искала на пути военных провокаций и авантюр. В последнее время Израиль сконцентрировал значительные вооруженные силы на линиях прекращения огня с Сирией и Египтом, призвал резервистов и, накалив тем самым обстановку до предела, вызвал военный конфликт.

Война на Ближнем Востоке приобретает все более ожесточенный характер. Израильская военщина прибегает к варварским бомбардировкам мирного населения в Сирии и Египте, совершает пиратские налеты на территорию Ливана и Иордании. Как указывается в Заявлении ТАСС от 12 октября, израильские сионисты сбросили бомбы на советский культурный центр в Дамаске, имеются жертвы среди находившихся там советских и сирийских граждан. В результате обстрела израильскими ракетами сирийского порта Тартус было потоплено советское торговое судно «Илья Мечников» с оборудованием для гидроэнергетического комплекса на Евфрате.

Если правящие круги Израиля полагают, указывается в Заявлении ТАСС, что их действия в отношении мирных городов и гражданских объектов Сирии и Египта останутся безнаказанными, то они глубоко заблуждаются. Агрессия не может оставаться безнаказанной, и агрессор должен понести суровую ответственность за свои действия.

ЧЕЛОВЕК СТРЕМИТСЯ ВО ВСЕЛЕННУЮ

Мощная ракета-носитель выводит на орбиту крылатый космический корабль. Специальный механизм достает из его чрева огромный цилиндрический отсек международной орбитальной станции. Крылатый корабль выполняет рейс за рейсом на родную планету, доставляя все новые и новые отсеки внеземного научного сооружения. В этом сооружении есть все для жизни и работы ученых разных стран, для длительного пребывания человека в космическом пространстве.

Пока это только кадры из фильма, показанного участникам XXIV Международного астронавтического конгресса в Баку. Но ученые здесь, на специальной дискуссии по международной орбитальной лаборатории, говорили о ее создании как о реальности недаленого будущего.

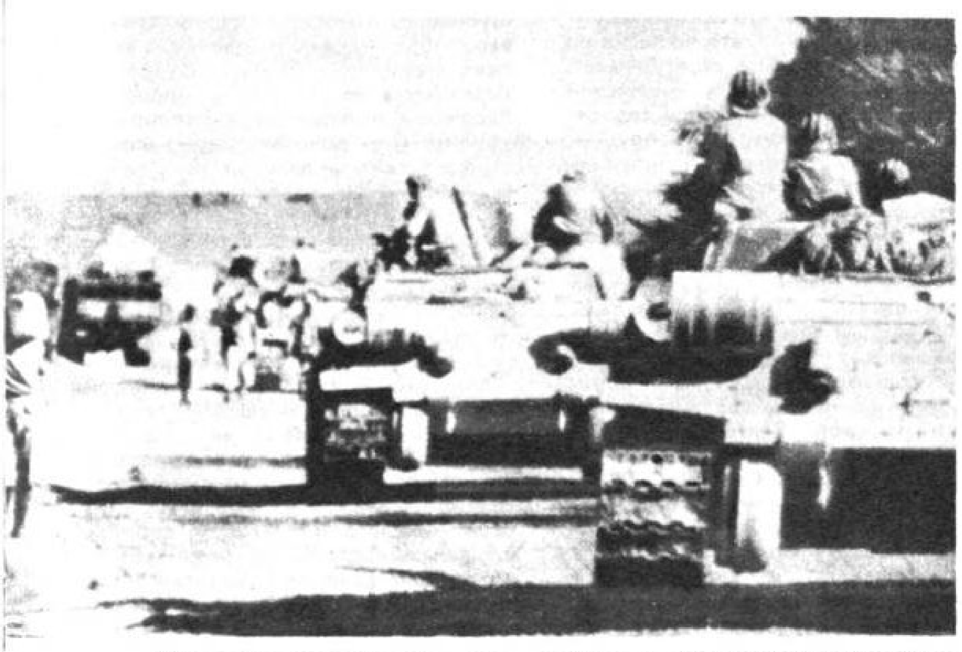
— Первым и очень важным опытом в этой области,— сказал мне французский профессор Ж. П. Косс,— будет совместный полет «Союза» и «Аполлона». В состыкованном состоянии они представят орбитальную лабораторию, в которой будет трудиться смешанный экипаж. Этот полет должен доказать реальность больших международных космических проектов.

На повестке дня стоит и создание крылатого космического корабля — ракетоплана. На конгрессе говорилось, что над его проектами работают многие научные и инженерные коллективы разных стран. Американский специалист в этой области Ф. Калберстон считает, что уже в конце 70-х годов человечество получит вполне надежный транспортный корабль. Стартовать с Земли он будет как ракета, а возвращаться из космоса «по-самолетному», приземляясь на шасси, подобно авиалайнеру.

Бакинский конгресс проходил под девизом «Космические исследования: влияние на науку и технику». Его участники подчеркивали, что космос уже начинает возвращать с процентами средства, затраченные на его исследование. Человечество сейчас пользуется метеорологическими и навигационными сведениями, полученными от спутников, телепередачами и каналами связи, проложенными через космос, новыми материалами, созданными для освоения космоса, методами медицинской диагностики и телеметрии, проверенными в космосе.

Член-корреспондент АН СССР К. Я. Кондратьев отметил, что советские ученые сделали многое для развития нового научного направления — космического землеведения — ведущей отрасли современных космиче-

АГРЕССИЯ НЕ ОСТАНЕТСЯ БЕЗНАКАЗАННОЙ

Египетские вооруженные силы вступают на Синайский полуостров.

Израильские военнослужащие, взятые в плен египетскими войсками.

Телефото АП — ТАСС, ЮПИ — ТАСС.

Марокканские добровольцы, направляющиеся для участия в военных действиях на Ближнем Востоке, на призывном пункте в Рабате.

Митинг солидарности с борьбой арабских народов на московском заводе «Калибр».

ских исследований. Взгляд на Землю из космоса, взгляд на другие планеты позволяет лучше понять и оценить явления природы, происходящие на нашей планете.

— Когда советские «Марсы» и американский «Маринер» исследовали поверхность «красной планеты»,— рассказывал К. Я. Кондратьев,— мы считали, что пылевая буря помешала более детальному изучению Марса. Но оказалось, что она лучше познакомила нас с Землей. Изучение из космоса пылевых бурь на Земле показало, что они имеют гораздо большие масштабы и оказывают значительно большее влияние на климат планеты, чем предполагалось ранее.

На конгрессе обсуждались и проекты создания международной лаборатории на Марсе. Ученые пришли к выводу о необходимости изучать эту планету с помощью автоматов и непосредственно человеком. Профессор из США Е. Штулингер говорил, что многого ждет от исследований, которые проведут автоматические аппараты, посланные к Марсу Советским Союзом и Америкой. Он считает, что прибытие на Марс космических кораблей землян — это только вопрос времени, не столь уж отдаленного.

— Я убежден,— говорил профессор,— что на Марсе существуют какие-то формы жизни, я верю и в существование внеземных цивилизаций. Связь с ними когда-нибудь будет установлена.

Вопросу о внеземных цивилизациях на конгрессе был посвящен специальный симпозиум. На нем выступали с докладами и советские ученые В. С. Троицкий, Н. С. Кардашов и другие. Они привели конкретные данные о поисках радиосигналов от внеземных цивилизаций. Ученые получили радиосигналы из космоса, природу которых следует внимательно изучить.

Человек начинает свой путь во Вселенную. Он уже обживает околоземное космическое пространство. Это ставит серьезные задачи перед космическим правом — новой отраслью международного права. Ведь появление в скором будущем спутников прямой телевизионной связи, развитие техники изучения и оценки земных ресурсов из космоса уже затрагивают интересы всех государств и народов. И закономерно, что на конгрессе вопросу космического права было уделено большое внимание. «Космос должен быть зоной прочного мира! — такова была главная мысль, определившая ход нашей дискуссии»,— сказал доктор юридических наук Г. П. Жунов.

А. ГОЛИКОВ

Баку — Москва.

Участники конгресса в перерыве между заседаниями (слева направо): профессор Х. Г. Майер (ФРГ), супруги Баумейстер (ФРГ), Фалбер (ФРГ), Ш. К. Кязимов (СССР), супруги Борн (США).

Фото А. Пушкарева (ТАСС).

Братский привет рабочему классу, трудящимся и всем демократам Чили, ведущим мужественную борьбу против террора реакционно-фашистских сил!

Народы мира! Крепите солидарность с патриотами Чили!

ИЗ ПРИЗЫВОВ ЦК КПСС К 56-Й ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Солдаты военной хунты держат под прицелом арестованных чилийских патриотов на стадионе «Насиональ» в Сантьяго.

Фото ТАСС.

НАРОД ПОБЕДИТ!

В Чили, где к власти пришла реакционная военная хунта, наступили времена варварства. Города Чили, по-семейному трогательные, расположенные на склонах гор, у бурного и холодного моря, в том числе Сантьяго с его тонкой и нежной душой, потоплены в крови.

Это кровь происходящих трагических событий. Кровь алая и еще теплая. Гибнут люди. Дня не проходит без новых преступлений. Кровь рабочих и крестьян, кровь детей и матерей, кровь повсюду... Столько крови, что в ней неминуемо утонут и те, кто заставил ее пролиться, и те, кто ее проливает.

Самое страшное в чилийской трагедии то, что эти люди, позорящие военную форму и оружие, данные им законом, и призванные защищать страну от внешней агрессии, направили оружие против президента и народа, который его поддерживал.

Органы печати, неугодные реакции, закрыты. Закрыты колледжи и университеты, в стенах которых дышалось свободно.

Аудитории, где трудился Андрес Бельо, сегодня отказались бы от его щедрой деятельности, его строгого присутствия гражданина, педагога, поэта. Сегодня его бы увидели попранным, залитым кровью по приказу генералов, возглавляющих орды озверевших преступников и хладнокровных убийц.

Что бы сказал, если бы был жив Викунья Маккена, увидев павшим великого и неустанно идущего к своей цели Альенде? Его убили лишь за то, что он стремился к тому же, к чему стремятся все подлинные патриоты: к возвышению и процветанию своей Родины. Викунья был искренним и неизменным другом Кубы. Он был солидарен с нашей борьбой против испанских колонизаторов, добывая оружие и деньги для революционеров Больших Антильских островов. К чилийцам — патриотам того же типа принадлежал погибший президент.

Когда я был в Чили, мне посчастливилось увидеть этого необыкновенного человека на митинге в Сантьяго. Один из его политических противников, сенатор, принадлежавший к лагерю правых, обрушился с нападками на революционную Кубу. Сальвадор Альенде, взяв слово, парировал злобные выпады реакционера, убедительно доказав всю несостоятельность и лживость его утверждений. Он говорил о чувствах дружбы и солидарности, связывающих чилийский и кубинский народы. Он прекрасно знал обо всем, что происходит на Кубе и какое огромное влияние оказывает кубинская революция на другие страны Латинской Америки.

Дорогие друзья! Я бы хотел, чтобы мои слова, сказанные здесь, были бы восприняты не только как мысли и чувства коммуниста. Да, я являюсь членом партии и ее бойцом, и сейчас во мне говорит боль раненого человека. Я спрашиваю себя, смогут ли остаться у власти эти генералы, никогда не видевшие настоящих сражений, эти генералы, стрелявшие только в беззащитных, эти гиены, сбросившие законного президента, избранного его народом!

И я отвечаю: нет! Нет, потому что это было бы оскорблением культуры Чили и мировой культуры в целом!

Нет, потому что на борьбу против террора вместе со своими братьями по континенту поднимается народ, в памяти которого живы героические дела О'Хиггинса, Лаутаро и Кауполикана!

Николас ГИЛЬЕН

АПН специально для «Огонька».

ВСТРЕЧА В ТАШКЕНТЕ

Хамид ГУЛЯМ

Четырехсторонняя встреча в Ташкенте писателей Бангладеш, Индии, Пакистана и Советского Союза, так же как и Алма-атинская конференция писателей стран Азии и Африки, была овеяна очень важной жизнеутверждающей идеей о необходимости сохранения и упрочения мира в Азии. Эта мысль, высказанная Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Леонидом Ильичом Брежневым в Алма-Ате, была горячо подхвачена как на конференции, так и на региональной встрече в Ташкенте.

Участники ташкентской встречи литераторов говорили о том, что за последнее время в Азии произошли исторические перемены. «Новая ситуация ставит перед писателями субконтинента новые задачи,— сказал известный пенджабский литератор Аттар Сингх,— поэтому обсуждаемые нами вопросы имеют неразрывную связь с проблемами социальными и политическими». Мы обсудили в Ташкенте такие вопросы, как концепция прогрессивности в современной литературе и культуре; социальный прогресс и литература; средства массовой коммуникации; писатель и массовая литература; просветительная роль литературы в формировании научного мировоззрения и в воспитании масс, недавно приобщившихся к грамоте.

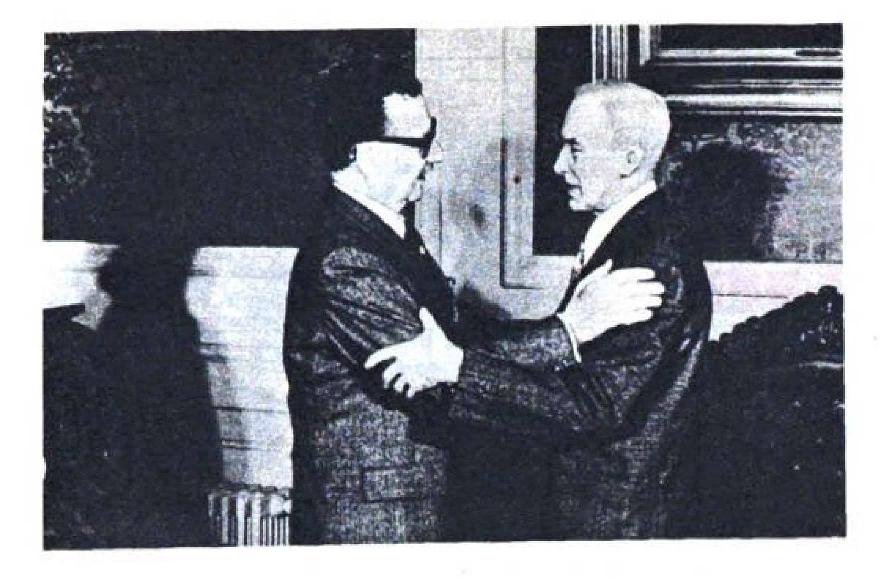
Широкое обсуждение этих вопросов писателями Индии, Пакистана, Бангладеш и СССР показало, насколько они волнуют литераторов Азии. Например, один из виднейших поэтов Индии, лауреат премии «Лотос», Хариванш Рай Баччан, говорил о поисках творческой интеллигенцией своего места в общественной жизни Индии. Доктор Шарафуддин (Бангладеш) с горечью рассказал о разрыве между творческой интеллигенцией вчерашних колоний и недостаточно грамотными народными массами как об одном из тяжелых последствий колониализма. В то же время пакистанский писатель Афааль Рандхава отметил активность творческой интеллигенции всего Индостанского полуострова в борьбе против иностранных захватчиков.

Горячо были встречены слова, сказанные Чингизом Айтматовым:

— Мы все хорошо помним недавние события на полуострове Индостан. Какой ценой досталась народу свобода! Об этом мы размышляем вслух, об этом мы говорили с трибуны Алма-атинской конференции... Наши гости — литераторы этих стран взволновали нас своими выступлениями, своими раздумьями, своими тревогами и сомнениями, своими надеждами на будущее.

Индийский поэт Уттам назвал ташкентскую встречу событием историческим. Его поддержал Алим Кешоков, сказавший, что эта встреча была достойным продолжением Алма-атинской конференции и первым шагом по выполнению ее решений.

Такие встречи должны стать доброй традицией! — таково пожелание всех участников.

ВРЕМЯ БОРЬБЫ, ВРЕМЯ ТРЕВОГ

«Будущее Чили — социализм». Этими словами президента Сальвадора Альенде заканчивается страстный публицистический фильм Романа Кармена «Чили. Время борьбы, время тревог».

Альенде убит. Убиты, замучены многие его соратники. Но мы видим их на экране живыми. Да, живыми! Такими мы их запомним, такими они останутся в сердцах миллионов — энергичными и преданными борцами за счастье своего народа. Каждый документальный кадр, снятый Карменом за время его длительного путешествия по Чили, приобрел сейчас, в эти дни, огромное значение. Каждый кадр призывает к действию, напоминает о том, что борьба не окончена, борьба продолжается. И как одно из подтверждений этому, мы видим на экране людское море — митинги протеста, идущие по всей планете: «Мы с тобой, чилийский народ!»

В создании фильма также участвовали Д. Барщевский, О. Трофимова, В. Котов, В. Марон, студент режиссерского факультета ВГИКа чилиец Себастьян Аларкон. Фильм сделан по заказу Центрального телевидения экспериментально-творческим объединением «Мосфильма».

На снимке: последняя встреча Романа Кармена с президентом Альенде после просмотра картины «Пылающий континент».

Гостей Ташкента принял кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Первый секретарь ЦК КП Узбекистана товарищ Ш. Р. Рашидов, председатель Первой конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте (1958 год).

Он рассказал гостям о жизни Советского Узбекистана, строительстве нового Ташкента и успехах трудящихся республики.

Камиль Яшен открывает четырехстороннюю встречу писателей Бангладеш, Индии, Пакистана и Советского Союза.

Фото М. Туйчиева.

ЗРЕЛОСТЬ БОРЦОВ

Корреспондент журнала «Огонек» В. Пресс обратился к секретарю Всемирного Совета Мира Джеймсу Форесту (США) с просьбой поделиться своими мыслями о предстоящем Всемирном конгрессе миролюбивых сил.

Бороться за мир — значит заботиться о сохранении самой жизни на Земле. И поэтому-то каждый, повторяю, каждый без исключения человек должен не просто на словах высказываться за мир, но и вносить свой личный вклад в борьбу за его обеспечение. Я глубоко убежден, что бороться за мир, свободу, национальную независимость и безопасность народов — значит также пройти школу гражданской зрелости. Народ моей страны в этом отношении несет особую ответственность. Соединенные Штаты — одно из самых крупных и могущественных государств на Земле. Крайне важно добиться, чтобы Соединенные Штаты проводили политику мира, сотрудничества и добрососедства, единственно правильную и благоразумную в наше время, отвечающую интересам абсолютного большинства американцев, которые не желают иметь ничего общего с теми, кто стремится к войне и кто наживается на гонке вооружений.

Та политика, которую США проводили долгие годы, не выражала интересов американского народа. Теперь мы видим признаки того, что предпринимаются некоторые шаги, чтобы покончить с «холодной войной». Такие позитивные моменты во внешней политике США согласуются с интересами всеобщего мира и с высшими национальными интересами нашей страны, и они получили одобрение всего нашего народа.

Опасна не только милитаристская горячка, военный психоз, реваншистское оболванивание людей. Весьма опасно и стремление правящих кругов отгородить, как говорят в США, «человека с улицы» от больших проблем современности. Иными словами, посеять и взрастить в его сознании семена социальной апатии, безразличия к тому, что происходит в мире.

Еще в 30-е годы в США активизировались сторонники и пропагандисты так называемого «изоляционизма». Одни утверждали, будто американец безразличен к внешней политике, другие стремились привить людям это безразличие и равнодушие. Нашу Америку, говорили они, омывают океаны, пусть там где-то надвигается «большая война», но нам вмешиваться в чужие дела не следует. История, однако, рассудила иначе: никому, кроме агрессоров, такая близорукая политика не шла на пользу. Мир неделим, и судьбы стран и народов земного шара тесно взаимосвязаны. Вторжение фашистов в Советский Союз пробудило во многих американцах дух солидарности с советскими людьми. И лучшие традиции американской истории продолжали те американцы, которые сражались с нацистами и вели караваны судов в полярных водах в советские порты.

В последние годы массовое, невиданное ранее в американской истории движение людей доброй воли за прекращение агрессивной империалистической войны во Вьетнаме показало, какие большие потенциальные возможности имеет движение за мир в нашей стране, ставшее большой политической школой для многих американцев. Как американец и как участник движения за мир на протяжении многих лет, я счастлив видеть такие перемены в общественной жизни в Соединенных Штатах.

Свидетельств об окончании школы гражданской зрелости не выдают. Этому учатся постоянно, всю сознательную жизнь; к тому же гражданская зрелость требует не только прилежного изучения, но и активных действий. Важный и одновременно горький опыт извлекли прогрессивные американцы из трагических событий в Чили. Многие люди в моей стране знают о роли монополистических корпораций, вроде «Интернэшнл телефон энд телеграф» и «Кеннекотт коппер», в организации переворота. Там, где дело касается прибылей, с демократией, с волей народа, с жизнями людей внутренняя реакция, империалисты не считаются. И дело чести движения борцов за мир — поднять знамя солидарности с чилийскими демократами, с патриотами, на которых обрушены кровавые репрессии.

В США сторонники мира с энтузиазмом готовятся к конгрессу в Москве. В состав делегации войдут представители профсоюзов, общественные и политические деятели. Будут представлены женские, молодежные организации, национальные и региональные организации борцов за мир, видные представители церкви, просвещения, культуры. Делегаты готовятся к работе конгресса, обсуждают вопросы, стоящие на его повестке дня. Подготовку к конгрессу освещает печать. На Всемирный конгресс миролюбивых сил отправится самая крупная и представительная делегация в истории США.

И весьма характерно, что конгресс будет проведен в советской столице — Москве. Это действительно символично для нового этапа всемирного движения за мир. Его участники воодушевлены успехами советской политики мира, направленной на установление духа сотрудничества и взаимопонимания между народами.

ПО ПОЛЬСКИМ АДРЕСАМ

Н. КРЫЛОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

В тот день в час дня, как обычно, от перрона Белорусского вокзала отошел поезд Москва — Варшава. Среди его пассажиров находилась группа советских туристов. Шофер, товаровед, токарь, бухгалтер, инженер, педагог, научный сотрудник — всего 34 человека, люди разных профессий, отправились по приглашению польского бюро путешествий «Орбис» в гости к Польше.

Летом следующего года исполняется 30 лет с начала освобождения Польши от фашистского ига. Этому событию журнал намеревается посвятить очередной конкурс, в котором он приглашает принять участие своих читателей. Итоги его мы будем изучать вместе с сотрудниками Института социологических исследований Академии наук СССР. И прежде чем опубликовать вопросы нашего социологического конкурса, мы решили познакомить с ними участников одной туристической группы, которую сопровождал корреспондент «Огонька».

ВСТРЕЧА

«Народная Польша родилась в годы, когда советский и польский народы вели совместную борьбу с фашизмом. Если вам, или вашим родным, или друзьям довелось сражаться вместе с польскими воинами, быть участниками освобождения страны — расскажите об этом».

Двое из нашей группы — экспедитор Всесоюзного научно-исследовательского института электрокерамики В. Н. Винников и работник ВДНХ А. В. Турлаев — помнят эти дни.

Красные гвоздики легли на гранитную плиту. Тяжелые венчики цветов почти закрыли надпись, высеченную на камне: «Гвардии подполковник Мишекурин Михаил Иванович. 1916—1945».

— Вот я и нашел тебя, Михаил! — тихо произносит Василий Никитович Винников, и плечи его чуть заметно вздрагивают. Он торопится закурить, но спички одна за другой ломаются. А мы все, кто вместе с Василием Никитовичем пришел на кладбище советских воинов в Познани, невольно замираем, словно в почетном карауле.

Еще раньше В. Н. Винников рассказывал мне о своем командире, начальнике штаба бригады гвардейской минометной части.

— Много мы с ним прошли военных дорог. Здесь, в Познани, на одной из городских площадей, я похоронил своего командира. Мише было тогда двадцать девять...

Рядовой Василий Винников, уроженец ростовской земли, прошел войну от Сталинграда до Берлина. Воевал на семи фронтах. Расписался на рейхстаге. И на территории Польши бил фашистов из своей «Катюши». Два ордена Красной Звезды, две медали «За боевые заслуги», медали «За взятие Берлина», «За победу над Германией», «За победу над Японией» — вот послужной список солдата.

— Когда узнал, что будем в Познани, решил: обязательно найду могилу друга. Я знал, что останки советских воинов перенесены на братское кладбище. Здесь, думаю, надо искать. И вот нашел. — Он погладил нагретый солнцем гранит, поправил цветы.— Ну, прощай, Михаил Иванович!

А в Щецине еще одна встреча с прошлым.

— Сюда нас перебросили из-под Гданьска. Там я тоже воевал. До этого была Варшава. Хорошо помню, как мы вошли в город. Кругом развалины. Только щебенка хрустела под сапогами,— вспоминает Афанасий Васильевич Турлаев. У него на груди польский орден «Виртути милитари» — воинской славы. Мы идем с Афанасием Васильевичем по улочкам северной окраины Щецина. Дорога привела нас на холм, с которого открылась широкая панорама реки. Здесь она разделяется на несколько рукавов, огибающих зеленые островки. Мы шли мимо домиков, спрятавшихся в зелени. Солнце медленно опускалось за спиной. У калитки мальчик лет пяти чинил игрушечный грузовик. Колесо никак не хотело держаться на месте. «Казик! Казик!» — звал кого-то на помощь малыш. Афанасий Васильевич напряженно всматривался в противоположный берег, тонувший в вечерней дымке.

— Это было где-то здесь: на том берегу стояла моя батарея. Шел апрель сорок пятого, наши войска захватили небольшой плацдарм на левом берегу, вот где мы сейчас стоим. Километр на полтора — пятачок, можно сказать. Отсюда наши танки должны были развивать наступление на запад. Мои пушки были еще на правом берегу, я получил приказ — подавить вражескую артиллерию. И вот вечером мы вдвоем с радистом переправились на этот «пятачок», чтобы корректировать стрельбу. Окопались. А утром началось. Так нас фашист огнем поливал, головы не поднять. Ну, мы все же засекли, откуда он бьет, и передали на свою батарею.— Афанасий Васильевич умолкает и все смотрит туда, на правый берег.

— А потом? — спрашиваю я.

— Да что потом? — Он пожимает плечами.— Подавили мы вражеские огневые точки, и танки двинулись дальше на запад.

ЧЕМ ГОРДЯТСЯ КОРАБЕЛЫ

«СССР и Польша — торговые партнеры. Многие польские предприятия поставляют свою продукцию в Советский Союз. Знакома ли вам она?»

— Польша строит корабли для нашей страны. Я давно мечтал увидеть, как трудятся польские корабелы, — говорит шофер ВДНХ В. С. Гуськов.

Внизу под нами стремительно проносится белоснежная «Комета». Их много здесь, наших кораблей на подводных крыльях. Поляки прозвали их водолетами. «Комета» исчезает за зеленым изгибом берега, где виднеются журавлиные шеи портовых кранов. Там щецинский порт, верфи. «Академик Крылов», «Василий Шелгунов», «Георгий Леонидзе» — читаем на бортах судов.

— Совсем недавно спустили на воду сухогруз «Генерал Леселидзе»,—рассказывает Владислав Дзенькович. — Наша верфь имени Варского — вторая по размеру в Польше после Гданьской имени Ленина. Двенадцать тысяч рабочих.

Наша группа в Варшаве. Фото Г. Вайнберга.

В этом году справили юбилей — верфи исполнилось двадцать пять лет. За четверть века построены двести сорок шесть судов. Из них сто — для Советского Союза, нашего главного заказчика. СССР был и нашим главным помощником в восстановлении и строительстве верфи,—продолжает В. Дзенькович.—Здесь работало много советских специалистов. Сейчас их осталось только семь. И многие наши корабелы учились у вас. В Одессе, в Ленинграде. На верфи сорок три польских инженера с советскими дипломами.

А вот юбилейный, сотый, корабль, который будет плавать под советским флагом,—нам показывают судно, у которого на борту белыми буквами выведено: «Иосиф Дубровинский». Это — исследовательское судно, оснащенное новейшими навигационными и исследовательскими приборами. Рядом с названием корабля цифра — 2 000 000.

— За четверть века верфь имени Варского построила суда, общее водоизмещение которых — два миллиона тонн, — поясняет В. Дзенькович. — На первый миллион у нас ушло двадцать лет, а на второй — только пять. Чувствуете, как темпы меняются? Не зря ведь мы у вас учились!

Владислав Дзенькович по специальности инженер-корпусник. На верфи уже 18 лет. Знает все досконально и на 72 гектарах, что занимает верфь, ориентируется, как в своей квартире. А мы чувствуем себя лилипутами в царстве огромных стальных конструкций. Стопки стальных листов — каждый размером с комнату — кажутся листками бумаги, сложенными на этажерке Гулливера.

— Сталь наша, польская, — говорит Дзенькович. — Выплавлена из вашей, советской руды.

«СПАСИБО, УРАЛМАШЕВЦЫ!»

«28 лет действует Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ПНР. Что вы знаете о том, как претворяются в жизнь строки этого документа, как вы сами, ваше предприятие участвуете в этом!»

— Крупнейший металлургический комбинат Польши—Гута имени Ленина—построен по проекту нашего института, — рассказывали Т. Е. Попова, В. С. Сигунов, инженеры проектного института «Гипромез».

И вот я на этом крупнейшем металлургическом комбинате Польши.

Ослепительный поток расплавленного металла льется из жерла конвертора, разбрызгивая золотые искры и наполняя пролет цеха праздничным сиянием. Казалось, сталь салютует в честь своего появления на свет. А рождение самого комбината было будничным, без салюта. 26 апреля 1950 года на месте деревень Могила и Плешув близ Кракова начались строительные работы. Советский Союз обязался разработать техническую документацию, поставить большую часть машин и оборудования, осуществить технический надзор за строительством и подготовить на своих заводах кадры польских специалистов. Об этом говорилось в договоре, заключенном между СССР и Польшей 26 января 1948 года. Сегодня строки договора стали домнами, мартенами, прокатными станами. Очень это весомый документ — почти шесть с половиной миллионов тонн! Столько стали дает нынче в год комбинат.

— Хорошо помню, с чего начиналась Гута,— говорит Юзеф Каспрув, главный технолог по новой технике металлургических цехов. Он на Гуте с 1952 года. Начинал сварщиком. Строил мартеновский цех. Потом окончил горно-металлургическую академию в Кракове.

— Вся моя семья связана с комбинатом,— продолжает главный технолог. — Младший сын, Мачей, — ему девятнадцать — электрик в конверторном цехе. Старший, Ян, — специалист по электронике на заводе огнеупоров. Дочка, Чеслава, сейчас малыша растит, а раньше тоже работала здесь, в лаборатории.

Во многих цехах Гуты я встречала «земляков» — советские агрегаты с «Уралмаша», Новокраматорского завода. Около половины оборудования комбината поставлено из нашей страны.

— Советское оборудование — отличное! — говорит начальник конверторного цеха Мечислав Паенк.— В нашем цехе работают три конвертора. Все родом с «Уралмаша». Как работают? — повторяет он мой вопрос.— Предполагалось, что проектной мощности они достигнут за девять месяцев, а на практике получилось за три. Вот вам и ответ. Спасибо, уралмашевцы!

Мечислав Паенк просил через «Огонек» передать сердечный привет и благодарность польских сталеваров их советским коллегам, особенно металлургам Запорожья и Жданова, где учились польские товарищи.

Гуту имени Ленина по праву называют символом польско-советской дружбы. Основы этой дружбы были заложены еще Лениным.

...Там, где стоит сейчас металлургический комбинат и где выросли жилые кварталы Новой Гуты, проходила перед первой мировой войной австро-русская граница. Когда Ленин жил на австрийской стороне, в Кракове, крестьянки, возвращавшиеся с ярмарки, переносили письма Ильича, чтобы бросить их в почтовый ящик на той, русской стороне границы и избежать, таким образом, цензуры.

Сегодня на центральной улице Новой Гуты — Аллее роз — возвышается памятник. Заложив руки за спину, Ленин шагает по улице города польских металлургов. Создатель монумента— талантливый польский скульптор Мариан Конечный, автор знаменитой варшавской «Ники», выпускник Ленинградской академии художеств имени Репина.

Памятник был открыт недавно, в апреле этого года, в день рождения Ильича.

ХРОНИКА ДРУЖБЫ

«Насколько регулярны контакты вашего учреждения, предприятия с польской стороной, какова реальная польза этих контактов!»

— У нашего института большая дружба с польскими историками,— говорит М. И. Копашева, научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Совместно с польскими товарищами мы издаем сборник документов по истории польско-советских отношений с 1917 года до наших дней. Шесть томов уже вышло, скоро появится седьмой. Готовится также большой труд советских и польских историков, посвященный исполняющемуся в будущем году 30-летию народной Польши. В Варшаве и Москве проходят заседания редколлегии сборника. Историки часто ездят в командировку друг к другу.

— Мы тоже уже много лет сотрудничаем с польскими специалистами,—отвечает на вопрос «Огонька» главный инженер московского НИИ электрокерамики В. А. Евтушок.

В Варшаве я оказалась свидетелем его встречи с польским коллегой — Болеславом Володаркевичем, который несколько месяцев назад гостил в Москве. «Где сейчас Поляков?», «Когда в Москву приедет Тадеуш Мацкевич?» — это был разговор давних друзей, товарищей по профессии.

— В Институте международных отношений я учился вместе с польскими ребятами,— говорит Сергей Богатов. — Мой товарищ Войцех Калужа стал дипломатом, потому я и не застал его в Варшаве.

— Наше издательство готовит альбом, посвященный 30-летию народной Польши, — добавляет М. Я. Виноградова, сотрудница издательства «Искусство».

— Когда в Москве проходила выставка «Автосервис-73», в нашей гостинице останавливалась польская делегация,— это слова А. К. Стрюковой, заместителя директора гостиницы «Ленинградская».

Так ответили на вопросы анкеты члены только одной группы советских туристов. А сколько всего их приезжает в Польшу?

— В этом году «Орбис» примет около двадцати тысяч советских гостей,— сообщил генеральный директор «Орбиса» Мирослав Шиманский. — Мы хотим, чтобы эта цифра росла как можно быстрее. В будущем, юбилейном году открываем новый маршрут: мы покажем гостям места, где начиналась народная власть. Приезжайте к нам, друзья!

ТОЧКА ОТСЧЕТА

Мы видели много памятников и музеев. Каждый из них по-своему прекрасен.

Листая исписанные в Польше блокноты, я думаю о другом. Я вижу, как колеблются язычки пламени в плошках, что стоят на тротуаре, возле стены дома, где высечено: «Здесь гитлеровцы расстреляли 30 поляков»...

В Польше нет человека, который бы не вспоминал о войне. Она коснулась каждого.

Новая Гута, улица Демакова, № 23. На этой улице, носящей имя советского специалиста, который работал на металлургическом комбинате и погиб во время аварии, находится клуб ветеранов войны, тех, кто ныне работает на предприятии.

У входа в музей — карта мира. На ней множество лампочек, они указывают места, где сражались поляки,—от Монте Кассино в Италии до Нарвика в Норвегии.

За стеклом витрин форма солдат дивизии имени Костюшко, бойцов женского батальона имени Эмилии Платер, красноармейская шинель, ушанка со звездой.

— Это шинель и шапка Владзимежа Капелько, он воевал в рядах Советской Армии, закончил войну в Восточной Пруссии. А вот мой мундир и сапоги, — показывает Тадеуш Мадыда, с которым я иду по музею.— Рядом китель моего товарища Павла Курило. В нем он прошел от Ленино, где получила боевое крещение 1-я польская дивизия имени Т. Костюшко, до Берлина. Орден Отечественной Войны принес сюда бригадир слесарей Феликс Петровский.

В одной из витрин — полосатая одежда узника концлагеря.

— Пятьдесят наших товарищей носили такую в гитлеровских лагерях смерти, — продолжает пояснять Тадеуш. — Триста человек сражались в партизанских отрядах на польской и советской земле.

Многие польские товарищи до сих пор разыскивают советских воинов, с которыми подружились на дорогах войны. Владислав Суходяд, узнав, что в музее корреспондент «Огонька», принес мне истершийся на сгибах листочек из записной книжки. На нем карандашом написано: «Тарасов Виктор Иванович. Полевая почта 45822-Ш. Худяков Михаил Павлович. Полевая почта 53410-Н».

— Мы вместе в сорок четвертом форсировали Вислу. Может, отзовутся мои фронтовые друзья...

Полевая сумка, кисет, компас, пистолет. Музейные экспонаты? Нет, это частицы памяти народной. И есть глубокий смысл в том, что за стеклом витрины в одном ряду с военными мундирами висит современная роба сталевара — хозяина и творца сегодняшней Гуты.

В статистических справочниках во многих графах Польша значится в первой десятке развитых стран мира или приближается к ней. В этом заслуга польского народа, его авангарда — Польской объединенной рабочей партии. Поляки с уважением и признательностью говорят о нашей стране, которая все эти годы была и остается верным другом и надежным помощником Польши.

Сегодня партия выдвинула лозунг — построить к 1990 году «вторую» Польшу, то есть создать промышленный потенциал, равный тому, который имеет сейчас страна. Это задача, обращенная в основном к молодежи. Старшее поколение построило «первую» Польшу. «Вторую» — строить молодым.

МИХАИЛ КУПРИЯНОВ /КУ/

Тетюши — славный городок, стоит он на высоком берегу, смотрится в Волгу, которая разлилась здесь во всю свою ширь, и такой кругом простор, что дух захватывает. К реке спускается деревянная лестница с площадками, где можно передохнуть, а ступенек в ней — семьсот, не шутка! Пока до последней доберешься, ноги отмотаешь. Но мальчишкам все нипочем, лишь бы быстрее к воде, а там уже, подвернув штаны, броди по отмелям, гоняй стайки пескарей.

Мише Куприянову очень нравилось это занятие. Еще ему нравилось смотреть, как подходят к пристаням большие, красивые пароходы. Прежде чем приблизиться к Тетюшам, пароход важно гудел, и ребята старались угадать по гудку, чей это пароход, какой компании — «Самолет», «Дружба» или «Кавказ и Меркурий». Миша считался специалистом в этом вопросе, и мнение его было решающим. Когда пароход отчаливал и взбудораженный на несколько минут городок затихал, можно было покататься на дырявой плоскодонке или, если ее не оказывалось под рукой, накупаться в волжской воде до синевы, до зубного ляcканья...

— Любил я свои Тетюши,— рассказывает академик Михаил Васильевич Куприянов, и на его лице появляется улыбка, которая всегда возникает, когда человек вспоминает свое детство,— любил Волгу, воду, лодки, заволжские леса... Думаю, что эта еще в детстве возникшая любовь и сказалась на моих пейзажах. Почти на каждом увидишь воду — взморье, реку или пруд...

Я стараюсь представить семидесятилетнего художника двенадцатилетним мальчишкой, и мне это, как ни странно, удается. Пожалуй, в каждом мужчине, независимо от возраста, кроется где-то в глазах, в улыбке, иногда в жесте тот самый мальчишка, который оглашал своими криками тихий провинциальный дворик или ловил рыбу на самодельную удочку с пробкой вместо поплавка. В академике явственно чувствовался этот мальчишка. И когда Михаил Васильевич вспоминал свои детские годы, он проглядывал то в живости жеста, то в мимике. И это радовало. Пока жив этот мальчишка, настоящая старость еще не пришла.

Куприянов с раннего возраста любил рисовать. Любил — и все тут. Откуда пришло к нему это влечение, он и сам объяснить не мог. Наверное, все начиналось с обостренной наблюдательности, с врожденного умения видеть и впитывать в себя красоту жизни. Тетюши слыли местом тишайшим, но когда пришла Советская власть, то и здесь произошли разительные перемены. Появились библиотеки, клубы, кружки художественной самодеятельности и даже — о, чудо! — приехал настоящий театр с самыми настоящими актерами. Театр разместился в бывшем купеческом амбаре, где на скорую руку оборудовали сцену и оркестровую яму. Разумеется, Миша Куприянов немедленно «прилип» к театру. Он поступил билетером и с большой важностью выполнял свои обязанности, а заодно рисовал актеров, которые одним своим видом вызывали у него восхищение. Художник театра Лукьянов заметил это и сказал: «Билетера мы другого найдем, а ты, братец, помогай-ка мне писать декорации». Миша с восторгом принял это предложение. А тут еще — такая удача! — открылась выставка местных самодеятельных художников. Конечно, Миша Куприянов принял в ней участие и, более того, имел успех: его акварельный пейзаж получил первую премию, о чем поспешила уведомить своих читателей местная газета.

Декоратор Лукьянов поздравил своего ученика. «Ты, мальчик,— художник,— сказал он ему,— учись, из тебя выйдет толк».

Рисовать декорации было весело, но жили в Тетюшах голодновато и трудно. Вместе с несколькими приятелями Михаил Куприянов решил податься на угольные шахты Туркестана. Ташкент жил посытнее и недаром считался городом хлебным. Целый месяц будущие шахтеры добирались до ташкентской благодати в товарных вагонах, питаясь чем бог послал. Впрочем, бог посылал очень мало, и приехали они в таком виде, что местные жители говорили: в чем только душа держится! Мишу определили на службу в горный отдел, чем он был крайне недоволен. Михаил Куприянов не подозревал тогда, что тропа к искусству пролегает совсем неподалеку.

Прошло несколько месяцев, и товарищи по работе заметили, что парнишка хорошо рисует. «Держать его в канцелярии нет смысла,— решили они,— пусть учится в художественной школе».

Ташкентская школа-интернат была хорошим учебным заведением. Михаил Куприянов учился там с большим старанием и радостью. Воодушевление, которое, как известно, движет горами, не покидало его. Появились новые, дорогие сердцу друзья-товарищи, своим теплом и вниманием они скрашивали жизнь. Особенно пришелся ему по душе Семен Чуйков, который и после ташкентской школы остался другом на всю жизнь.

Михаила Куприянова заметили руководители школы. В 1921 году, после каникул, ему сказали: «Поедете учиться в Петроград, в Академию художеств». На радостях восемнадцатилетний живописец сплясал самую бойкую чечетку, на какую только был способен. Еще бы: Красный Питер, Академия... Об этом приходилось только мечтать! Но до Питера Михаил Куприянов так и не добрался, потому что сделал остановку в Москве и влюбился в этот город. Всем своим обликом Москва пленила его — и оживленностью улиц и памятниками старины, возле которых он стоял, снявши шапку, восхищаясь их прелестью, радуясь тому биению своего сердца, что так остро ощущает в Москве каждый приезжий. С путевкой в Петроградскую Академию художеств он храбро явился во ВХУТЕМАС, показал некоторые свои работы, предусмотрительно лежавшие в его тощем брезентовом портфеле. Строгие и солидные люди посмотрели на рисунки, улыбнулись смущению долговязого парня, не знавшего куда девать свои большие руки, и сказали: «Принимаем на графический факультет,— и добавили с многозначительной расстановкой слогов,— без экзамена».

Так из Тетюшей через Ташкент прибыл Михаил Куприянов в Москву и стал москвичом, студентом ВХУТЕМАСа — прославленного учебного заведения.

Это и решило всю дальнейшую судьбу художника.

— А где поселиться?

— Да вот попробуйте здесь,— сказали ему и еще нескольким новичкам, показывая на запечатанную дверь...— Здесь жильцы заболели тифом, сейчас тут никого нет.

Ребята храбро открыли дверь, сломав печать, и поселились. В квартире было пусто, по углам бегали крысы... Однако Мише Куприянову удалось вскоре перебраться в «рай» — так торжественно именовалось студенческое общежитие-коммуна. После первого пристанища оно действительно показалось сущим раем. Впрочем, молодому Мише Куприянову все казалось превосходным — и новые товарищи, и преподаватели, и вся вхутемасовская обстановка, наполненная шумом дискуссий, споров и дружескими беседами на любые волнующие темы. Он учился на литографском отделении графического факультета и обожал своего преподавателя Николая Николаевича Купреянова, человека строгого и вместе с тем доброжелательного. Этот учитель утверждал дружеские отношения со своими студентами, относясь к ним, как к равным, что не мешало ему быть беспощадно взыскательным. Он мог, например, сказать ученику, очертив маленький кружок на его рисунке: «Это ваша частичная победа на фоне общего поражения»,— но произносил это так, что все улыбались и никто не обижался. С нежностью вспоминает академик Куприянов и другого своего руководителя — профессора рисунка Петра Васильевича Митурича: «Именно благодаря ему я понял, что такое рисунок. Рисовал я тогда не только модели в клас-

М. Куприянов. ГЕНИЧЕСК. ПАРУС.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ. Государственная Третьяковская галерея.

М. Куприянов. ЛЕТО.

ВЕНЕЦИЯ. БОЛЬШОЙ КАНАЛ.

се, но и все, что попадалось интересного на глаза — прохожих на улице, влюбленных, сидящих на скамейке бульвара. И если Петру Васильевичу что-нибудь нравилось, я был в восторге — силы прибавлялись. Купреянова и Митурича я считаю своими лучшими учителями, оказавшими влияние на всю мою творческую жизнь».

Во ВХУТЕМАСе и состоялась встреча Куприянова с Порфирием Крыловым и Николаем Соколовым, положившая начало впоследствии знаменитому на весь мир высокому и благородному творческому содружеству — Кукрыниксы. Случай свел их, общность интересов объединила молодых людей, талант, которым судьба щедро наделила всех троих, придал их творчеству блеск и привел к широкой известности.

А началось все с того, что студент Куприянов заинтересовался карикатурами, которые рисовал для стенгазеты небольшого роста паренек с длинным носом и ядовитой усмешкой на губах.

— Карикатуры хороши,— заметил Куприянов,— ты кто?

— Я Порфирий Крылов,— ответил паренек.

— А я Михаил Куприянов.

— Может, поможешь? Сумеешь?

— Сумею.

— Присоединяйся.

Куприянов присоединился, и родился новый автор — Крыкуп, он же Кукры. А когда несколько позже с ними познакомился Николай Соколов, уже печатавший в газете «На вахте» свои карикатуры под псевдонимом Никс, то они и его взяли в свою компанию. Рисунки его были забавны, остроумны, да и сам он был очень симпатичен — «белокурый мальчик со светлыми глазами, в клетчатой ковбойке, с зеленым шарфом на шее»,— как рассказывает о нем Михаил Васильевич. Кукры добавили к себе «Никс», и возник псевдоним — Кукрыниксы.

Но до признания и славы им было еще далеко.

— Учились мы с огромным интересом, а жили плоховато, прямо надо сказать,— вспоминает Куприянов.— Десятирублевая стипендия казалась верхом счастья. Рисовали вывески для магазинов, оформляли во время празднеств улицы и площади... Летом, когда работу «по специальности» было добывать трудно, шли в «актеры». Я изображал Пата, а Коля Соколов — Паташона, я надевал его пиджак, а он — мой. Обычно мы выступали в каком-либо подмосковном доме отдыха. Наши скромные артистические таланты вознаграждались аплодисментами и обедом, что было самым главным.

Художники, образовавшие уникальное творческое содружество Кукрыниксы, редко говорят о себе «я», а всегда — «мы». Выработанная общность вкусов, приемов, одна и та же пройденная школа мастерства, разумеется, делают художников схожими друг с другом.

«Нас легче всего различать по привязанности к той или иной теме пейзажа,— говорит Михаил Васильевич,— я, например, люблю воду — и полюбил ее еще с детских лет, когда жил на Волге в Тетюшах».

И в самом деле, когда разглядываешь картины и этюды Куприянова, глаз радует то серебряная рябь речной волны, то яркая зелень заросшего пруда, то тихое, ласковое взморье, прогретое солнцем.

В картине «Лето» художник не удаляется под сень веселых дубрав, не выходит в широкое поле или на цветущий луг. Он приник взглядом к воде, в которой отражаются склонившиеся кроны деревьев, ему нравится маленькая лодчонка, приставшая к берегу, солнечные лучи, бегающие веселыми бликами по зеленой поверхности реки. Тишина, разлитая вокруг, успокаивает душу.

Геническ — любимое место отдыха и творческих поисков художника. Маленький поэтичный городок, расположившийся на берегу Азовского моря, создает для него обстановку творческого вдохновения. На картине, посвященной азовской теме, красиво выделяется белый парус на фоне неба, чуть подсвеченного красками позднего летнего заката, едва приметная ленивая волна плещет у берега, умиротворение, покой разлиты вокруг. Чувствуешь, что художнику мил этот южный уголок нашей земли, что он искренне радуется, когда воспроизводит на холсте его нежные краски. В Венеции внимание Михаила Куприянова привлекла не площадь св. Марка с ее знаменитым собором, а Большой канал с зеленоватой водой. В картине 1943 года «Архангельское» нет воды — вокруг старинного дворца лежит синий мартовский снег, весеннее солнце щедро льет свое тепло, и по всему угадывается, что вот-вот побегут шумные ручьи...

Картины Михаила Куприянова лиричны, нежны и, я бы сказал, музыкальны.

Михаил Васильевич высок, худощав, подтянут, бодр. Он кажется суховатым и даже несколько мрачным. Но эта мрачность мгновенно исчезает, когда он смеется. Смех у него молодой и заразительный. Он любит острое словцо, которое звучит особенно сильно при его кажущейся мрачности. Когда Кукрыниксы приходят в редакцию, «троицу единосущную и нераздельную», как их назвал Горький, обычно возглавляет Михаил Васильевич — у него солидный бас, и ему легче разговаривать. Он близорук, носит сильные очки и становится по-детски беспомощным и растерянным, когда нужно их снять.

— Вот я и догнал Порфишу и Колю, мне уже тоже семьдесят,— говорит он, сидя в широком, просторном кресле,— а всем вместе нам двести одиннадцать. Многовато?

У Кукрыниксов — все «вместе»: счет прожитых лет, счет удач, успехов, радостей...

— Дети стали взрослыми, внуки растут, набираются сил. В роду у Кукрыниксов одиннадцать художников — шутка сказать. Одни из них уже стали на собственные ноги, другие еще доучиваются...— говорит Михаил Васильевич.

Мне несколько странно это слышать. Я помню зачинателей династии Кукрыниксов такими молодыми, что представить их в роли почтенных дедушек мне трудно. Но время идет, и остановить его, увы, нельзя.

Хочется искренне пожелать, чтобы молодую поросль Кукрыниксов озарял свет той необыкновенной творческой дружбы, которая соединила их отцов и дедов. А дружба эта тоже «юбилейная» — ей полвека.

Ник. КРУЖКОВ

Михаил БЕЛЯЕВ

ПЛАМЯ СТАРОГО ДОМА

* * *

Пожары над домом и стрелы неслись,
В нем женщины кланялись плети,
Но думы о жизни томили их жизнь,
И сказками бредили дети.

Каким бы ни гнуло насильем чужим,
Любовь молодила хоромы!
И люди вставали, как солнечный дым,
Кудрявы, легки и огромны.

Среди экскаваторов, рушивших дом,
За долгие годы все вместе
Старинные свадьбы сегодня огнем
Восстали: невестой к невесте.

Другим поколеньям,
Хоромам другим
Всей жизнью своей отзывались:
Играли, сияя над пеплом своим,
Обнявшись, навек расставались.

И пламенем с яркой своей вышины
Глядели сквозь время далече:
Какие тут камни улечься должны,
Чтоб дом был теплее и крепче?

Золу шевельнул экскаватор в ночи.
А через четыре недели,
Как нового светлого дома ключи,
Над стройкою звезды взгремели.

ИВАНЫЧ СМОТРИТ НА ЗАКАТ

Через вишни и кусты
Бьет в лицо пожар заката.
Засветила окна хата.
Рановато.
Рановато.

У окна хозяйка шьет.
А хозяин к солнцу вышел,
Словно сына он услышал.
Свет над полем.
Свет над крышей.

Вышел глянуть на закат,
Что раскинулся широко.
В алый свет спешит дорога
Мимо хаты,
Мимо лога.

По дороге не пылит
Быстрая веломашина.
Ждет и ждет Иваныч сына
Из-под самого Берлина.

Сын умчался на войну,
Укатил нетерпеливо.
Слал он в письмах торопливых
Только битвы,
Только взрывы!

У Зееловских высот
Он летел с полком десантным.
Вспыхнул танк огнем закатным,
Необъятным,
Необхватным.

И пошел, пошел, пошел
Над землей отцу навстречу —
Брызнуть солнцем в белой
грече
По Заречью,
По Заречью.

Сына ждет Иваныч, ждет.
Словно сын пыланьем алым
Жизни всей несет начало
Небывалым,
Возмужалым.

Словно сына своего
Никогда отец не видел.
Словно вдруг сегодня Витя
В городки сражаться выйдет.

Но горит, молчит закат
Возле дома близко-близко
Ярко-красным обелиском.
И стоит Иваныч
В искрах...

* * *

Цветение по всей земле —
И связками и россыпью.
Прохладой веешь ты в тепле,
Как осенью,
Как осенью.

Ты вышла будто бы из льда,
Морозами точенная.
И снова древняя вода
Светлела,
Удивленная.

Но плечи были, как огни,
Стыдливые,
Пахучие.
Светились матово они,
Как яблони цветущие.

К реке скатились ручейки,
Ушли, тобой не подняты.
Ты отвернулась от реки,
Как от любви непонятой.

Была дорога далека,
С ночным сливалась пологом.
Ты уходила...
И река
Тащилась сзади волоком.

Первый секретарь Запорожского горкома КП Украины Е. А. ПЬЯНКОВ.
Генерал-лейтенант Е. Т. МАРЧЕНКО.

СТАЛЬНОЕ

Три десятилетия назад, 14 октября 1943 года, столица нашей Родины Москва салютовала двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий доблестным войскам Юго-Западного фронта, которые под командованием генерала армии Р. Я. Малиновского после упорных боев освободили от немецко-фашистских захватчиков крупный промышленный центр Советской Украины город Запорожье.

Разрушенные заводские цехи, искореженные опорные мачты высоковольтных передач, почерневшие остовы деревьев и дымящиеся груды развалин на месте жилых домов — вот что увидели механик-водитель Варекун, командир орудия Лебедев, радист Шепелев и командир экипажа лейтенант Яценко, когда, первыми ворвавшись на своем танке в город, вели неравный бой с гитлеровцами...

Сегодня на Советской площади, одной из самых красивых в Запорожье, в честь бесстрашных танкистов поднята на каменный пьедестал грозная боевая машина. Именем Героя Советского Союза Николая Лаврентьевича Яценко названа улица. Память о тех, кто отдал свои жизни за счастье будущих поколений, свято чтут жители города, который, подобно многим нашим городам, подвергшимся фашистскому нашествию, был не только тружеником, но и воином.

Л. И. Брежнев на строительстве «Запорожстали». 1947 год.

Днепровские пороги. Остров Хортица. Овеянные романтикой легендарные места вольной казацкой Сечи! Когда-то в надежде обрести свободу стремился сюда бесправный крепостной люд. Однако подлинное освобождение от векового гнета эксплуататоров принесла трудовому народу Великая Октябрьская социалистическая революция. Гениальные идеи Владимира Ильича Ленина, воплощенные в плане ГОЭЛРО, положили начало преобразованию России. Строительство Днепрогэса стало символом трудового героизма первых пятилеток, ярким свидетельством братской дружбы многонациональной семьи советских народов.

В осуществление ленинских планов индустриализации страны под руководством партии и правительства в тридцатые годы закладывается запорожский промышленный комплекс. Со всех концов нашей необъятной Родины по призыву партии, охваченные единым патриотическим порывом, едут в Запорожье энтузиасты-строители, чтобы плечом к плечу со своими украинскими братьями возвести корпуса «Днепроспецстали», коксохимический, ферросплавный, алюминиевый, комбайновый и другие заводы. Уже в предвоенные годы далеко за пределами Украины гремела слава «Запорожстали».

В Запорожье создавались и предприятия легкой и пищевой промышленности, велось огромное жилищное строительство. Вдоль широких улиц и проспектов поднимались кварталы красивых благоустроенных домов...

Вероломное нападение фашистской Германии на нашу страну прервало мирный созидательный труд советского народа.

В первый же день войны на всех предприятиях Запорожья состоялись митинги. «...Мы готовы стальной грудью встать на защиту своей родной земли, не жалея ни своих сил, ни своей жизни»,— записали в резолюции митинга металлурги «Запорожстали».

Городская партийная организация перестроилась на военный лад. Призыв в Красную Армию, партийная и комсомольская мобилизация, создание отрядов народного ополчения, куда записалось свыше сорока пяти тысяч человек,— вот что являлось теперь важнейшей частью партийной работы. В цехи заводов на смену тем, кто с оружием в руках сражался с захватчиками, возвратились старые кадровые рабочие, пришли женщины и подростки. Коммунисты бросили клич: «Работать за себя и за товарища, ушедшего на фронт!» А линия фронта неуклонно приближалась...

18 августа 1941 года фашистские войска вышли на правый берег Днепра в районе Запорожья. Началась героическая оборона города. Днем и ночью гитлеровцы бомбили и обстреливали из орудий жилые кварталы и заводы, но работа в цехах не прекращалась ни на минуту. 274-я стрелковая дивизия, сформированная из рабочих промышленных предприятий и крестьян близлежащих сел, мужественно отстаивала каждую пядь родной земли. Возглавляемые чекистами истребительные батальоны совершали смелые диверсии в тылу противника, добывали ценные разведывательные данные.

В сентябре гитлеровское командование предприняло решительную попытку сломить сопротивление и сбросило десант на остров Хортица. Защитники города под командованием начальника гарнизона, полковника В. А. Судеца атаковали остров и уничтожили фашистских десантников. Сорок семь суток части Красной Армии и народного ополчения вели упорное сражение.

В эти трагические дни трудящиеся города под руководством члена Военного совета Южного фронта, председателя Совнаркома УССР Л. Р. Корнийца, под руководством обкома и горкома партии проделали титаническую работу по демонтажу и эвакуации промышленных предприятий. Под разрывами бомб и снарядов рабочие грузили на железнодорожные платформы оборудование, станки и машины, чтобы отправить их в Сибирь, на Урал, в Среднюю Азию, где уже спустя несколько месяцев они вновь начинали давать продукцию для нужд фронта...

Недавно к нам приезжала делегация из Новокузнецка, с которым соревнуется Запорожье. Делегаты передали запорожцам привет от прокатчиков стана «450». Привет этот особенно дорог нашим металлургам, потому что стан «450» стоял когда-то на заводе «Днепроспецсталь» и был спасен рабочими в те суровые и героические дни. Сейчас он модернизирован и продолжает выпускать высококачественный прокат...

Лишь после того, как был полностью закончен демонтаж и на восток страны отправились эшелоны с оборудованием более сорока предприятий общесоюзного и местного значения, Запорожский обком и облисполком доложили Центральному Комитету партии и Советскому правительству о завершении эвакуации промышленности и сельского хозяйства области. До последнего часа оставались на самых трудных и ответственных участках советские и партийные работники Запорожья — секретари обкома партии А. П. Кириленко и П. С. Резник, секретарь горкома П. Н. Комаров, хозяйственные руководители — А. Н. Кузьмин, А. Ф. Трегубенко и многие другие. Израненный город покидали его защитники, до конца исполнившие свой долг. Они сорвали замыслы врага, помешали ему овладеть индустриальной базой Запорожья и теперь оставляли полуразрушенные, опустевшие кварталы с твердой верой, что фашистам недолго разгуливать по священной советской земле.

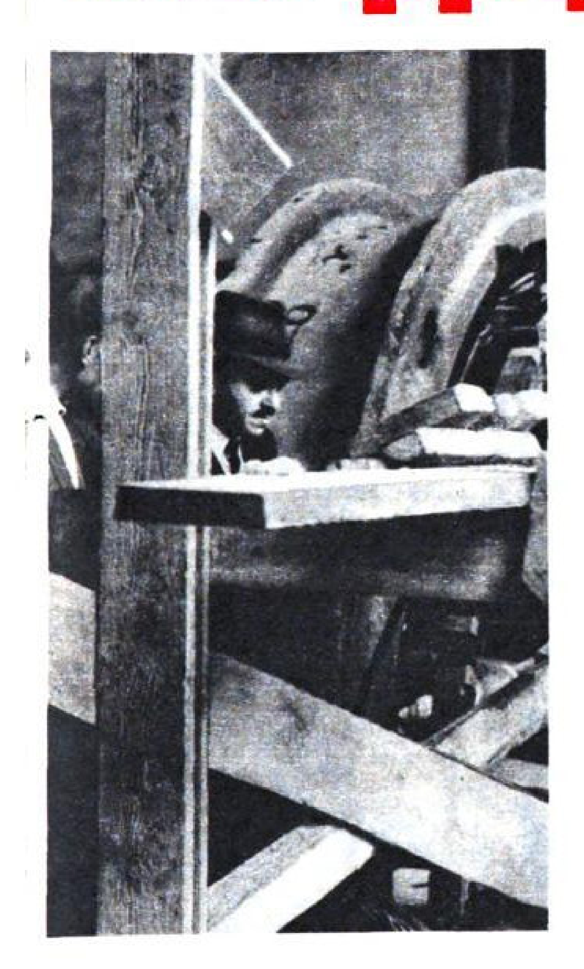
4 октября 1941 года гитлеровские войска вступили в покинутый город. Для оставшихся жителей потянулись черные времена фашистской неволи, которая длилась два года. Однако захватчики ни единого дня не чувствовали себя спокойно. Запорожцы не покорились, они продолжали борьбу.

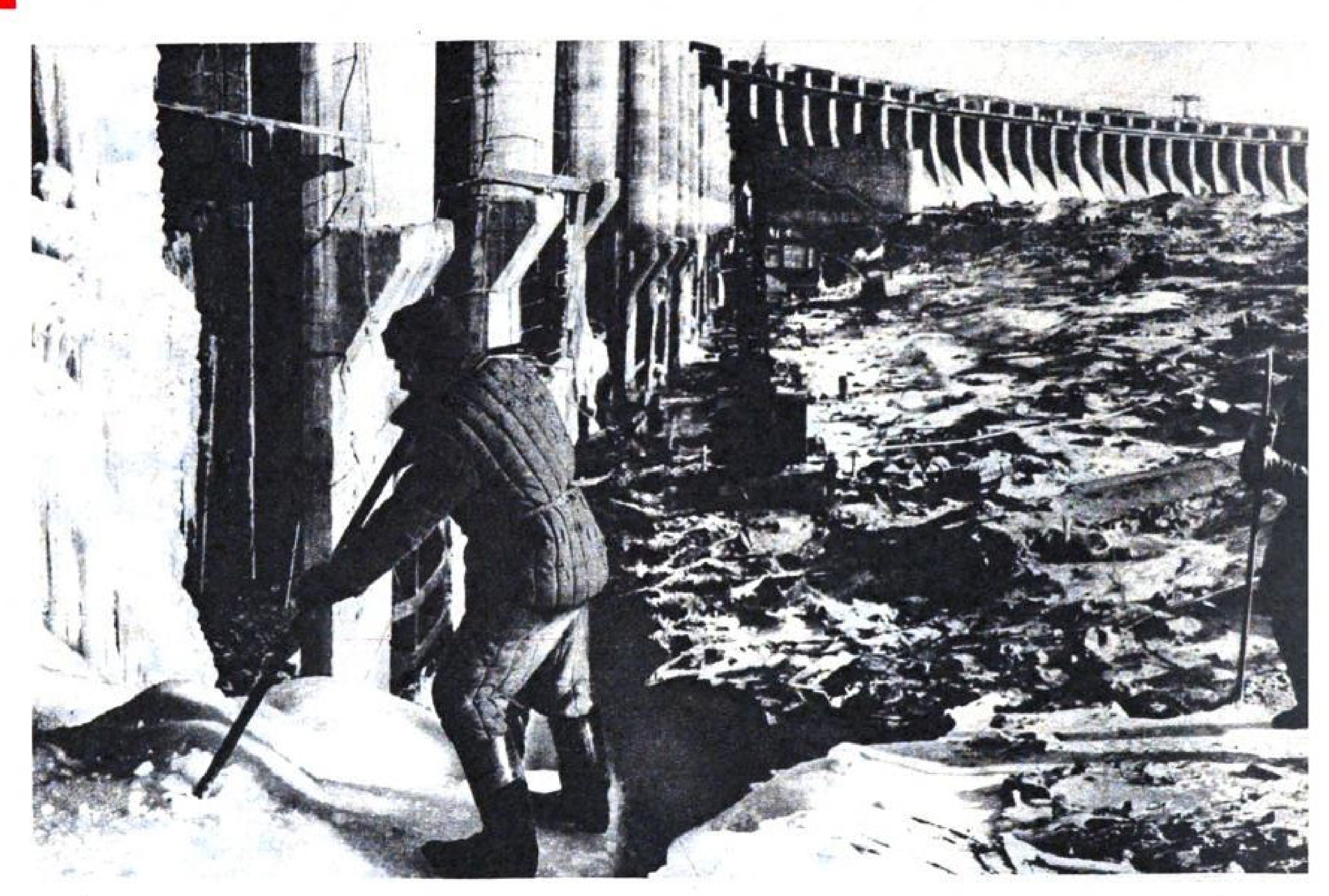
Руководили этой борьбой подпольные обком в составе А. А. Сотникова, А. Т. Пивоварова, Е. К. Скибы и горком партии, в который вошли М. Т. Грицай, А. Н. Боярский и А. В. Коллеров. Свыше тысячи подпольщиков, в том числе триста коммунистов, устраивали диверсии, организовывали побеги военнопленных, распространяли сводки Совинформбюро, несшие людям правду о положении на фронтах, готовили вооруженное восстание. Не всем бойцам подпольного фронта удалось дожить до прихода наших частей. Фашистскими карателями были казнены коммунисты Л. Л. Ачкасов, Б. И. Миронов, Н. Г. Гончар, погибли А. Н. Боярский, А. В. Коллеров и многие другие патриоты, но они внесли свой вклад в общенародную борьбу и сделали все возможное, чтобы приблизить светлый день освобождения родного города.

Разгромив гитлеровцев под Сталинградом и Курском, советские воины в 1943 году вступили на Украину. Немецкое командование пыталось остановить стремительное продвижение нашей армии, создав мощный оборонительный рубеж на Днепре. Но уже ничто не могло спасти захватчиков. В сентябре советские войска очистили от оккупантов Донбасс и вышли на линию Новомосковск — восточнее Запорожья — река Молочная. На этот участок противник перебросил дополнительно пять дивизий, что позволило ему временно задержать наступление войск Юго-Западного фронта, однако уже во второй половине сентября генерал армии Р. Я. Малиновский докладывал Ставке о вступлении на территорию Запорожской области.

Ставка Верховного Главнокомандования на-

СЕРДЦЕ ЗАПОРОЖЬЯ

Зима 1945 года. Днепрогэс.
Фото Е. Халдея.

значила точный срок взятия Запорожья — до 15 октября.

Советским войскам в этом районе противостояла группа армий «Юг» под командованием фельдмаршала Манштейна. Гитлер требовал любой ценой удержать город. Запорожский плацдарм обороняло семь полностью укомплектованных пехотных дивизий и 40-й танковый корпус.

С первого октября в ходе наступления велась подготовка к генеральному штурму Запорожья, а спустя десять дней бои уже шли на внешнем обводе плацдарма. Враг оказывал ожесточенное сопротивление, и наше командование приняло решение штурмовать Запорожье ночью при четком взаимодействии всех частей.

Вечером 13 октября после непродолжительной артиллерийской подготовки советские войска пошли на приступ. Танки и орудия продвигались в боевых порядках пехоты. Сражение длилось всю ночь. К утру фашисты не выдержали натиска и, оставляя оборонительные рубежи, стали отходить к переправам, где попадали под удары летчиков 17-й воздушной армии генерала В. А. Судеца. В полдень 14 октября наши части пробились к левому берегу Днепра и овладели городом Запорожье.

«Впервые в Великой Отечественной войне в ночных условиях силами общевойсковых объединений и танковых соединений была проведена операция с целью освобождения крупного промышленного города, превращенного противником в сильный оборонительный район» — так впоследствии была охарактеризована военными историками победа наших войск, которая свидетельствовала о возросшем военном искусстве советского командования.

Неувядаемой славой покрыли себя в боях за Запорожье войска генерал-лейтенанта Чуйкова, генерал-майора Данилова, генерал-лейтенанта танковых войск Пушкина, генерал-майора авиации Толстикова и других талантливых военачальников. Тридцати с лишним частям и соединениям было присвоено имя «Запорожских», а девять — награждены орденом боевого Красного Знамени.

Еще гремело сражение на правом берегу Днепра, а бюро Запорожского горкома партии приняло решение о восстановлении предприятий города и в первую очередь заводов «Запорожсталь» и коксохимического. Весной 1944 года началась новая битва за Запорожье — трудовая. Из руин поднимались разрушенные предприятия, в городе налаживалась мирная жизнь...

В первые послевоенные годы страна остро нуждалась в металле, и поэтому восстановлению промышленного комплекса Запорожья придавалось огромное значение. Сюда направлялись лучшие кадры партийных и хозяйственных руководителей. В 1946 году первым секретарем Запорожского обкома партии был избран инженер-металлург Леонид Ильич Брежнев, бывший начальник Политуправления 4-го Украинского фронта. По решению правительства восстановление производства холоднокатаного листа на заводе «Запорожсталь» возглавил опытнейший строитель, инженер В. Э. Дымшиц.

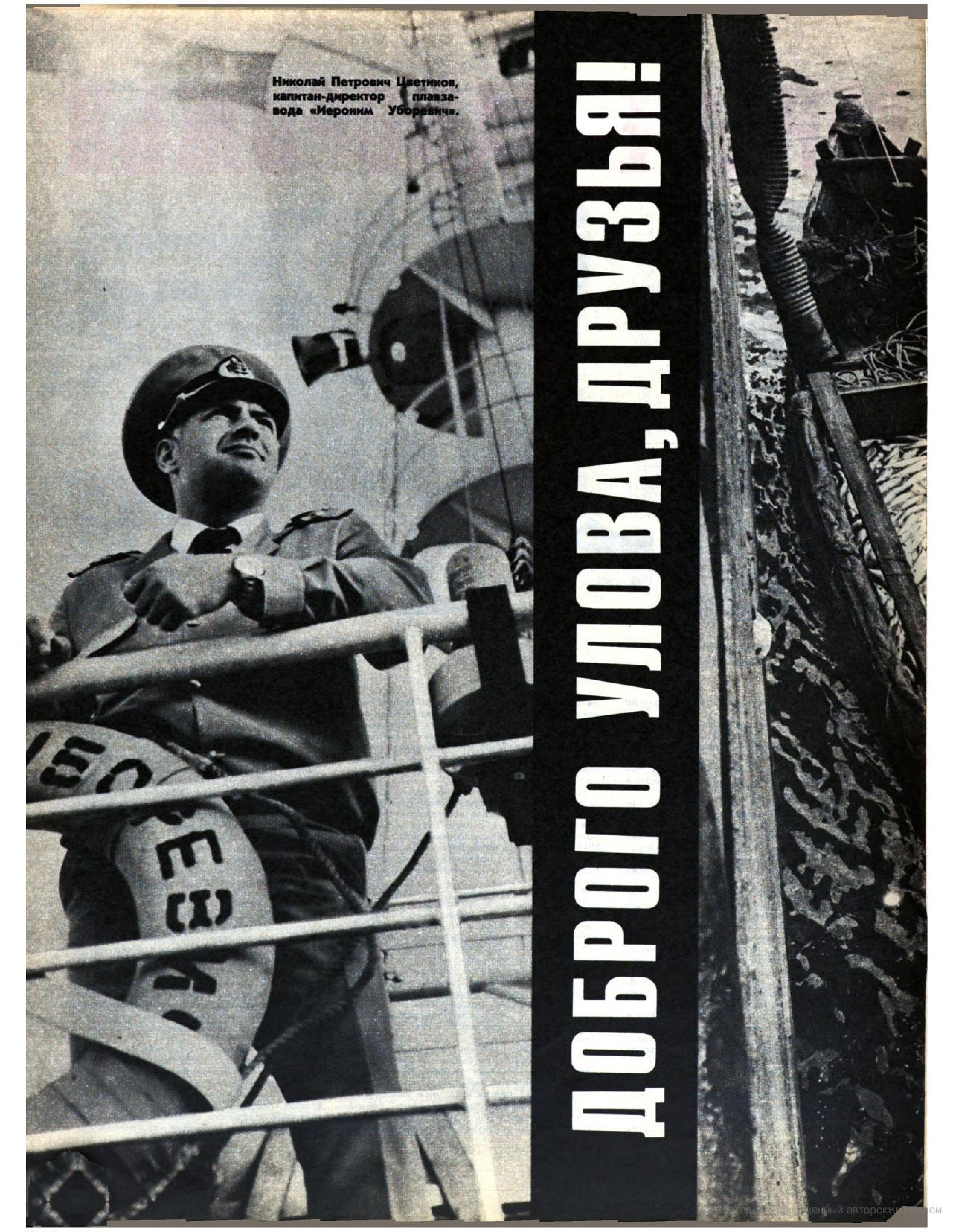
Люди работали, не считаясь со временем, отдавая все свои силы быстрейшему выполнению правительственных заданий. В те напряженные месяцы рабочий кабинет первого секретаря обкома партии находился непосредственно на «Запорожстали». Леонида Ильича Брежнева можно было встретить на пусковых объектах днем и ночью. На «Запорожсталь» приезжали к нему секретари горкомов и райкомов, чтобы решить вопросы строительства и восстановления города и области.

Страна получила запорожский стальной лист к октябрю 1947 года. Трудовой подвиг коллектива «Запорожстали» был отмечен орденом Ленина. Около двух тысяч рабочих, инженеров и техников, участвовавших в возрождении завода, были награждены орденами и медалями. И среди тех, кого Родина удостоила своей высшей награды — ордена Ленина, был и первый секретарь Запорожского обкома партии Леонид Ильич Брежнев.

Прошли годы. Запорожцы давно залечили раны войны. Сейчас наш город стал еще краше. Живет в нем семьсот тысяч человек, более половины которых трудятся на восстановленных и вновь построенных предприятиях. Продукция запорожских заводов известна сегодня почти в семидесяти странах мира.

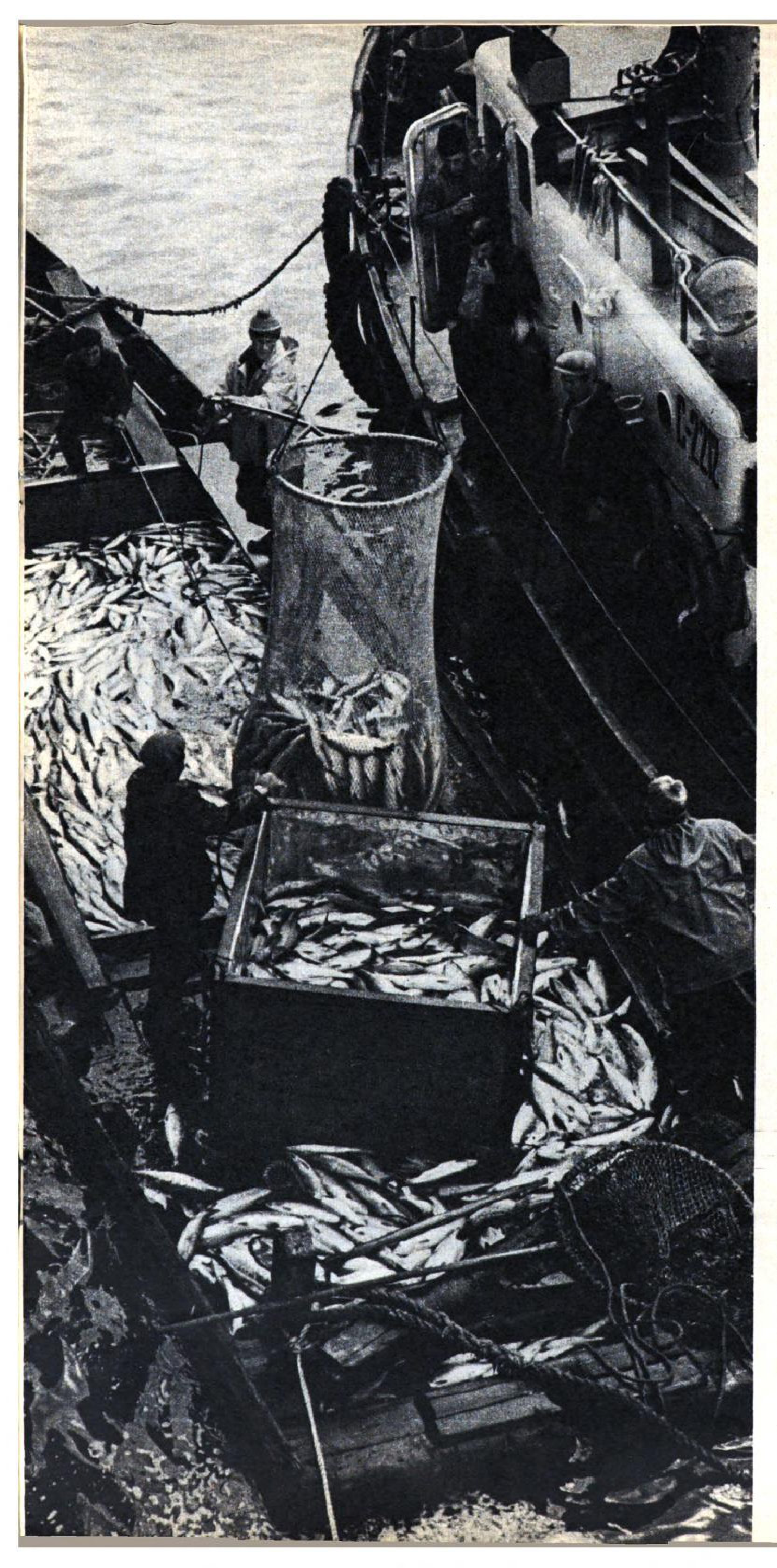
По утрам улицы нашего города заполняют молодые, жизнерадостные люди, спешащие на заводы и в научно-исследовательские учреждения, в институты и школы. Как и повсюду в нашей стране, запорожцы уверенно смотрят в будущее, завоеванное для них в жестоких битвах. И ежегодно 14 октября они приносят цветы к могилам павших борцов, отдавая дань беззаветному мужеству воинов-освободителей и скорбя о тех, кому не суждено было испытать радость Победы...

Минуло тридцать лет с тех пор, как умолкли пушки на берегах Днепра, но никогда не сотрутся в памяти потомков грозовые дни Великой Отечественной войны. Подвиги воинов служат примером нынешним поколениям советских людей и вдохновляют их на новые трудовые свершения во имя мира и счастья на земле, во имя торжества коммунизма.

ДОБРОГО УЛОВА, ДРУЗЬЯ!

Николай Петрович Цветиков, капитан-директор плавзавода «Иероним Уборевич».

«Значительно улучшить эксплуатацию рыбопромыслового флота... особенно в Дальневосточном бассейне».

Из Директив XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР.

В. КУЗНЕЦОВ,
специальный корреспондент «Огонька»,
фото автора.

Судовые часы показывают пять утра, а в Москве сейчас восемь вечера. Там еще «вчера». Рыбоконсервный плавзавод «Иероним Уборевич» встречает первый день путины у северо-восточных берегов Камчатки.

Легкий бриз медленно сворачивает полог океанской ночи. Наползают ленивые валы, ударившись о борт, они откатываются, показывая нам свою зеленую бархатную «подкладку». Переваливаясь на волнах, к плавзаводу спешат суда добывающего флота — везут на обработку только что выловленную рыбу. Динамики судовой трансляции по всем цехам и каютам разносят команду вахтенного штурмана: «Дежурным лебедчикам и бригаде аккумуляции первой смены приготовиться к приемке сырца!» Эти слова извещают о начале промысла, ждут их всегда с нетерпением и встречают радостными улыбками.

Плавзавод — современное промышленное предприятие и одновременно «дом» для сотен людей, впрочем, не только дом, а вроде бы целый микрорайон, имеющий в своем распоряжении все необходимое для удобного обитания его «населения». Здесь «прописаны» 530 человек 22 национальностей и самых разных профессий. Штурманы, механики, радисты, мотористы, парикмахеры, повара, экономисты, химики, даже учителя: на плавзаводе два учебных заведения — заочная общеобразовательная школа рыбаков, в которой занимается более ста человек, и школа английского языка. Прекрасная библиотека располагает пятью тысячами книг. Красный уголок и кинозал, кают-компании и столовая, лазарет и парикмахерская, магазины и почта — все, что нужно для отдыха и быта человека. Ведь почти целый год живут и работают здесь разные по характерам и привычкам, объединенные морем люди. Одни из них родились на побережье, и для них профессия рыбака—продолжение семейной традиции. Для других, приехавших на Дальний Восток недавно, все ново: и нелегкий рыбацкий труд, и суда, и путина. Правда, случается, что кто-то, не выдержав долгой разлуки с землей, уезжает. Но многие влюбляются в море, навсегда роднятся с ним. На «Иерониме Уборевиче» есть люди, морской стаж которых исчисляется десятками лет. Восемнадцатилетней девушкой в трудном сорок

Перегруз.

пятом году поселилась в Приморье москвичка Галина Сергеевна Данилина и с тех пор не расстается с морем. Сегодня коммунист Данилина исполняет обязанности заместителя капитан-директора по производству.

— Бывает, в плохую погоду взгрустнешь, закроешь глаза, и поведут улочки детства по московским кварталам старого Арбата,— улыбаясь, говорит Галина Сергеевна.— А кончится путина, поедешь в отпуск, и через месяц-два снова тянет на плавзавод.

Капитан-директор «Иеронима Уборевича» Николай Петрович Цветиков — кубанец, родился в станице Отважная, окончил Херсонскую мореходку. Пять лет назад принял плавзавод. Тогда ему было тридцать. Самый молодой из капитан-директоров. До этого назначения работал штурманом, бороздил тихоокеанские просторы. Больше бывал на воде, чем на земле. Познакомился я с ним в Москве. Николай Петрович приехал на совещание в Министерство рыбного хозяйства СССР, рассказал о принятых коллективом плавзавода обязательствах: выполнить пятилетний план по всем показателям за четыре года и реализовать сверхплановой продукции на десять миллионов рублей... Тогда же и был принят вызов на социалистическое соревнование от экипажа большого рыбоконсервного траулера «Анатолий Халин» объединения «Атлантика» Азчеррыбы. Значит, теперь надо трудиться еще лучше и не уронить славу дальневосточных рыбаков.

...А море заметно разгуливается. Совсем недавно казавшиеся ленивыми волны рушатся о борта плавзавода, с удивительной легкостью раскачивая многотонную громаду. Мы уже приняли сырец с нескольких кунгасов. На полный ход работают машины разделки. Транспортеры перебрасывают в завод первые центнеры разделанной рыбы. Но с каждым часом перегруз усложняется. Все стараются поточнее делать свою работу — идет большая рыба, и надо выигрывать каждый час у морского непостоянства.

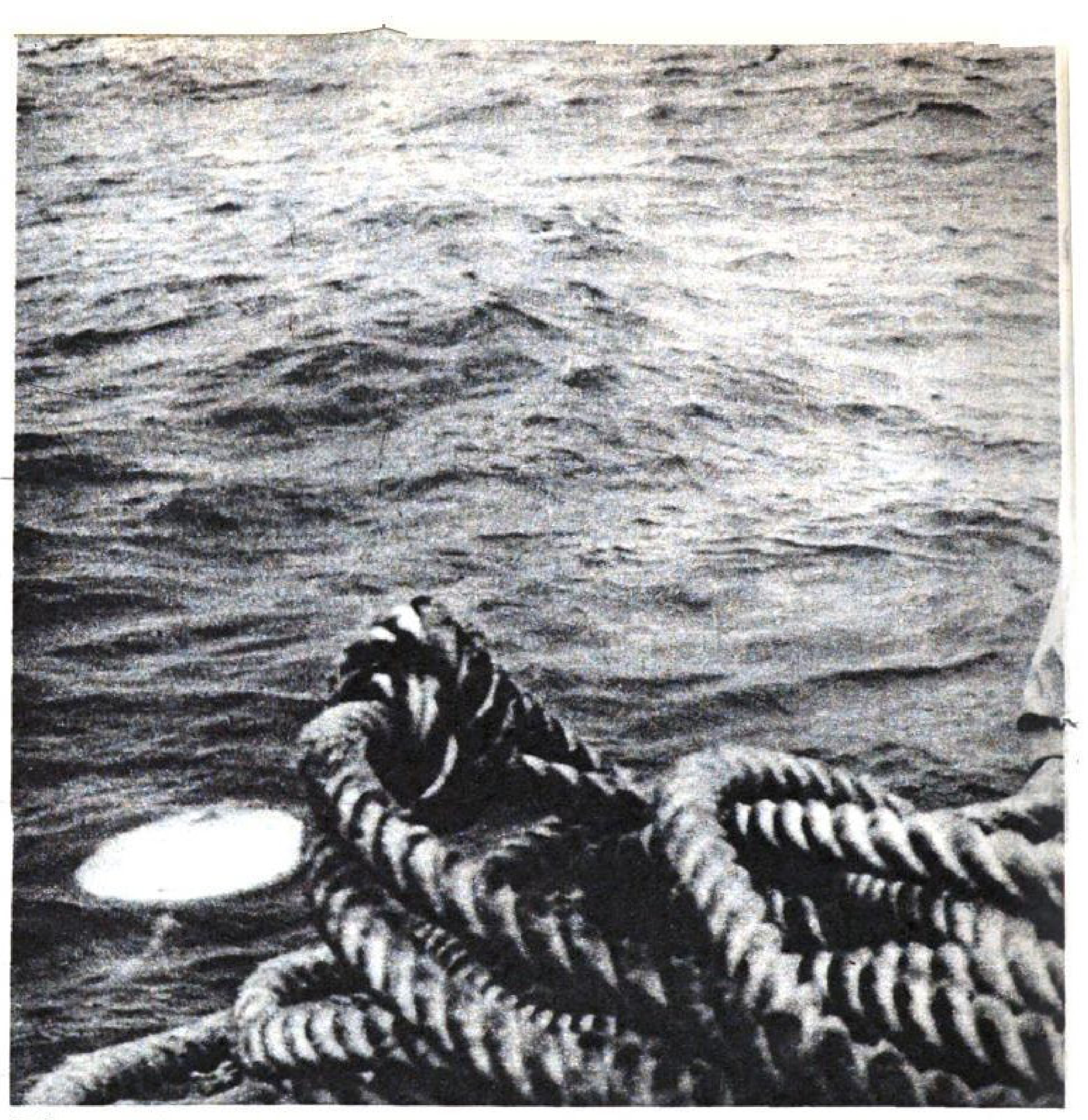
На «Иерониме Уборевиче» своеобразный ритм жизни. Трудно уловить, когда здесь начинается и когда заканчивается рабочий день. Круглые сутки на судне движение и шум. Приемщики верхней палубы получают живую рыбу. Часть ее разделывается. Остальная пересыпается снегом, изготовленным тут же, на плавзаводе, и перегружается в морозильные камеры: если добывающий флот по какой-то причине не может подвезти рыбу, цехи не остановятся — перейдут на обработку резервов. Работает завод в две смены — по двенадцать часов каждая. И так изо дня в день, все месяцы промысла...

В цех укладки можно попасть не иначе как облачившись в белый халат, накрахмаленный чепчик и резиновые сапоги — санитария! Здесь работают конвейерные линии. По транспортерным лентам ползут лотки с аккуратно нарезанными кусочками рыбьего мяса. Пока посверкивают в лучах электрических светильников пустые банки. Укладка — работа женская. Проворные руки заполняют банки аппетитными ломтиками рыбы. И вот уже другой транспортер уносит из цеха тысячи подготовленных банок. Теперь они пройдут посолочную, вакуумную, закаточную машины, попадут в автоклав и превратятся в отличные консервы: «Лосось натуральный», «Рагу», «Уха камчатская»...

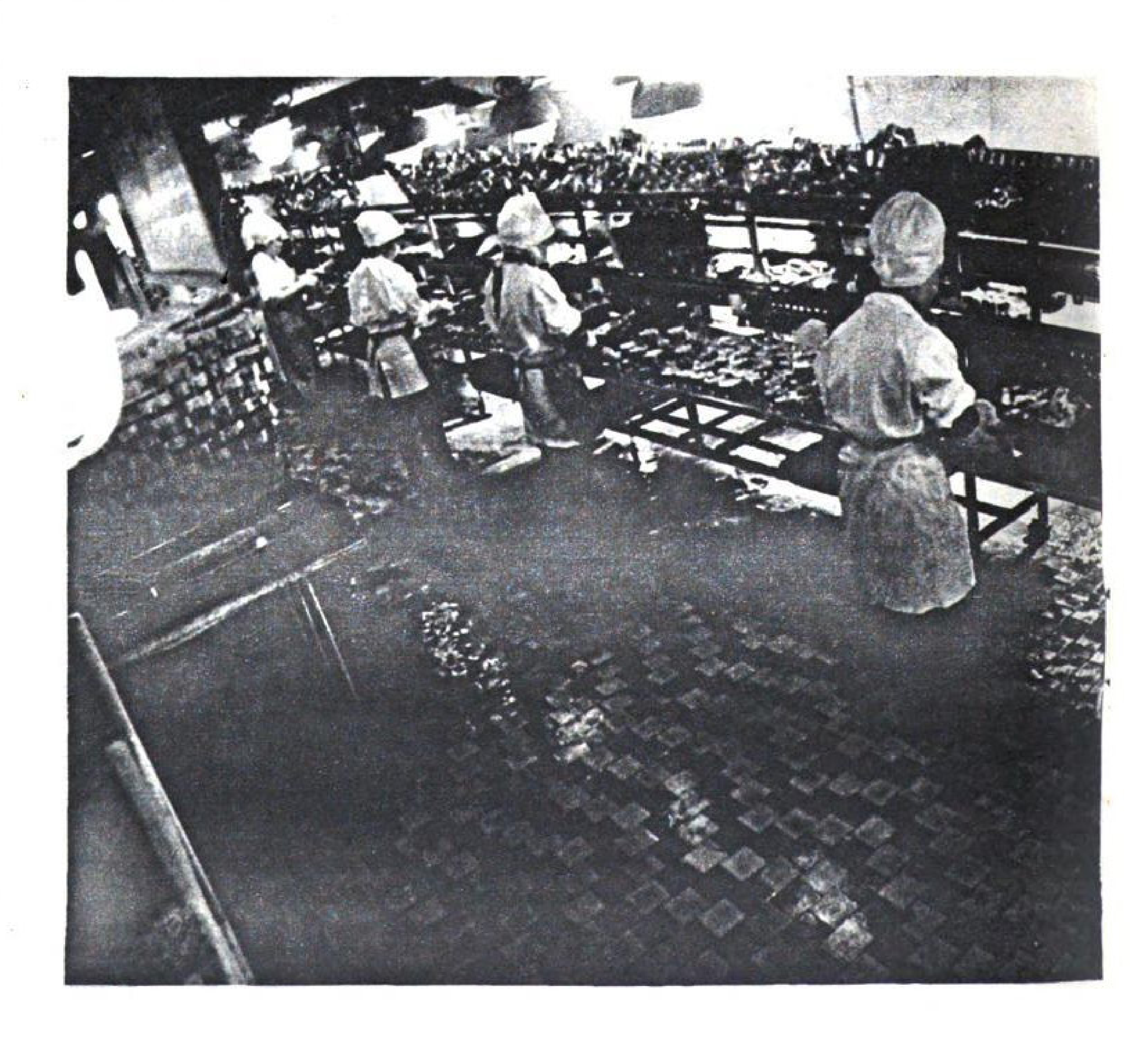
Первый день, первая продукция, первая усталость и первая радость — хорошо потрудились. Мастера направляются в кают-компанию. Здесь химик Ольга Васильевна Кузнецова руководит дегустацией первой партии консервов. Авторитетная комиссия во главе с капитан-директором придирчива, кого-то журят, кого-то хвалят. Но в целом комсомольская смена старшего мастера Виктора Гавриченко сработала отлично. После подсчета объявляют: за день изготовлено около ста пятидесяти тысяч банок, план выполнен на сто тридцать два процента. Неплохое начало...

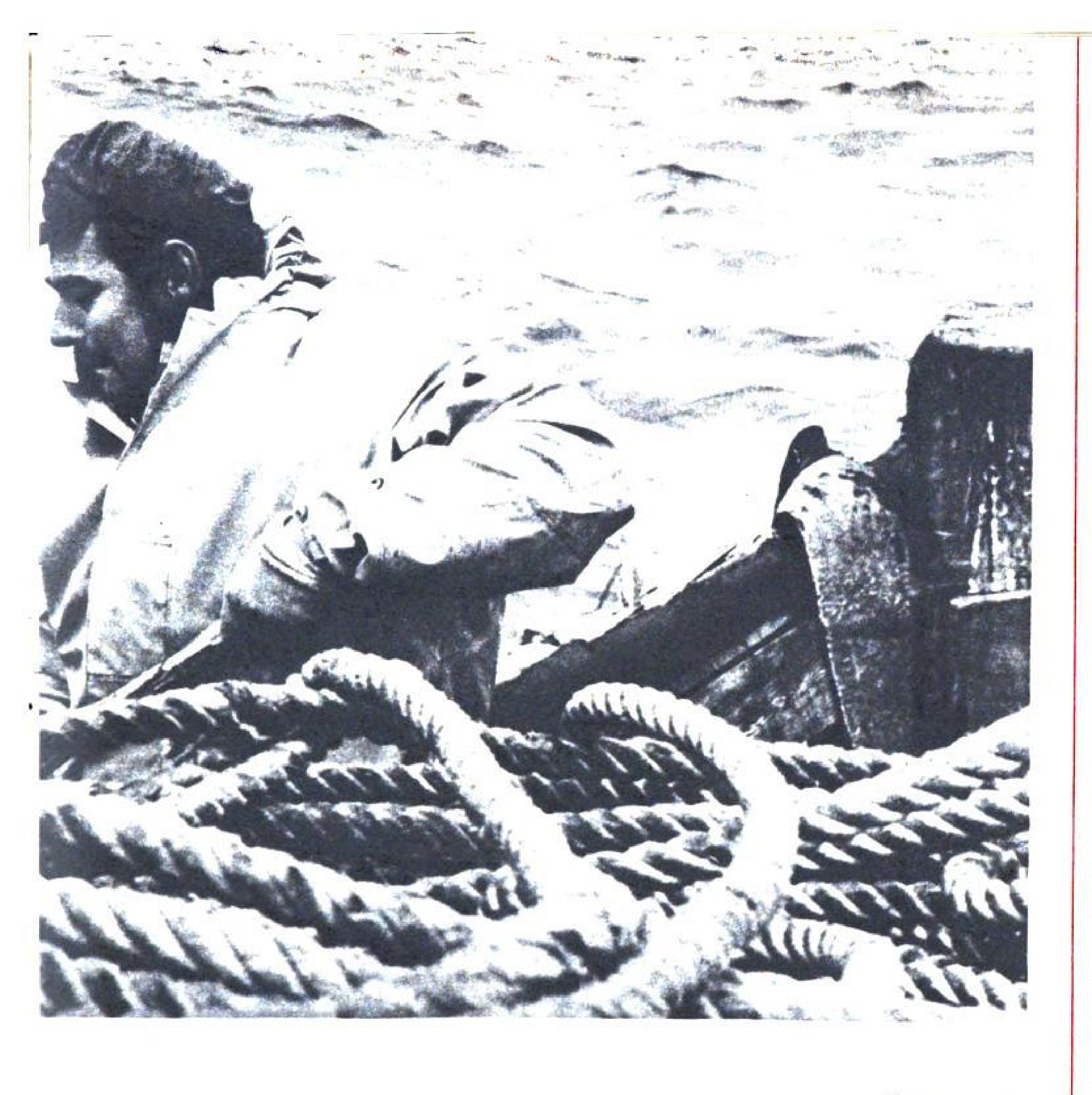
* * *

Уже когда набирался этот репортаж, я узнал о результатах работы плавзавода «Иероним Уборевич» в первом полугодии третьего года пятилетки: коллектив выполнил план по производству консервов на 187 процентов, изготовлено около десяти миллионов банок. Доброго вам улова, друзья!

Рыбак А. Кабаков.

Цех укладки.

СЛОВО ОБ ОТДЫХЕ

Книга эта — о проблемах, которые волнуют всех. Нет, пожалуй, такой семьи, где бы время от времени не возникали жаркие дебаты: как будем отдыхать в этом году? И тут встают самые разные вопросы: где взять лодку напрокат, есть ли гостиницы, кемпинги на том туристском маршруте, что избран, можно ли достать путевку в пансионат?

«Слово об отдыхе» — отнюдь не справочная книга. Нет! Это свидетельство человека, отлично разбирающегося в сложных проблемах индустрии отдыха, индустрии гостеприимства, курортного строительства, туристского сервиса. Автору хорошо известны заботы и туриста в пути и человека с санаторной путевкой. Говорит он о многих проблемах спокойно, деловито, а порой в голосе его звучит страстность публициста, осуждающего тех, кто все еще не хочет понять, что хороший отдых — это залог высокой производительности труда, кто забывает, что отдых трудящихся — это весьма важная составная часть намеченной XXIV съездом партии программы борьбы за повышение благосостояния нашего народа.

Государство проявляет огромную заботу об отдыхе советских людей. С. Медунов приводит интересные цифры, факты, анализирует их в социальном плане.

Выдающееся социальное достижение нашей страны — увеличение общей продолжительности свободного времени, длительности ежегодных отпусков трудящихся: если в 1959 году 55 процентов рабочих и служащих имели отпуск продолжительностью около 15 рабочих дней, то уже к 1970 году три пятых имели ежегодный отпуск свыше 18 дней, а 34 процента — 24 дня.

Выделяются большие средства на курортное строительство, на сооружение здравниц, пансионатов, кемпингов, кафе, ресторанов в местах отдыха. Всюду ли умеют по-хозяйски распорядиться этими средствами? И вот тут-то автор заставляет читателя над многим призадуматься, иногда возмутиться неполадками, а подчас и порадоваться за деловитых, предприимчивых людей из службы отдыха. Привлекая богатый фактический материал, он вводит читателя в самую глубь темы, знакомит с очень интересными людьми, ставит острые вопросы. Вот, скажем, ресторан, кафе — предприятие первостепенного значения для отдыхающих, в особенности для тех из них, кто не имеет путевки в санаторий. Гарантия класса кухни — шеф-повар. А как у нас популяризируется эта профессия? Увы, еще невысок ее престиж в глазах молодежи. В Японии продают открытки с портретами «королевы тортов». О ней писали газеты, журналы. Это наша соотечественница Д. Ожигина, один из лучших кондитеров страны. Кто она, где можно попробовать ее торты? Весь мир писал о шеф-поваре из Москвы Григории Ермилине. Бабкен Маркарян из Армении — лауреат международных конкурсов кулинаров. У нас их почти не знают. Автор справедливо замечает: «Парадокс? Пожалуй. Грустный парадокс. В основе его — недооценка роли кулинара в угостительском сервисе... Корифеи уходят, кто займет их место?»

У нас есть прекрасные гостиницы, рестораны (и не только в Москве), страна наша богата чудесными уголками для отдыха в Сибири, Азербайджане, Молдавии, Киргизии. Увы, о них мало кто знает. Уж очень не предприимчивы, не изобретательны наша реклама, служба информации.

Хочется отметить еще один важный аспект книги. Есть в ней глава, эпиграфом к которой взяты стихи Маяковского: «...Смотрите на жизнь без очков и шор, глазами жадными цапайте все то, что у вашей земли хорошо и что хорошо на Западе». Автор книги сам много ездил по белу свету, изучая службу отдыха, и рассказывает по-деловому, без захлеба о том, что можно использовать у нас, внеся свои коррективы, переосмыслив с нравственных позиций социалистического общества.

Книга с интересом будет прочитана и теми, кто отдыхает, кто собирается отдыхать, и теми, кто призван позаботиться об отдыхающих.

Л. ЛЕРОВ

С. МЕДУНОВ. Слово об отдыхе. Издательство «Советская Россия», Москва, 1973.

В. НИКОЛАЕВ,
фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА,
специальные корреспонденты «Огонька»

ЖЕЛАНИЕ И ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ

В Национальный институт здоровья мы прибыли, согласно договоренности, с утра. Институт находится неподалеку от Вашингтона, в городке Бетесда.

Большой зал для заседаний, за длинным столом семеро американских медиков и мы двое, на столе — проекционный аппарат, на стене — экран, один за другим хозяева популярно объясняли нам суть разрабатываемых ими проблем и рассказывали о сотрудничестве со своими советскими коллегами. Заведующий отделением научных исследований д-р Дональд Фредриксон сделал обзор американо-советского сотрудничества в области сердечно-сосудистых заболеваний, глава отделения сердечно-сосудистых заболеваний д-р Роберт Леви говорил затем о лечении атеросклероза, его сменил заместитель заведующего отделением кардиологии д-р Питер Фроммер, и так далее до последнего, седьмого, сообщения, сделанного доктором Кларенсом Дэннисом, который говорил о создании искусственного сердца.

Не менее обстоятельные беседы состоялись у нас в институтах онкологии и окружающей среды. Уже в том, как мы были приняты в крупнейшем научно-исследовательском медицинском центре США, видна заинтересованность американцев в развитии контактов с нашей медицинской наукой. Для нас это было самое приятное и сильное впечатление, вынесенное оттуда,— их искреннее желание сотрудничать с нашими медиками. Это желание — сплав из нескольких компонентов: тут и добрая воля врачей, призванных служить человеку и облегчить его страдания в случае болезни, тут и профессиональная научная заинтересованность, тут и сугубо деловые, если хотите, даже финансовые соображения. Зачем, как говорится, «изобретать велосипед», если он давно кем-то уже придуман? Достаточно взять его чертеж. Так же и в науке, в том числе и медицинской. В этом центре нам говорили, что поток научной информации сейчас очень велик и взаимный обмен ею представляет большие возможности для ускорения прогресса науки, а значит, несет пользу людям и дает экономию средств. Иначе говоря, ум хорошо, а два лучше. Все ученые, с которыми мы встретились в Национальном институте здоровья, были высокого мнения об уровне нашей медицинской науки, и этим, несомненно, во многом объяснялось их стремление к сотрудничеству с нами. Так что получилась занятная штука: мы знакомились с вершинами медицинских достижений США, а испытывали при этом и гордость за нашу медицину. Хотя мы предупредили хозяев, что не имеем никакого отношения к этой науке, они тем не менее сочли нужным принять нас столь обстоятельно, и мы не могли не ощутить себя в какой-то мере полпредами наших отечественных медиков, которые, кстати говоря, теперь часто бывают в тех же самых стенах, и благодаря их достижениям мы были так радушно встречены американцами.

В Институте здоровья разговор с нами начали с сердечно-сосудистых заболеваний не случайно. Эти болезни на сегодня для человека враг № 1 (на болезни сердца приходится сорок пять процентов смертей, злокачественные опухоли занимают второе место). В Национальном институте здоровья этой проблемой занимается Институт сердца и легких. Еще в июне прошлого года президент США Никсон назначил директора этого института Теодора Купера «координатором» по осуществлению сотрудничества с советскими специалистами. С тех пор ученые из этого института работали в нашем Институте сердечно-сосудистой хирургии имени Бакулева и в Институте хирургии имени Вишневского. Здесь, в Национальном институте здоровья, был проведен совместный симпозиум на тему «Врожденные пороки сердца», на нем было заслушано и обсуждено 27 научных докладов и сообщений советских и американских специалистов.

В институте нам рассказали о плодотворных контактах с советскими учеными по таким темам, как атеросклероз, инфаркт миокарда, обмен веществ при сердечно-сосудистых заболеваниях, хирургическое лечение врожденных пороков сердца, особенно у детей. Советские и американские исследователи в области кардиологии проведут обследования больших групп населения в США и СССР, страдающих атеросклерозом. Анализ полученных результатов поможет эффективнее бороться с этим заболеванием, которое, к сожалению, с каждым годом становится все более распространенным. Американские и советские коллеги в этой отрасли медицины договорились между собой о совместной работе по еще одной важной теме — острые сердечно-сосудистые осложнения, ведущие к внезапной смерти. Более чем актуальная проблема! Ведь сколько сердечников умирает неожиданно, в одночасье! Многие из них и не подозревают, что находятся в зоне смертельной опасности, что через считанные дни или недели их сердце вдруг откажет. Задача медицины — научиться заранее распознавать приближение такого неожиданного конца и предотвращать преждевременную смерть.

Ученые обеих стран сейчас также совместно разрабатывают еще одну проблему — вспомогательное кровообращение, переливание и возмещение крови при операциях на сердце. И, наконец, идут совместные исследования по созданию искусственных органов сердечно-сосудистой системы человека.

Разработка каждой из этих проблем — дерзкое, захватывающее дух исследование! В этом убеждаешься, когда говоришь с сотрудниками Института сердца и легких, когда, затаив дыхание, смотришь на проецируемые на экран диапозитивы, демонстрирующие уже достигнутое и то, что предстоит сделать. Нас, дилетантов в медицине, особенно поразило сообщение об искусственных органах сердечно-сосудистой системы, потому что это наиболее, наверное, наглядный эксперимент. В этой области немалых достижений уже добились советский профессор Шумаков и американский доктор Дэннис. И еще об одном, действительно незабываемом впечатлении.

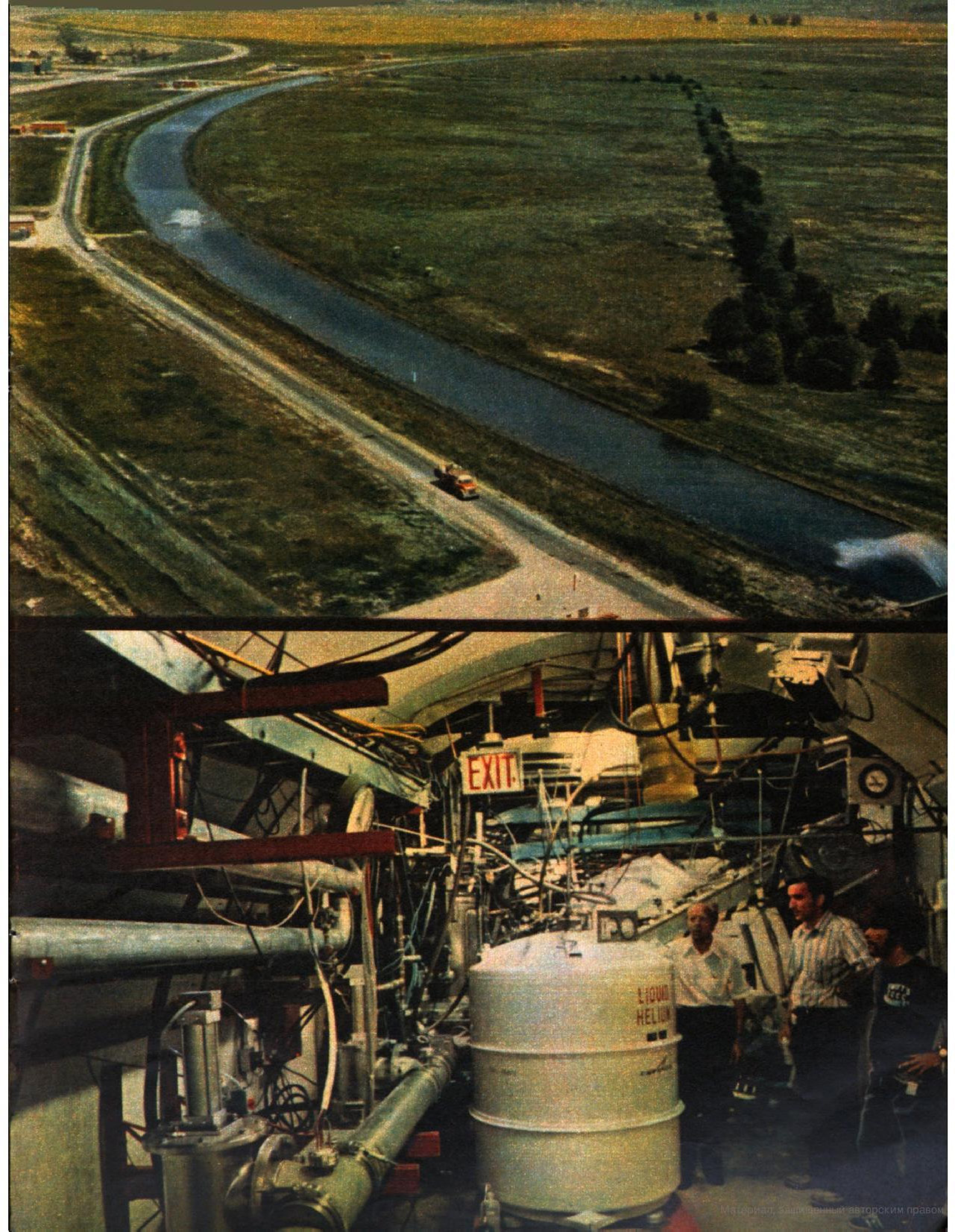
Признаюсь, с волнением вошли мы в операционную, где хирург Эндрю Морроу делал операцию на открытом сердце. На столе лежал десятилетний мальчик с врожденным дефектом сердца. В ходе операции врач должен был установить причину острой сердечной недостаточности и по возможности устранить ее. Когда мы вошли, грудная клетка ребенка была уже вскрыта. Первое, что бросилось в глаза,— очень большое сердце. Нам объяснили, что из-за болезни оно увеличилось в три раза против нормального. Затем нельзя было не удивиться тому, что почти нигде не было видно следов крови. Билось большое сердце, руки хирурга прикасались к нему весьма, на наш взгляд, бесцеремонно. В поисках

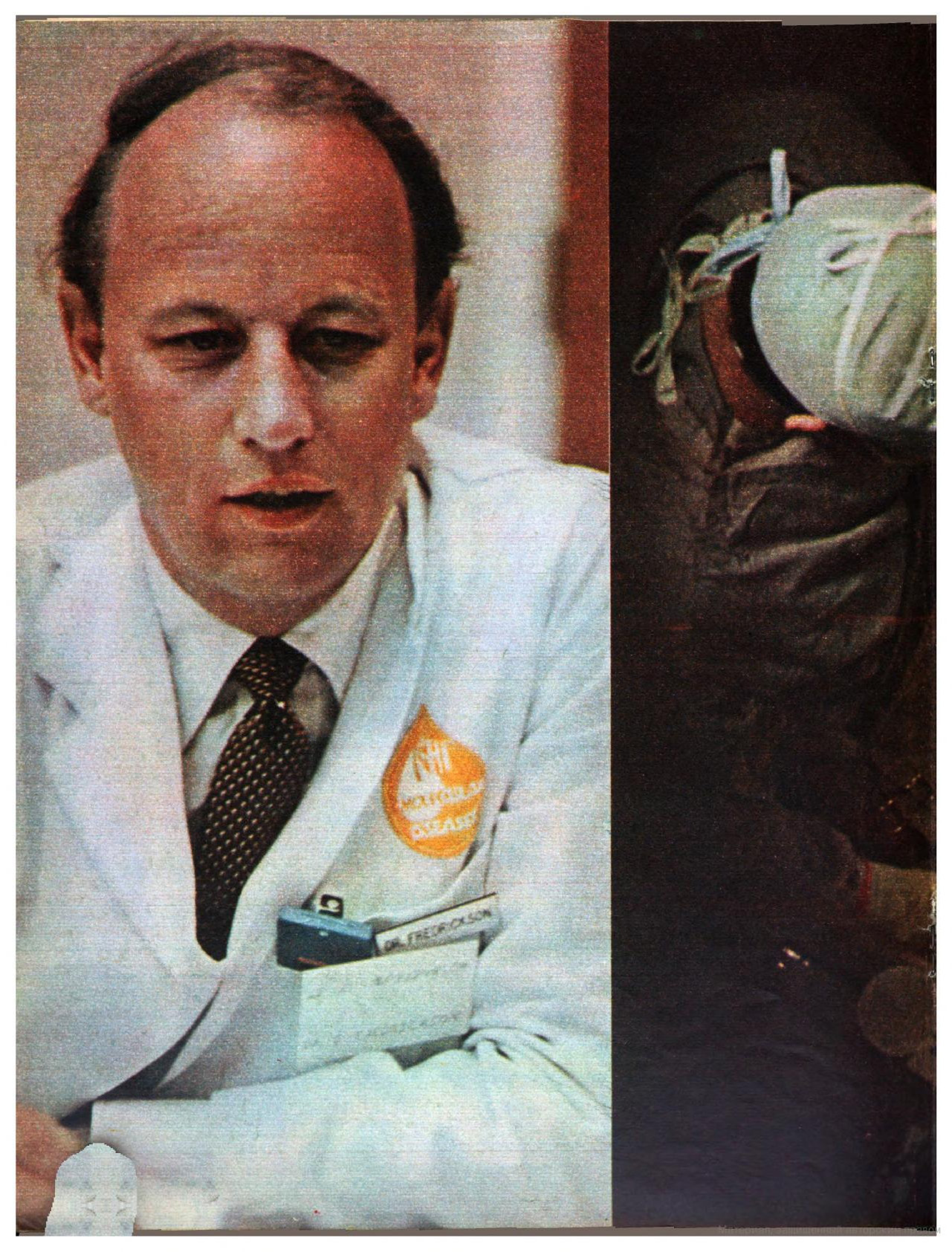
Здесь, под толстым слоем плодородной земли штата Иллинойс, запрятан самый мощный в мире ускоритель.
Советский физик Анатолий Кузнецов (слева) со своими американскими коллегами на ускорителе.

На развороте вкладки:

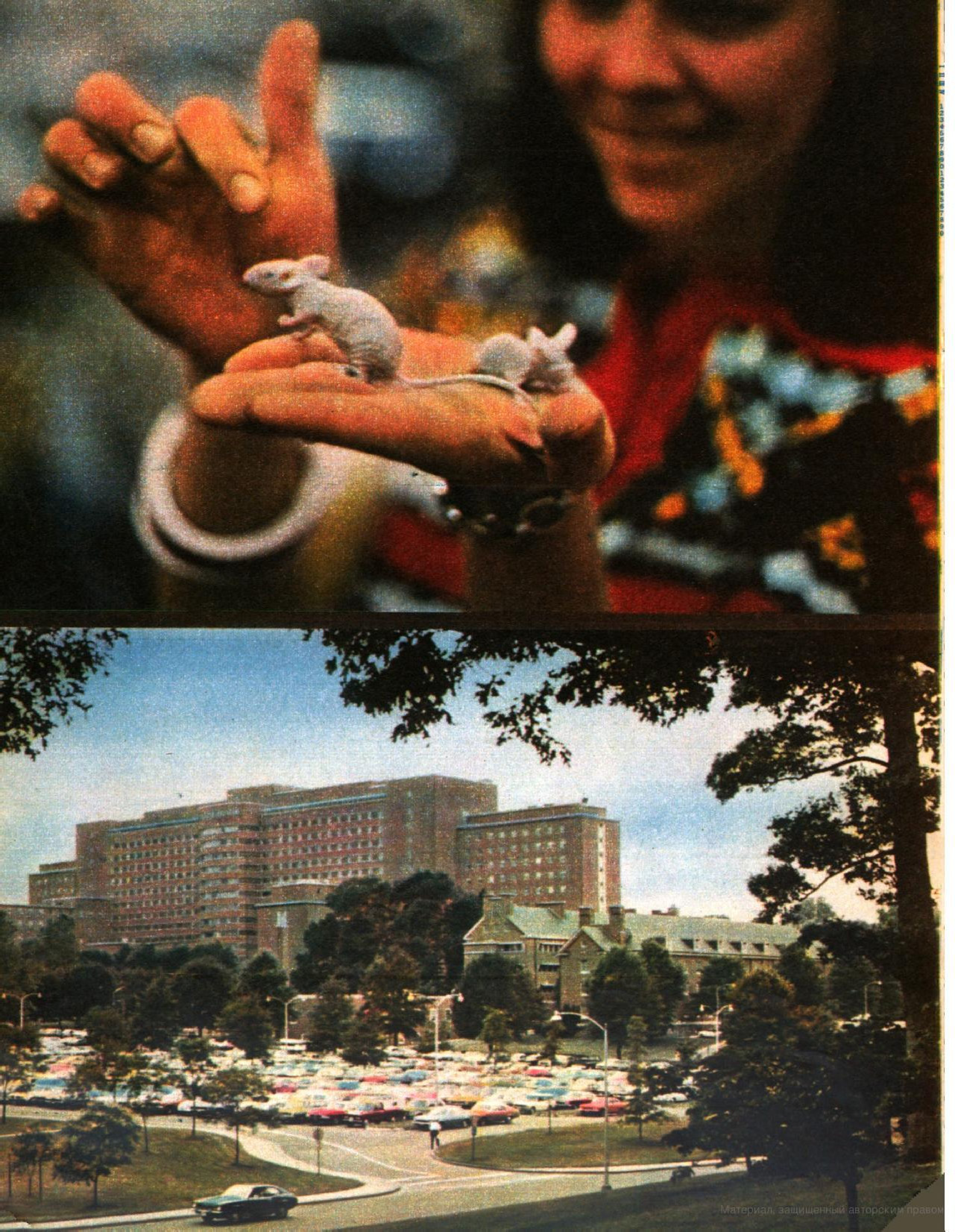
Доктор Дональд Фредриксон (Национальный институт здоровья).
Операция на открытом сердце.

* Начало см. в «Огоньке» № 40.

EXIT

DR. FREDRICKSON

дефекта он вводил палец в сердечную мышцу, да так глубоко, что тот весь исчезал в ней. Морроу смело, всей ладонью дотрагивался до сердца и поворачивал его из стороны в сторону, чтобы лучше рассмотреть. А оно продолжало жить. Оно билось и у него в руке! Потому что вокруг операционного стола было наставлено много умных и тонких приборов, которые все долгие часы операции защищали хрупкий организм больного ребенка и помогали ему жить, а его сердцу биться. Бесшумно и ловко двигались помощники хирурга, их было человек десять. И мы, робевшие до входа в операционную, не могли оторвать глаз от, казалось, волшебных рук доктора Морроу и от большого сердца, бьющегося и страстно желающего жить, несмотря ни на что!

Во имя таких свершений, как эта операция, во имя здоровья и жизни человека и решили медики СССР и США объединить свои усилия. Благороднейшее дело!

Поскольку мы ведем рассказ о научном сотрудничестве между СССР и США, стоит вспомнить об одном, весьма любопытном документе. Вот строки из него: «Недавнее общее умиротворение предоставляет миру возможность заняться без помех науками и ремеслами, которые объединяют человечество. Огромный прогресс Вашей страны во всех областях науки указывает, что иностранная держава может стать для нас источником, из которого наш труд получит значительную помощь. Разрешите поэтому нам через Ваше посредничество начать объединять два полушария, общими усилиями способствовать развитию Науки, необходимость чего равным образом ощущается образованными людьми Вашей страны и нашими собственными учеными».

Это пишет американский ученый своему русскому коллеге. Звучит актуально, не правда ли? Хотя написаны эти строки в 1817 году. Да, уже тогда существовали кое-какие практические связи между учеными двух стран. В наше время, как нам сказали в Национальном институте здоровья, отдельные контакты между медиками СССР и США тоже имели место, но только с 1958 года начался обмен делегациями и отдельными специалистами на официальном уровне (до 1972 года было семьдесят таких делегаций и 194 таких специалиста). Контакты столь незначительных масштабов, разумеется, не позволяли говорить о какой-то совместной работе, о действительно тесном научном сотрудничестве.

Во время визита президента США Никсона в Москву в мае 1972 года было подписано специальное соглашение об американо-советском сотрудничестве в области медицины. Для начала американские и советские ученые решили сотрудничать в трех важнейших областях современной медицины: сердечно-сосудистые заболевания, злокачественные опухоли, гигиенические аспекты охраны окружающей среды. Наши собеседники подчеркивали конкретность намеченных и уже проводящихся в жизнь планов. Так, решено, что по этим проблемам будут совместно работать аналогичные американские и советские научно-исследовательские институты. Они напрямую, без посредников, уже осуществляют научные контакты, носящие самый деловой повседневный характер. Внутри каждой из этих трех главных отраслей сотрудничества четко намечены общие темы для совместной разработки и не менее четко определен механизм сотрудничества. Это обмен делегациями, отдельными специалистами, совместные совещания (как на американской базе, так и на нашей), обмен публикациями и всевозможной научной информацией, а также опытом исследований и медицинским оборудованием, совместное проведение научных экспериментов и исследований, обмен медикаментами, реактивами, биологическими препаратами... И все, что здесь перечислено, сегодня уже осуществляется. Все основные научные темы, ставшие теперь общими, уже обсуждены совместно, многие американские и наши медики уже работали и работают (а не просто посещают) друг у друга. Налажен обмен и, так сказать, вещественными доказательствами тех или иных достижений. В онкологическом институте американцы показали нам так называемые штаммы вирусов, открытых советскими учеными и присланных сюда американским коллегам. Последние говорили нам, что это был очень ценный дар и вклад в общее дело борьбы против раковых заболеваний. Эти штаммы необходимы для совместного изучения, цель которого подтвердить вирусное происхождение некоторых опухолей. Одновременно осуществляется и обмен лекарственными противоопухолевыми препаратами.

Подопытные животные в онкологическом институте.

Национальный институт здоровья. Главное здание.

Идет всего второй год такого тесного сотрудничества, а уже можно говорить о первых его плодах. Получены интересные результаты параллельных исследований вирусов, выделенных в СССР и США из некоторых форм опухолей животных и человека. Как в этой области совместной работы, так и в других областях очень важным достижением (без него вообще нельзя было бы говорить о развитии сотрудничества) стала разработка единой методологии. Лаконично и емко подвел первые итоги нашего сотрудничества в этой сфере директор Национального института раковых заболеваний США Фрэнк Рашер: «Советским и американским ученым есть чем поделиться друг с другом. В Советском Союзе, например, лучше, чем в любой другой стране, налажена ранняя диагностика рака и наблюдение за больными. В свою очередь, американские ученые могут поделиться значительным опытом в изучении влияния окружающей среды на возникновение болезни. После заключения соглашения между двумя странами в области медицины и здравоохранения сотрудничество советских и американских ученых стало еще более плодотворным. Мы получили возможность обмениваться лекарствами и новейшей информацией о результатах лечения. Ученые могут сравнивать эффективность применяемых лекарств и анализировать сведения о состоянии больных, получаемые в обеих странах».

Небольшой комментарий к этим словам Рашера. В институте, руководимом им, нам популярно объяснили, что под общепринятым термином «рак» скрывается около ста болезней. Десять (!) из них уже успешно лечат лекарственными препаратами. Отсюда та чрезвычайная важность, какую имеет обмен лекарствами. Фрэнк Рашер говорит: «Как в Советском Союзе, так и в Соединенных Штатах разработан ряд медицинских препаратов для лечения рака, многие из которых значительно отличаются друг от друга. Обмениваясь ими и применяя их в различных комбинациях, ученые двух стран находят наиболее эффективные способы лечения».

Еще один комментарий. Рашер упомянул об анализе «сведений о состоянии больных, получаемых в обеих странах». Нам говорили в институте о важности этой стороны совместной работы. Оказывается, такого рода статистика, анализ ее и обмен этими данными — одна из составных частей общего наступления на рак и на другие болезни. Здесь медицине приходит сегодня на помощь современная вычислительная техника. Чтобы такой анализ был однотипным, обоюдопонятным, решено провести его и в США и в СССР на американских вычислительных машинах. Вот так и вырисовываются все четче и четче контуры сотрудничества.

ЛЮДЕЙ НЕ ЖАЛКО!

Наша заключительная встреча состоялась в институте, изучающем гигиенические аспекты охраны окружающей среды,— проще сказать, связь между здоровьем человека и окружающей его средой. Каковы задачи этого научно-исследовательского учреждения? Во-первых, определять химические, физические и биологические факторы в окружающей среде, которые отрицательно воздействуют на человеческий организм. Быстрый рост индустрии, в том числе и химической, широкое употребление химикатов в сельском хозяйстве—все это с каждым годом наносит возрастающий вред окружающей среде и здоровью человека. Отравляется атмосфера, вода, почва. Подсчитано, что в настоящее время только чуть больше 500 таких вредных химических соединений должным образом изучено, в то время как их существует уже более двух миллионов (!), и каждый год развитие промышленности добавляет к этому огромному количеству еще 500—1 000 новых соединений. И речь идет о реальной угрозе не только живущим сегодня людям, но и грядущим поколениям.

Далее, этот институт изучает болезни, вызванные вредными примесями в окружающей человека среде, влияние этих примесей на ход уже известных заболеваний. И, наконец, это научное учреждение призвано бороться с загрязнением окружающей среды, за сохранение природы в ее чистом, первозданном виде, способствующем здоровой жизни человека.

Только совместными усилиями в международном масштабе люди еще могут, пока не поздно, защитить от гибели природу, а значит, и самих себя. Вот почему соглашение между СССР и США в этой сфере имеет большое значение не только для народов наших стран, но и для всего человечества.

Выполняя это соглашение, советские и американские специалисты создали более десяти рабочих групп, которые занимаются проблемами, возникающими в связи с загрязнением воздуха, рек, озер, морей и океанов, проблемами сохранения животного мира, прогнозирования землетрясений, юридическими аспектами охраны природы и т. п. Создана Смешанная советско-американская комиссия по этим проблемам. В состав советской части комиссии входят представители пятнадцати министерств и ведомств, а также Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР. Под руководством этой комиссии исследования проводятся как в США, так и в СССР. Например, вопросы моделирования и регулирования загрязнения воды с помощью автоматизированных систем проводятся на американских реках Делавер и Огайо, на Великих озерах и озере Тахо. В нашей стране те же исследования будут осуществлены на реке Северский Донец и Москва-реке. Кроме того, американские специалисты познакомятся с работой советских ученых на озере Байкал. Проблемы загрязнения воздуха будут изучаться одновременно в Ленинграде и Сент-Луисе. Еще один пример: в СССР давно запрещена охота на многих редких животных, в США такой запрет введен недавно, поэтому американцы заинтересованы в изучении нашего опыта. С другой стороны, наши специалисты надеются почерпнуть кое-что из опыта американцев в деле предотвращения выброса токсичных веществ из двигателей автомашин.

«Сохранение планеты,— говорит президент Национальной академии наук США профессор Ф. Хэндлер, — требует совместных усилий всех землян. В рамках одной страны, на базе одного какого-то государства или группы государств нельзя даже наладить контроль, скажем, воздуха: для слежения за его составом нужны датчики во всех странах, нужна глобальная система. Защита окружающей среды — насущная задача человечества. Вот почему так важны подписанные соглашения». Кстати, Ф. Хэндлер высказывает озабоченность самым ближайшим будущим нашей планеты в выражениях весьма настоятельных, если не сказать больше: «Сейчас усилия по спасению планеты должны быть грандиозными. Они потребуют отказа от реализации каких-то других научных задач, которые еще недавно казались нам самыми важными. Другие отрасли человеческой деятельности должны будут отдать и людские и материальные ресурсы для спасения планеты. В этом сейчас состоит забота о каждом конкретном человеке и человечестве вообще. Именно в этом, как я понимаю, цель, суть и огромное значение соглашений между двумя нашими странами».

Тревожные слова! Но их произносит специалист, человек, которому хорошо известна проблема. Послушаем еще одного американца. Пред-

седатель Совета по качеству окружающей среды США Рассел Трейн говорит: «Соглашения, подписанные во время поездки президента США Р. Никсона в Москву весной минувшего года, стали хорошей основой сотрудничества наших стран в области охраны окружающей среды. Я уже побывал в Советском Союзе и познакомился с работой многих исследовательских учреждений Москвы, Ленинграда, Сибири. На основании личного опыта могу сказать, что ваши ученые — это крупные специалисты, преданные делу охраны природы, искренне заинтересованные в сотрудничестве между СССР и США. У наших стран много общих вопросов, связанных с охраной окружающей среды, хотя, безусловно, в Соединенных Штатах проблема загрязнения воздуха и воды является более острой».

Сотрудничество специалистов наших двух стран в этой сфере для США, во всяком случае, не менее выгодно, чем для нас. Как в Национальном институте здоровья в Бетесде, так и в других городах Америки нам не раз говорили о сложности и насущности борьбы за сохранение окружающей среды. Принцип частного предпринимательства, дух чистогана и наживы по сути своей враждебны всему подлинно человеческому, живому, в том числе и окружающей нас природе. Это не просто декларация и повторение общеизвестной истины. Перед нами журнал деловых людей «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» от 2 июля за этот год. На его первой странице помещена реклама крупной машиностроительной фирмы «Уорнер энд Соуси». Ее руководители, видно, принадлежат к дельцам философского склада. Помещая рекламы в этом журнале, они обычно высказываются не только о своей продукции, но и на злобу дня. В данном случае, рекламируя очередной станок, они пишут следующее: «Да, конечно, мы можем добиться того, что воздух и вода будут чистыми, а выхлопные газы автомашин и дым заводских труб — безвредными. Можем, но если только смиримся с маломощными автомобилями, с еще более высокой платой за электроэнергию, с тем, что вообще будем платить дороже за все. Каждый хочет избавиться от загрязнения окружающей среды, но почему-то никто не желает взглянуть на оборотную сторону медали — на цену, которую придется уплатить за это. А потому не глупо ли поступают все эти так называемые борцы за чистоту, когда бьют себя кулаками в грудь, показывают пальцем на бизнесменов и клянут их? Лучше бы они сказали, что готовы сами заплатить за осуществление своей утопии».

Как видите, бизнес не собирается платить за собственные грехи. Загрязнив атмосферу и отравив воду, бизнес не желает жертвовать хотя бы частью своих сверхприбылей на благо человека, во имя сохранения его здоровья. Жалко доллары! Людей не жалко. Вот о чем, по сути дела, оповещает читателей журнала и своих клиентов машиностроительная фирма «Уорнер энд Соуси».

Конечно, при таком отношении со стороны финансовых тузов трудно в США бороться за чистоту природы и зависящее от нее здоровье человека. Тем не менее загрязнение окружающей среды приняло сегодня в США столь угрожающие масштабы, что правительство ведет в этом направлении немалую работу и отпускает на нее средства. Один пример. Знаменитые Великие озера на границе США с Канадой уже почти загублены бизнесом. Озеро Эри в последние годы стали называть иначе — «Мертвое озеро». «При таком обилии нефти, масла и других отходов в районе Детройта просто удивительно, что еще есть озеро как таковое»,— пишет пресса. В 1972 году президент США и премьер-министр Канады подписали соглашение о работах по возвращению Великих озер к жизни. План рассчитан на пять лет. Дело сдвинулось, но, как сообщают американские газеты, «сокращение обещанных фондов и другие задержки замедляют осуществление этой программы».

Как много в США препятствий на пути такого, казалось бы, благородного и жизненно важного дела! Кто кого осилит, человеческий разум или фирма «Уорнер энд Соуси»?

Подсчитано, что промышленность Америки выбрасывает в атмосферу и воду около половины (!) всего объема загрязняющих веществ, производимых во всем мире. Понятно, сколь высока поэтому загрязненность атмосферы и воды в самих США. Однако видеть в этом лишь следствие интенсивного развития промышленности было бы неверно. Это плоды ущербной философии и стяжательской практики всяких «уорнеров энд соуси». Американский исследователь Б. Коммонер, изучив процесс загрязнения воздуха, водоемов и почвы в США за двадцать пять последних лет, доказал, что оно не столько обязано росту производства, сколько стремлению монополий к максимальным прибылям. Вот в чем корень зла!

ПО МНОГИМ НАПРАВЛЕНИЯМ

И, наконец, несколько слов о самом Национальном институте здоровья, о трех центрах которого рассказано выше. Помимо них, здесь много других научно-исследовательских центров, таких, как институт инфекционных заболеваний, глазной, неврологический, педиатрии и другие. Имеется клиника на пятьсот мест, а сотрудников в этом центре около 16 тысяч.

Институт здоровья производит внушительное впечатление. Его громадный главный корпус, сложенный из кирпича, является, как нам сказали, самой большой в мире кирпичной постройкой. Главный корпус — старое здание, но есть много современных зданий из стекла и бетона. Оборудование является первоклассным. Таково наше общее впечатление от Института здоровья. Академик, министр здравоохранения СССР Б. Петровский пишет, что у нас «активно используется передовой зарубежный опыт проектирования и строительства больниц и других медицинских учреждений, их оснащения и оборудования». Академик далее отмечает, что многие наши медицинские приборы пользуются заслуженным признанием за рубежом. В то же время, пишет он, в деле оснащения некоторой аппаратурой «нам еще есть чему поучиться у ряда крупных медицинских центров США». Что ж! Снова и снова убеждаешься в том, что как в медицине, так и во многих других сферах наши деловые контакты с США могут и должны быть взаимовыгодны.

В Национальном институте здоровья есть еще одно небезынтересное учреждение — Международный центр по усовершенствованию медицинских знаний. Здесь в течение нескольких месяцев работают крупные ученые — медики из разных стран, работают на прекрасной базе института. Кроме того, этот Международный центр изучает, как поставлено медицинское обслуживание в разных странах, анализирует и обобщает весь материал. Эту работу здесь начали в 1970 году, и примечательно, что первым делом ученые взялись за изучение системы медицинского обслуживания в СССР и других социалистических странах. Недаром доктор Чарлз Эдвардс, заместитель министра здравоохранения, просвещения и социального обеспечения США, говорит:

«Мы хотим развить этот плодотворный диалог, который идет сейчас между нашими странами. И у вас и у нас есть свои проблемы в области медицины и здравоохранения, которые требуют решения. В частности, у нас самая острая проблема — это быстро растущая стоимость медицинского обслуживания населения. Мы ищем пути к наиболее рациональной организации медицинской помощи. И нам очень интересен ваш опыт организации здравоохранения».

Снова четко сформулированная мысль о взаимовыгодности наших контактов. Что же касается стоимости лечения в США, то и без признания Эдвардса общеизвестно, что оно баснословно дорого. Стремясь как-то облегчить это бремя, американцы становятся членами различных систем социального страхования (как по государственной линии, так и частной) и платят немалую ежемесячную дань на случай возможной болезни и старости. В Нью-Йорке знакомый американский журналист сказал нам, что ежемесячно он лично отчисляет 25 процентов своего заработка в фонд социального страхования и еще 25 процентов за него доплачивает редакция.

Но вернемся к научному сотрудничеству между нашими странами. Сферой медицины оно далеко не ограничивается. В дни визита Л. И. Брежнева в США было подписано соглашение о сотрудничестве в области исследования Мирового океана. В присутствии Л. И. Брежнева и Р. Никсона его скрепили своими подписями министр иностранных дел СССР А. Громыко и тогдашний государственный секретарь США У. Роджерс. Эта церемония проходила в здании Государственного департамента. Мы были свидетелями деловой и в то же время торжественной атмосферы, царившей в те минуты в зале Франклина.

Весьма примечательное совпадение! Еще раз можно вспомнить о том, что научные контакты между нашими странами корнями своими уходят в далекое прошлое. Так, в XVIII веке «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали о «филадельфийских опытах» Франклина, который, кстати, был первым американским ученым, избранным иностранным членом Петербургской академии наук. Его опыты комментировал Ломоносов, проводя исследования над электричеством.

Так, из давних времен протянулась ниточка в зал имени Франклина, где между СССР и США подписывалось соглашение о сотрудничестве в области исследования Мирового океана. Это общая для всего человечества проблема, и решать ее надо сообща.

Известно, что запасы полезных ископаемых на континентах сокращаются. А кто знает, сколько их таится под толщей океанской воды?! А несметные и почти еще не используемые биологические богатства океана! И, наконец, от океана во многом зависит климат на континентах. Здесь очень важно тщательно изучить процесс обмена теплом и влагой между океаном и атмосферой. Динамика океана, его геология и геофизика, его биология и химия — во всех этих отраслях науки еще много работы. И здесь налицо какой-то явный парадокс: человек уже был на Луне, за сотни тысяч километров от Земли, но не ходил еще по дну океана на глубинах в несколько километров.

Даже простой перечень научных и технических проблем, которые сегодня изучают вместе советские и американские специалисты, занял бы не одну страницу. Вот только несколько примеров. Смешанная советско-американская комиссия по научно-техническому сотрудничеству в качестве первоочередных определила такие направления совместной работы: энергетика, применение электронно-вычислительных машин в управлении производством, исследования в области сельского хозяйства, производство веществ методом микробиологического синтеза, химический катализ, водные ресурсы. Каждая из этих тем охватывает отрасли науки, в которых работают многие ведущие советские и американские научно-исследовательские учреждения. Так, в области химического катализа сотрудничают с нашей стороны Институт катализа Сибирского отделения АН СССР, Институт химической физики АН СССР и другие институты, а с американской — Принстонский и Чикагский университеты и ряд фирм, в том числе такая известная, как «Дюпон». Во многих сферах науки и техники мы сотрудничаем с такими крупнейшими американскими фирмами, как «Оксидентэл петролеум», «Дженерал электрик», «Хьюлетт-Паккард».

Академия наук СССР и Национальная академия США регулярно проводят обмен специалистами, который охватывает такие актуальные области, как электроника, физика твердого тела, физика высоких энергий, полупроводниковая техника, радиоастрономия, лазерная техника, химия полимеров и другие.

ЭНЕРГИЯ МИРА

За каждым из этих понятий — большие дела, интересные люди, плодотворное сотрудничество и взаимная выгода, наконец. Возьмем, к примеру, физику высоких энергий, одну из вершин современной науки.

Главный научный инструмент в этой области — ускоритель. Очевидно, это вообще одно из самых больших устройств, применяемых в науке. И самый мощный на сегодня в мире ускоритель находится в США, на окраине городка Батавия, неподалеку от Чикаго. Целиком запрятанный под землю, ускоритель — это круглое сооружение диаметром около двух километров (длина окружности — около 6 километров). Здесь люди проникают в глубины материи, изучая элементарные частицы. Чем мощнее ускоритель, тем глубже в тайны материи заглядывает человек.

Естественно, что вокруг каждого такого гигантского сооружения вырастает целый научный городок. Мы прожили в нем, или, как здесь говорят, на ускорителе, три дня. Еще в марте 1972 года сюда прибыла группа советских физиков. Прибыла не на экскурсию, а для работы. Причем приехали они не с пустыми руками. В намеченных совместных исследованиях американская сторона обеспечивала ускоритель, советская сторона — привезенную с собой такую технику, с помощью которой на нем можно проводить различные эксперименты. То есть тут был взаимный интерес. Уже через год совместной работы наших и американских специалистов в Батавии журнал ученых-атомников США «Буллетин оф атомик сайентистс» писал: «Вклад советских ученых в совместное американо-советское предприятие оказался весьма значительным». Кстати, это был уже не первый опыт такого рода сотрудничества. Ученые из Калифорнийского университета и их семьи жили в Серпухове, где американские специалисты работали на нашем ускорителе.

Американский ускоритель, сооруженный в Батавии, зарылся в плодородную землю штата Иллинойс, в исконном фермерском краю. И когда въезжаешь на территорию научного центра, то в глаза прежде всего бросаются характерные фермерские постройки. Дело в том, что для строительства этого научного центра здесь была куплена земля у нескольких фермеров. Их многие добротные постройки не были сломаны и сейчас несут новую службу. Например, раздевалки и бар при местном бассейне устроены в подсобном помещении одной из таких бывших ферм. Вообще, поскольку сам гигантский ускоритель находится под землей, вся большая территория центра похожа на заповедник. Это впечатление дополняют мирно пасущиеся бизоны, которых завели здесь новые хозяева этой земли. Служебные постройки, за исключением многоэтажного главного корпуса, все невысокие, многие из них представляют собой одноэтажные деревянные коттеджи. В таких же коттеджах живут и наши специалисты. Они успели уже отработать здесь год, потом съездили на родину в отпуск и вернулись, чтобы продолжать начатые исследования.

Наша машина останавливается у одного из таких коттеджей, и на пороге нас встречает профессор Анатолий Кузнецов, руководитель группы советских специалистов. Знакомимся. В ответ на его любезное приглашение решаем на эти дни остановиться у него, в его «американском доме». И, не теряя времени, едем на машине в первое ознакомительное путешествие по научному центру. Именно едем, а не идем, так как концы большие. Нас, помимо Кузнецова, сопровождает местный специалист Ричард Карриган. Мы долго бродим по очень внушительному оригинальной архитектуры главному зданию, заезжаем затем в несколько лабораторий и наконец спускаемся под землю, к главной цели нашего путешествия — ускорителю.

Встрече с ним предшествует недолгая по времени, но любопытная процедура. Во-первых, ускоритель останавливают. О том, что он не работает, сообщает электроника по нескольким каналам. Тем не менее нашему гиду торжественно вручают ключ, которым вход в тоннель при работающем ускорителе не откроешь. К тому же нам выдают портативные счетчики, регистрирующие радиацию воздуха. Наконец одна за другой открываются несколько дверей, и мы спускаемся в тоннель, похожий на те, что у нас в метро, но вместо рельс там проложен так называемый ионопровод. В нем элементарные частицы разгоняются до немыслимых скоростей (на что уходит уйма электроэнергии) и в целом своем виде и в расчлененном на составные части изучаются учеными. Анатолий Кузнецов говорит нам, что их работа на ускорителе схожа с деятельностью следователя, распутывающего сложнейшее дело по крохотным косвенным уликам. Ведь увидеть элементарные частицы материи невозможно. О них судят только по их следам. Поэтому ученые без устали изобретают тончайшие и хитроумные устройства, в которых разогнанные в ускорителе частицы оставляют следы, по ним и судят о качествах этих частиц и их производных. Без таких устройств ускоритель все равно что орудие без прицела. Кстати, именно к такого рода устройствам и относится оборудование, которое привезли с собой в США наши физики (по-научному — анализатор амплитуды импульсов). В нем заинтересованы американские ученые. И уже один тот факт, что советские физики были приглашены в Батавию, еще раз говорит о том, что уровень наших достижений весьма высок.

Мы много беседовали с Анатолием Кузнецовым и другими нашими физиками. Все они в начале пути, Анатолий самый «старый»: ему уже перевалило за сорок, остальные моложе. Они из Дубны. Горячие патриоты своего молодого города и своего дерзкого дела. Они — живое воплощение той истины, что в любом физике не может не жить лирик. Их отличает страстный интерес к гуманитарной сфере жизни общества. Литературу, поэзию, в особенности театр, живопись, музыку, они знают не понаслышке, а глубоко, и, главное, знают заинтересованно.

И на ускорителе, за работой, и за дружеским столом я видел в американских и советских физиках равноправных, уважающих друг друга коллег. Когда смотришь на них, в голову лезут не только радужные, но и беспокойные мысли. Физика, как известно, наука обоюдоострая. Она способна в ближайшем будущем обеспечить человечество таким изобилием мирной ядерной энергии, что можно будет говорить о новой эре в истории нашей планеты, эре процветания. В то же самое время достижения современной физики уже привели к такому положению: на долю каждого человека на Земле сегодня приходится ядерная взрывная мощность, равная пятнадцати тоннам (!) тринитротолуола.

Протокол 2-й сессии Советско-американской комиссии по здравоохранению подписывают (слева направо) сопредседатели комиссии: специальный помощник министра здравоохранения, образования и социального обеспечения США Р. Эгеберг и заместитель министра здравоохранения СССР Д. Венедиктов.

Эти пятнадцать тонн на душу населения слагаются из запасов, упрятанных в атомные кладовые нескольких стран. Отсюда логичный вывод о чудовищной бессмысленности ядерной войны: любому ядерному агрессивному нападению противостоит потенциал ответного удара. Нельзя, оставаясь в пределах рассудка, рассчитывать сегодня на достижение каких-то политических целей, уповая на ядерную агрессию, которая неминуемо приведет человечество, всю нашу цивилизацию на грань непоправимой катастрофы.

В первую мировую войну было убито десять миллионов человек, двадцать миллионов искалечено. Во вторую мировую войну погибло 54,8 миллиона и ранено более 90 миллионов человек. По подсчетам швейцарского ученого Жана Жака Бабеля, за все войны, известные в истории человечества, погибло три миллиарда шестьсот сорок миллионов человек, то есть почти столько же, сколько живет сейчас на Земле. Ядерный же конфликт сразу приведет к гибели сотен миллионов людей (помните, пятнадцать тонн взрывчатки на каждого человека!) и сможет вызвать необратимые, губительные для жизни процессы в атмосфере, воде и почве.

Предотвращение ядерного конфликта — дело первостепенной важности из всех человеческих дел. Такое понимание вопроса нашло яркое свое выражение в документе «Основы взаимоотношений между СССР и США», а затем в Соглашении о предотвращении ядерной войны, Соглашении о научно-техническом сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии и в документе «Основные принципы переговоров о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений».

Не случайно вспоминаешь обо всех этих проблемах и соглашениях, когда живешь в научном городке при ускорителе. В брошюре «Ускорители», написанной Уильямом Кернаном и изданной комиссией по атомной энергии США, говорится, что немецко-фашистская Германия не успела создать свою атомную бомбу именно потому, что опоздала с сооружением ускорителя, а в США таковой уже был создан. Так что, как и сама физика, ускоритель тоже штука обоюдоострая. Сегодня на ускорителе вместе работают советские и американские ученые, специалисты в области физики высоких энергий, и думается, что им будет под силу создание и энергии мира. Их работу на ускорителе воспринимаешь как серьезную гарантию безопасности. Гарантию, вытекающую из целой серии соглашений, заключенных в 1972—1973 годах между СССР и США. Эти документы и позволили во время визита Л. И. Брежнева в США подписать акт поистине исторического значения — Соглашение между СССР и США о предотвращении ядерной войны. Оно призывает человечество отвести от планеты угрозу ядерной военной катастрофы.

Мы присутствовали в Восточном зале Белого дома при подписании этого исторического документа. Когда Л. И. Брежнев и Р. Никсон скрепили его своими подписями, в зале вспыхнула овация, которой обычно такие церемонии не отличаются. Это не были положенные по протоколу вежливые аплодисменты. Это было выражение чувства, охватившего, наверное, всех присутствующих. Каждый сознавал, что произошло поистине эпохальное событие, каких современная история дипломатии еще не знала.

Событие это произошло 22 июня 1973 года. Случайное совпадение? Возможно. Но совпадение глубоко символическое. Ровно тридцать два года миновало с того воскресного дня, 22 июня 1941 года, в который началась Великая Отечественная война. Много воды утекло с тех пор, и много было пролито крови. Тогда наша страна спасла мир от угрозы фашистского порабощения. Сегодня она предлагает верный путь к избавлению человечества от висящего над ним ядерного дамоклова меча. Выступая в Белом доме, Л. И. Брежнев недаром сказал: «Строя совместными усилиями новое здание мирных отношений, мы отнюдь не собираемся превращать его в уединенный особняк, отгороженный от внешнего мира глухим забором. Мы хотим, чтобы это просторное здание было открыто для всех, кому дороги мир и благополучие людей».

Мы рассказали о том, как советские и американские специалисты кладут свои кирпичи в стены этого «нового здания мирных отношений», которое необходимо в конце концов построить совместными усилиями всех народов.

Бетесда — Батавия, США.

РУСЛАНОВА

Людмила ЗЫКИНА

В минуту отдыха, раздумья, размышления о жизни, о своей работе, о песне мне всегда слышатся голоса двух русских женщин.

Первый — голос моей матери.

Второй — голос Лидии Андреевны Руслановой.

Нет, наверное, в нашей многонациональной стране человека, который бы не знал этого славного, почти легендарного имени — Русланова. Безмерно счастливы те, кто работал рядом с ней, слушал ее пение и удивительные ее рассказы, учился у нее поистине святому, подвижническому отношению к искусству.

Я знала наизусть, наверное, все ее частушки и страдания — по стареньким патефонным пластинкам. А увидела впервые в 1947-м, когда сама уже, робея и не веря своему счастью, пела в хоре Пятницкого. Мы выступали в первом отделении, а во втором должна была петь Русланова.

Я притиснулась к щелке у кулисы и увидела, как вышла на эстраду и низко поклонилась публике величавая — другого слова и не найду! — Лидия Андреевна. В тот раз она пела не с оркестром — с баянистами.

В другом углу сцены, у рояля, встал знаменитый в ту пору конферансье Михаил Гаркави. И, поведя чуть-чуть плечами, она вдруг выстрелила в него такой залихватской, такой озорной частушкой, что ей пришлось даже подождать, чтобы стихли смех и аплодисменты. А потом — я никогда не забуду этого! — она властно и мгновенно переменила всю тональность выступления — запела «Степь». Жест ее был поразителен — она только и сделала, что опустила концы платка на грудь да подняла руку, а бескрайняя, зимняя, оренбургская ли, донская ли, степь предстала перед глазами.

Русская песня на концертной эстраде... Блистательные имена — Варя Панина, Анастасия Вяльцева, Надежда Плевицкая, Ольга Ковалева, Ирма Яунзем... Но и в этом ряду у Руслановой — особое, свое место.

Мне иногда казалось, что память ее на песни — старинные плачи, причеты, страдания, романсы — неисчерпаема. Казалось, она могла достать из своей сокровищницы любой напев, любую мелодию — столько песен она знала с детства, еще с тех лет, как пела у себя в деревне и ей всем миром справляли новые онучи. Она, наверное, могла бы удивить многих фольклористов — собирателей песен. Но она не просто хранила свои богатства — она дала им новую жизнь, и полузабытые, утерянные было песни вслед за ней в тридцатые и сороковые годы запела вся страна. Песни эти стали живым достоянием народа.

Да и не только нашего народа. Когда на эстрадах пяти континентов я слышу овации, обращенные к русской песне, я всегда думаю о Руслановой, о том, пожалуй, не оцененном еще вкладе ее в пропаганду и утверждение народного творчества. Художническая требовательность ее была максимальной, какой-то истовой. «Девочка,—

говаривала она,— ты спела «Степь», а ямщик у тебя не замерз. Спой так, чтобы у всех в зале от мороза мурашки побежали... Иначе — чего петь?» Теперь, постигнув многие премудрости музыкальной теории, я вижу: там, где она вдруг неожиданно меняла ритм, даже разрывала слова, переставляла ударения, она — вроде бы нелогично, неправильно — добивалась удивительного, своеобразного, ни с чем не сравнимого звучания. Слава ее была всепобеждающа. Имя ее — одно только имя—приводило в концертные залы людей и в тридцатые и в семидесятые годы. И все эти десятилетия звучал ее неповторимый по тембру, удивительный голос.

Наверное, никогда из жизни нашей не уйдет ставший уже легендой ее концерт в 1945-м, у поверженного рейхстага. Сколько людей в странствиях моих по стране говорили об этом!

Народ наш любит песню, ценит ее исполнителей. Но славой и признанием народа с Руслановой не мог соперничать никто из ее коллег. Даже железнодорожное расписание было бессильно перед ее популярностью,— мне рассказывали, как на Сахалине, у глухого разъезда, люди простояли ночь, чтобы хоть одним глазком взглянуть на Русланову. И поезд остановился...

Рожденная в самой гуще народа, его плоть от плоти, она вырабатывала в себе почти безошибочное, интуитивное ощущение подлинной красоты. Индивидуальность ее была настолько яркой, что на много лет она как бы стала эталоном в манере исполнения русской народной песни. Я, помнится, даже боялась слушать ее пластинки, чтобы не стать очередной ее подражательницей. Но все те, кто пел «под Русланову», были очень похожи друг на друга и никогда — на нее.

«Пой, как поется»,— учила она меня. И во всем — в победах моих и неудачах — я старалась следовать ее совету, искать свой путь в песне, в искусстве, в жизни...

В последние годы десятки миллионов людей увидели ее на экранах телевидения. Она вспоминала свою жизнь, звучал ее голос, и тысячи писем, пришедших к ней, заставили продолжить встречи,— она вновь отвечала своим корреспондентам, друзьям, фронтовикам, новым своим слушателям — юным.

И было что-то поистине неувядаемое в ней, сидящей в цветастой шали, говорящей не то что без конспекта, а просто по-домашнему, по-семейному беседующей с людьми. Глаза ее — молодые, лукавые — сияли. Дышалось и пелось ей легко, вольно, по-русски.

* * *

Она работала до последнего дня. В августе еще пела в Таганроге и Ростове. Когда «газик» ее вышел на дорожку стадиона и раздались первые такты песни, люди встали. Они аплодировали, и ей пришлось совершить лишний круг, чтобы все разглядели ее — гордую и статную, поразительно красивую.

...То был последний ее круг почета... А потом, в Москве, тысячи пришли проститься с ней; и глядела она с портрета — молодая, в русском платке; и говорили — удивительно говорили! — ее друзья по искусству; и стоял сентябрьский день, середина бабьего лета, и золотились купола Новодевичьего...

Я бросила, как заведено, три горсти земли в могилу и отсыпала еще горсть — себе на память. Горсть русской земли — той, на которой выросло и расцвело дарование великой певицы — дарование Руслановой.

Из книги «О песне».

ИЗВЕЧНАЯ

Трудно не поддаться обаянию большого актерского таланта. Он покоряет властно и безоговорочно, завладевает вниманием зрителей полностью, заставляя подчас не замечать то, что принято относить к досадным просчетам постановки. Спектакли, показанные Ленинградским театром имени А. С. Пушкина во время гастролей в Москве, не раз убеждали в этом.

Успех у московских зрителей, успех очевидный — как иначе истолковать из вечера в вечер переполненный зрительный зал?— требует, однако же, пояснения. Далеко не все в гастрольных выступлениях коллектива было бесспорным. Пушкинцы «взяли», если так можно сказать, своей природной, исконной силой — силой актерского искусства, высокого мастерства создания реалистического образа. Ю. Толубеев, А. Борисов, В. Меркурьев, Б. Фрейндлих, И. Горбачев, Н. Ургант... Широко известные актерские имена мощным магнитом притягивали внимание к гастрольной афише ленинградцев. Эту афишу составили одиннадцать спектаклей — произведения современной советской драматургии, русской и зарубежной классики, работы пяти разных постановщиков. Но даже в самой «режиссерской» из них, «Болдинской осени», определяющим и наиболее притягательным все-таки было искусство актеров, неувядающая магия перевоплощения в образ.

ГЕРОИ АБХАЗ

Темная сцена, тяжелые колонны, кулисы из черного бархата... Мрачно царство короля испанского Филлипа II (арт. Ш. Пачалиа).

В этом озлобленном мире, где льется кровь и пылают города, ищет добра, любви и правды наследный принц испанский дон Карлос (арт. З. Кове), но он слишком слаб для того, чтобы сражаться на равных с людьми, властвующими на этой земле... Страсть к жене короля, вчерашней невесте Карлоса, сжигает силы и волю инфанта.

В яркой, а в то же время строгой, лаконичной манере поставлен «Дон Карлос» гастролировавшим в Москве Абхазским государственным драматическим театром имени С. Я. Чанба.

Страстность шиллеровских героев не фальшива, не привнесена извне; обстоятельства жизни дают героям высший накал чувств, закономерность этих обстоятельств раскрыта постановщиком спектакля, главным режиссером театра Н. Эшба достоверно и точно.

Сказка Островского «Снегурочка» поставлена пестро, даже лубочно. Яркие костюмы, веселые лица, звонкие голоса — ясна и проста жизнь берендеев. И девочка, пришедшая к

СИЛА ТЕАТРА

ГАСТРОЛИ

В спектаклях театра актеры разных поколений как бы нарисовали целую галерею правдивых, метко схваченных в их конкретной житейской неповторимости, индивидуальном своеобразии сценических портретов; лучшие из них были отмечены также и обобщенностью характеристики.

Театр начал гастроли пьесой «Иней на стогах» Л. Моисеева в своей редакции, где главной фигурой стал председатель колхоза Лепехин. Один из интереснейших современных актеров, И. Горбачев, виртуозно пользующийся иронией,— при этом он то наделяет ею своих героев (Виль — «Ночью без звезд»), то с ее помощью выражает свое отношение к ним (Малахов — «Справедливость — мое ремесло» Л. Жуховицкого, Булгарин — «Болдинская осень» Ю. Свирина),— создавая образ Лепехина, тяготеет к поэтичности, к драматическим тонам, хотя и от юмора не отказывается. В характере передового человека наших дней, озабоченного переустройством жизни села, актер подчеркивает увлеченность мечтой, способность мыслить широко, государственно, действовать смело, умно, решительно.

В спектакле «Одни, без ангелов» Л. Жуховицкого эта тема возникает в творчестве Э. Романова, актера своеобразного, владеющего и острой характерностью (Антонио в комедии Шекспира «Много шума из ничего»), и мастерством тонкого, лаконичного психологического «письма» (Огибалов — «Иней на стогах»). Его герой, неброский внешне, прекрасен своей строгой, бескомпромиссной верностью долгу, страстной одержимостью в борьбе с человеческими страданиями.

В игре Ю. Родионова подкупают простота, искренняя доверительность, душевная открытость. В современном репертуаре это помогает ему создать образ журналиста Неспанова («Справедливость — мое ремесло»), привлекающий своей прямотой, совестливостью, честностью, а в классическом — передать глубокую драму Александра Адуева («Обыкновенная история» И. Гончарова), чья юношеская пылкость, наивная восторженность, естественно, не выдерживают столкновения с цинизмом светского Петербурга.

Классика предстала в целом ряде серьезных актерских работ. Прежде всего следует сказать о Ю. Толубееве, чья редкостная, кажется, самой природой дарованная способность укрупнять образ, давать ему точную социальную характеристику удачно проявилась в роли городничего Градобоева («Горячее сердце» А. Островского). В том же «Горячем сердце» В. Меркурьев в роли купца Курослепова создал образ дремучего, тупого и дикого невежества, а в роли Прибыткова («Последняя жертва» А. Островского) сумел подчеркнуть, что капитал — жестокая, беспощадная сила даже в обличье благородства и вежливой обходительности. Униженная ею, гибнет, в сущности, Юлия Тугина, для которой, в исполнении Г. Карелиной, самым дорогим всегда были гордость и человеческое достоинство.

В «Последней жертве» интересны и работы С. Сытника (Дульчин), В. Лисецкого (Дергачев), И. Вознесенской (Ирина Лавровна), а в «Горячем сердце» — В. Никонова (Вася), Р. Кульда (Гаврило) и особенно В. Панной. Ее Параша — характер сильный, вольнолюбивый, наделенный поистине сокрушительным темпераментом.

Если не бояться «красивых» слов, труппу ленинградцев справедливо назвать созвездием талантов, способных сгладить, приглушить недостатки и драматургии, и режиссуры, и оформления. Жаль только, что им это делать и в самом деле порой приходится... Когда пьеса — чаще всего на современную тему — ниже возможностей коллектива. Когда оформление,— может быть, и эффектное само по себе — индифферентно к происходящему на сцене. Когда расплывчатый, облегченный режиссерский замысел (большинство спектаклей гастрольного репертуара поставлено В. Эренбергом и А. Музилем) не в силах объединить исполнителей в точно настроенном ансамбле, в действии четком, целеустремленном, ритмически выверенном.

Думается, от театра можно было ожидать большей требовательности в выборе современного репертуара. На сцене одного из ведущих советских театров, право же, странно видеть такую «жестокую», перенасыщенную «любовными страданиями» мелодраму, как «Ночью без звезд» А. Штейна. И не видеть, в сущности, ни одного спектакля — как целостного произведения искусства, строго подчиненного логике замысла, где важная, общественно значительная проблематика получила бы волнующее, остроактуальное звучание, обрела бы заряд активного, преобразующего воздействия на действительность.

Тут многое зависит от повышения общей постановочной культуры спектаклей. А это одним — пусть и великолепным — исполнителям, конечно, не под силу. Зато при соответствующей помощи драматургов, режиссеров, художников искусство талантливых актеров театра, безусловно, обретет еще большую впечатляющую силу.

Г. ДАНИЛОВА

На снимке: Игорь Горбачев в спектакле «Иней на стогах».
Фото М. Строкова.

...КОЙ СЦЕНЫ

ГАСТРОЛИ

ним из леса — дочь Весны и Мороза,— им непонятна: она не умеет любить, а ведь это так просто для всего живого!

Актриса Р. Осиа естественна и органична в роли Снегурочки. Условность обстоятельств нисколько не мешает молодой актрисе. Существо цельное, чистое, ее Снегурочка заставляет верить себе при всей сказочности персонажа.

Спектакль по поэме народного поэта Абхазии Баграта Шинкубы «Песнь о скале» создан в традициях старинных преданий. Главный герой Хаджарат — Л. Авидзба — воплощает лучшие черты народа: свободолюбие, бесстрашие, доброту.

Театр имени С. Я. Чанба сейчас вступил в пору своей зрелости. В репертуаре, в характере режиссуры и актерских работ, показанных театром на своих первых гастролях в Москве, основной стала тема борьбы героя за светлые идеалы, стремление к свободе и справедливости.

Л. ЛУКЬЯНОВА

«Песнь о скале». Л. Авидзба в роли Хаджарата и А. Ермолов — Шабат.
Фото М. Строкова.

Александр СНИТКО

АВГУСТА ПРИМЕТЫ

ДОРОГИ

Учили с детства:
жизнь — моток дорог,
живи себе,
разматывай, распутывай...
Я этот удивительный моток
разматывал
машинами попутными,
и поездами,
и на лошадях,
и собственным
«одиннадцатым номером».
Я выбирал всегда дороги новые,
а чаще шел,
где не пылился шлях.
Мне по душе
нехоженость полей,
меня влекут
неведомые дали.
Не раз за то родители ругали:
подумай, мол,
о станции своей.
«В кого ты, право,—
говорила мать,—
уж больно непоседливый
да прыткий...»
Слезу смахнет украдкой
и опять
готовит мне дорожные пожитки.
Она ведь знает:
солнце на порог,
а я — с порога,
все как надо будто бы...
Сама учила:
жизнь — моток дорог,
пока живешь —
разматывай, распутывай...

* * *

Меня принимали в партию
хозяева реки —
в надраенных крабах парни
и дюжие портовики.
Меня, молодого грузчика,
крестьянского паренька,
в тот день окатила лучшая —
рабочей правды — река.
Не думал, что так достанется —
то в лед меня, то в огонь...
Но стало рекомендацией
то, что в мозолях ладонь...
— Кто «за»?..
Их строгие лица
поныне вижу вокруг
и вижу руки партийцев —
лес мозолистых рук.

* * *

А петухи опять проспали...
Округу будят трактора,
они кричат:
— Пора, пора!
Им эхом отвечают дали.
Пора,
и в доме теснота
от разговоров, от движений.
А в небе звезд,
что пуль в мишени,—
пробита ими темнота.
По травам, влажным от росы,
не торопясь и без волынки
уходят яркие косынки,
сельмаговские картузы.
Пора, пора!
И я спешу
вдоль красноталовой ограды,
прохожих «здравствуй»,
как награды,
сквозь синь рассвета проношу.
Пора!
И рвется ночи нить.
Пора!
И звонче речи льются...
А петухи когда проснутся,
им будет некого будить.

* * *

За рекой лазорики
на поляне.
Там теперь до зореньки
шум-гулянье.
Песни разливаются
половодьем —
раскраса-красавицы
хороводят.
А одна там — горе мое,
ой, погубит!
Словно цвет лазоревый,
огонь-губы,
взгляд — что сабля
острая,
обнаженная.
Вот кого по осени
взял бы в жены я.
Да она ответила —
отрубила:
— Я сама приметила,
кто мне милый...

Уж такое горе мне,
наказанье.
Плакать вам,
лазорики,
на поляне...

* * *

Отзвенела роща соловьем,
слышу дрожь озябшего рассвета.
Что ж, уходит припасуха-лето...
Стали дни труднее на подъем.
На бахче арбузы соберем —
августа последние приметы,
и запахнет в поле сентябрем,
и натянет нити бабье лето.
Сентябрюсь и я...
А что? Не хвойный.
Холоднее ум и зорче глаз.
И могу спросить себя спокойно:
Что ты, братец, на зиму припас?..

Р. ЕРМОЛЬЕВА РАССКАЗ Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА.

ПРОШЛА ГРОЗА

Сквозь стеклянную дверь кабинета, где сидела Ольга Ивановна, был виден длинный коридор и лестница, по которой поднимались и спускались сотрудники научно-исследовательского института. Вот уже больше года Ольга Ивановна работает здесь.

Обида, нанесенная мужем, осталась позади. Ушел... Значит, так должно было случиться, успокаивала себя Ольга. Николай Васильевич не привык обременять себя семейными заботами и, женившись в тридцать девять лет, не мог отказаться от холостяцких привычек. Ольга любила его. Как могла, старалась сохранить семью, а муж метался, негодовал. Он чувствовал, что она умнее его. С ней ему было не так вольготно и свободно, как с теми женщинами, которых он знал раньше. Были бы дети, возможно, было б все проще и надежнее. Он боялся, что Ольга полностью ограничит его свободу и, чтоб не мучить ее и себя, ушел...

Ольга Ивановна работала на заводе инженером. Утешение себе находила в работе. Дело свое она любила. Дирекция заметила способности молодого специалиста и решила направить ее в научно-исследовательский институт. Она не сразу согласилась. Не хотелось расставаться с заводом, с людьми, к которым привыкла за три года. Но разрыв с мужем и возникшее чувство неловкости одинокой женщины заставили ее принять предложение дирекции и парткома.

Высокая, стройная брюнетка, с большим пучком волос на затылке, с задумчивыми серыми глазами, незаметно влилась в новый коллектив. В свои тридцать лет она выглядела совсем молоденькой и привлекательной. Мужчины заглядывались на нее. Женщины завидовали ей, ревновали, некоторые догадывались о ее нелегкой судьбе одинокой, но все это вслух не высказывалось.

С некоторых пор она стала чувствовать на себе пристальный взгляд старшего научного сотрудника института Вадима Петровича Ольшанского. Он чаще других подходил к ее столу, снимал очки и, протирая их платком, спрашивал: «Все трудитесь, Ольга Ивановна?» Иногда брал стул, присаживался рядом. Внимательно просматривал записи, делал замечания, давал советы.

Ольшанский был добр, мягок. Умел подойти к людям, расположить их к себе. Он был высок, слегка начинал полнеть. Одевался элегантно, по последней моде. В густой, волнистой шевелюре поблескивали пряди седых волос. Ему перевалило за сорок, но выглядел он старше.

Случалось, что Ольга и Вадим Петрович подолгу засиживались в институтской библиотеке и тогда возвращались домой вместе. Вадим Петрович провожал Ольгу только до автобусной остановки. Она уезжала, а он брел домой пешком. В один из таких вечеров Ольшанский задал неожиданный вопрос:

— Скажите, Ольга Ивановна, у вас есть семья?

— А почему вас это интересует? — стараясь скрыть волнение, спросила Ольга.

— Простите. Возможно, и не совсем тактично с моей стороны так, вдруг вторгаться в ваши личные дела. Я давно наблюдаю за вами. Меня удивляет ваше одиночество. Вы всегда одна и заняты только работой, если не считать наши прогулки при луне.

— Вы очень наблюдательны, Вадим Петрович. До сих пор меня никто почему-то не спрашивал об этом. Я думала, что никому нет до меня дела. Вы первый спросили меня. Жизнь моя, как говорят в таких случаях, сложилась неудачно. Я оказалась плохой женой, от меня ушел муж.

— Не говорите так о себе,— перебил ее Ольшанский.— Ведь это неправда. Что произошло в вашей жизни, не мне судить, но плохой женой вы не могли быть. Как бы там ни было, я хочу быть вашим искренним другом! — возбужденно закончил Ольшанский.

— Другом? — иронически переспросила Ольга.

— Разве вы не верите в дружбу между мужчиной и женщиной? — слегка конфузясь, спросил Ольшанский.

— Я слишком много страдала от такой «дружбы» дома, когда муж назначал по телефону свидания женщинам, убеждал меня, что говорит с друзьями по работе.

— Поступайте, как знаете, но вот вам моя рука.— Ольшанский протянул Ольге руку.

После короткого колебания она ответила ему крепким рукопожатием. Она понимала, что этого делать не следует. Им не надо встречаться. Женская интуиция подсказывала, что Ольшанский неравнодушен к ней, что неспроста он провожает ее до автобусной остановки и вот сейчас специально завел с ней этот разговор. Но... хотелось тепла, внимания. Хотелось верить, что еще можно быть счастливой.

Ольшанский по-прежнему несколько раз на день заходил к Ольге или, проходя мимо ее кабинета, дружелюбно кивал. Стал раздаваться телефонный звонок, и приятный баритон Вадима Петровича настойчиво приглашал Ольгу прокатиться за город.

Лето было жаркое. Над городом плавал сизый дым. Горожане выходные дни старались проводить за городом. Ольга долго отказывалась от предложения Ольшанского вырваться куда-нибудь в лесную чащу. Но однажды, утомленная заботами в институте и дома, уступила просьбе Ольшанского.

В воскресенье он заехал за Ольгой на собственной «Победе». Машина, петляя по улицам и проулкам шумного города, вырвалась на шоссе и плавно помчалась по лесной укатанной дороге.

Мелькали придорожные столбики, отсчитывая километры. Вдоль дороги тянулся смешанный лес, проплывали полянки, на которых покачивались белые головки ромашек и синие колокольчики.

Ольга наклонила голову к дверце машины, подставила лицо встречному ветру. Ольшанский вел машину свободно и плавно.

— Вадим Петрович, зачем мы все это делаем? — вдруг неожиданно, после долгого молчания спросила Ольга.— Я человек свободный, а у вас жена, дети...

— Зачем вы так, Оля? — Ольшанский впервые назвал ее по имени.— Я много думал, прежде чем решиться на это. Вы никогда не спрашивали меня о семье и не знаете, как я живу. Раз уж зашел разговор, выслушайте меня.— Он сбавил скорость.— Мы с Ириной знали друг друга с детства. Родители наши дружили семьями и, как в старом романе, «просватали» нас. Летели годы. Школа осталась позади. Мы с Ириной поступили в разные институты и стали реже встречаться. Ирина всегда выделялась своей внешностью, окруженная поклонниками, она на время забыла обо мне. Перед защитой диплома мать Ирины зачастила к нам в дом. Однажды отец как бы между прочим заметил мне, что пора подумать о женитьбе. Ближе Ирины у меня из девушек никого не было. Не буду лгать, она мне была небезразлична, но настоящей любви, как я понял позже, у меня к ней не было. Это была скорее школьная дружба, которую часто принимают за любовь. Родители расхваливали нас на все лады: «Ах, какая пара!» А что из этого получилось?

Вскоре мы поженились. Появился ребенок, как мне сказали, недоношенный. Во мне затаилось подозрение. Я стал ревновать ее к коллегам по больнице, где она работала врачом. Ее ночные дежурства вызывали во мне тревогу. Я тешил себя надеждой: стерпится — слюбится, и все напрасно. Тогда я погрузился в науку, занялся химическими исследованиями, старался как можно реже бывать дома. Ирина не замечала моего отсутствия. Она жила по своим законам, законам свободы личности и своих интересов. Возможно, я был не прав, не принимая никаких мер, но мне было уже все безразлично. Я возненавидел себя, ее, и только дети удерживали меня.

Машина круто свернула на лесную дорожку и выехала на поляну, вокруг которой стояли березы. Посреди поляны — старый, раскидистый дуб. Ольшанский направил к нему машину. Заехав в тень дубовых ветвей, он выключил мотор. Ольга сидела неподвижно. Застывшим взглядом она смотрела на березы и думала о том, как в жизни все бывает сложно.

Ольшанский снял очки, потер пальцами глаза. Повернулся к Ольге и положил свою широкую ладонь на ее холодные руки, спокойно лежавшие на коленях.

— Оля, думайте обо мне все, что хотите,— тихо проговорил он,— но, увидев вас, я понял, кого так долго ждал. Мне хорошо с вами. Я думаю о вас постоянно. Я не могу так больше...

Ольга медленно повернула к нему голову. По лицу Ольшанского текли слезы.

— Прости, Оля,— прошептал он и, обняв ее, стал целовать в глаза, в губы...

* * *

Домой Ольга вернулась, когда уже стемнело. Не зажигая света, она разделась и легла в постель. Закинув руки за голову, она перебирала в памяти события дня. Зачем, зачем она согласилась поехать с Ольшанским? Ольга вспоминала каждое слово, сказанное Ольшанским. Она ругала себя за эту поездку, за малодушие, которое проявила, заставив Вадима

Петровича исповедоваться перед ней. Затем ей стало жалко себя и его.

Расставшись с мужем, Ольга ни с кем не встречалась. Время бежит. Ей уже тридцать. А может быть, она еще полюбит? Порой ей становилось страшно. Ольшанский нравился ей. Она понимала, что им обоим в личной жизни не повезло. А вдруг чувство, возникшее у нее, всего лишь жалость? Можно ли забыть прошлое, не придет ли раскаяние? Одна мысль сменяла другую. Возникали вопросы, на которые нельзя было дать сразу ответ. Уже светало, когда Ольга забылась в тяжелом сне.

На другой день Ольга сидела на работе, не поднимая головы. Ей казалось, что все ее видели с Ольшанским, догадываются об их отношениях. Несколько раз у двери останавливался Ольшанский и, потоптавшись в нерешительности, шагал по коридору.

Проходили дни. Ольга всячески избегала встречи с Ольшанским. «Если столько лет он не решался порвать с женой из-за детей, то имеет ли он право сделать это теперь? — думала Ольга.— Сможет ли она заменить ему все, что он оставит? А возможно, он все преувеличил?»

Надо было что-то решать. Не думать об отношениях с Ольшанским она не могла. Вадима Петровича вдруг откомандировали на химический завод на месяц. Можно все спокойно обдумать, надеялась Ольга.

Возвращаясь домой, Ольга вновь и вновь возвращалась к недавнему прошлому. То ей рисовалась новая жизнь с любимым человеком. Она мать, слышит лепет своего ребенка... То вдруг она видела его детей, что с ненавистью смотрели на нее. Она обхватывала голову руками и в бессилии валилась на подушку.

...Однажды ночью ее разбудил телефонный звонок.

— Оленька, здравствуй, я вернулся! Нам надо встретиться. Вчера Ирина выехала на курорт. Завтра позвоню, и обо всем договоримся.

Ольга не успела ничего ответить. В трубке что-то щелкнуло, голос замолк, и послышались короткие гудки.

Ольга, как всегда, проснулась рано. Набросила на плечи легкий нейлоновый халатик, села перед зеркалом и стала медленно расчесывать длинные шелковистые волосы. Потом придвинулась ближе к зеркалу, похлопала тонкими пальцами возле уголков глаз, где намечались морщинки, подмигнула самой себе, собрала в пучок волосы.

После завтрака Ольга ходила по комнате из угла в угол. Это была ее привычка обдумывать что-то важное на ходу. Она ждала звонка Ольшанского. Нужна ли встреча? Что ему сказать? Несколько раз она брала в руки книгу, но читать не могла. Подходила к окну, смотрела на город с десятого этажа, откуда люди казались маленькими, снующими по длинной ленте тротуара.

Зазвонил телефон. Дрожащей рукой Ольга взяла трубку.

— Оленька, я готов встретиться,— напевно прозвучал знакомый голос.— Но понимаешь, произошла маленькая неприятность. Только что позвонила теща, дети сейчас у нее на даче, и сообщила, что у Алешки поднялась температура. Наверняка ангина, у него часто это бывает. Ирина перед отъездом решила побаловать ребят и накормила их мороженым. Натулька ничего, а Алешка разболелся. Я сейчас мигом слетаю туда и вернусь. Жди меня.

Как ни старался Ольшанский говорить спокойно, даже как-то игриво, Ольга уловила в его голосе тревогу. Она положила трубку на рычаг телефона. Ей еще слышались имена: Ирина, Алешка, Натуля...

Ольга подошла к окну и, задыхаясь от волнения, распахнула его настежь. В небе висела грозовая туча. Раздался сильный раскат грома. По небу черкнула узкая полоска молнии. С порывистым ветром на город обрушился косой дождь.

Постепенно косые струи дождя выпрямились, ровно забарабанили по крышам. Затем капли стали все реже и реже.

После дождя воздух стал чистым и прозрачным. Ольга стояла у раскрытого окна. Вдруг раздался телефонный звонок. Звонил долго и настойчиво, но Ольга не взяла трубку. Накинув на плечи плащ, она вышла на улицу. Глубоко вдохнула свежий воздух и, улыбаясь пробивавшемуся сквозь тучи солнцу, влилась в людской поток.

ПРЕДАННОСТЬ

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
специальный корреспондент «Огонька»

Про себя Галина Александровна Сюряева говорит: «Мне всю жизнь везет на хороших людей». Но не оттого ли вокруг нее всегда и везде хорошие люди, что и она сама к ним всей душой?

Когда я вспоминаю дни и вечера, проведенные с ней, перечитываю ее насыщенные тонкими наблюдениями письма, обращаюсь к ученикам, то ловлю себя на том, что невольно сравниваю ее то с сельской учительницей, созданной талантом Веры Марецкой, то с айтматовским Дюйшеном. И неизменно прихожу к мысли, что на таких вот учителях-подвижниках и держится сельская школа, ими она богата и сильна.

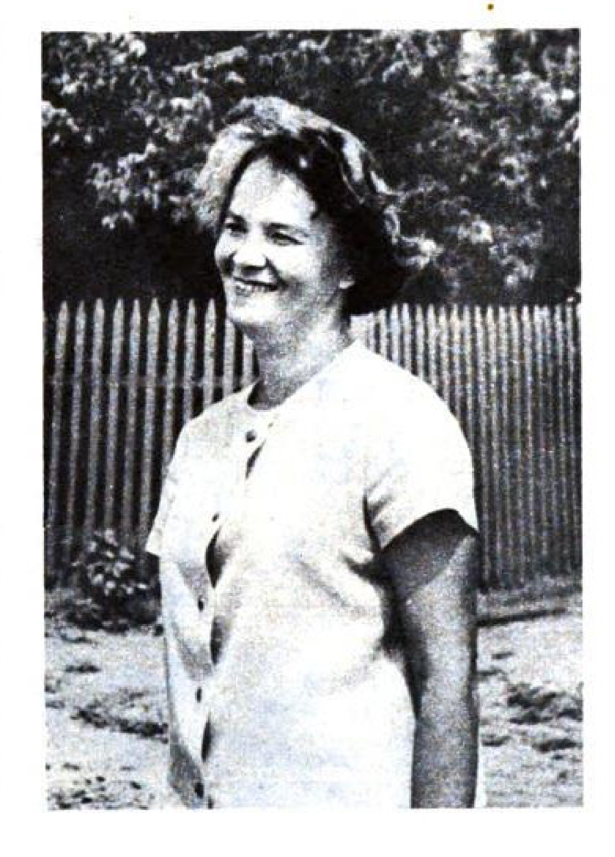
Как это ни странно, но Сюряева вовсе не собиралась быть учительницей. Она успешно сдала экзамены в медицинский институт, ее фамилия уже стояла в списке зачисленных, когда абитуриента неожиданно пригласил к себе директор.

— Я нисколько не сомневаюсь в том, что вы можете стать хорошим врачом,— обратился он к ней,— но поймите меня правильно. Корпуса у нас старые и разбросаны по всему Оренбургу. Студентам приходится в течение дня носиться из одного конца города в другой, с лекции на лекцию. Сможете ли вы?..— И он посмотрел на костыли, прислоненные к стене.— Будь на вашем месте моя дочь, я сказал бы то же самое. Я понимаю, вы не случайно подавали документы в наш институт, вероятно, стоят за этим и размышления, и планы, и, может быть, надежды...

Галя в первый момент растерялась. Да, все это было именно так: и размышления, и планы, и надежды. Она хотела стать медиком, чтоб помогать людям избавляться от недугов, бороться с болезнями и побеждать их. Слишком хорошо испытала на себе, что значит для человека здоровье. Куда же ей теперь?

— Не сокрушайтесь. А не пойти ли вам в педагогический? — мягко предложил директор, видя ее замешательство.— Экзамены сдавать вам не придется. Я сам туда позвоню. Профессия благородная.

Так она стала студенткой пединститута. Три раза в год — осенью, зимой и летом — ребята таскали Галин чемодан из общежития на вокзал, с вокзала на автобус. Пять лет подружки по группе носили ее книги, папки, портфели. Пройдет время, и она скажет: «Если бы не друзья, я не смогла бы кончить институт». На пятом курсе она заново стала учиться ходить, ходить с палочкой. Дело пошло на поправку. С палочкой вернулась и в Богдановку, в ту самую школу, которую сама окончила пять лет назад. Старый, еще больше почерневший от времени школьный дом не выглядел уже таким внушительным, как раньше, и будто не возвышался над прудом. Осел, врос в землю. Ограда палисадника новая. Когда она училась, столбики были ей по плечо, теперь выше головы. Однажды, вспомнилось ей, зимой все играли в снежки, а она стояла одна со своими костылями у столбика. Ей стало грустно и жалко себя. Вдруг кто-то из мальчишек подбежал и положил в ее ладони окатанные комочки: бросай, мол! Потом вспомнился вьюжный февраль. Богдановку занесло снегом так, что от банек торчали лишь трубы. Варвара Алексеевна, Галина мама, расстроилась до слез. Как же Галя доберется в школу? Но вскоре пришла верная подмога. Мальчишки из Галиного класса проложили от их дома к школе траншею. А как в октябрьскую распутицу переносил ее на руках Саша Базаров? Теперь он инженер, где-то на Урале живет. Какой же великолепный был у них класс, какой дружный! Бывало, Аня

Божедома и Нина Хлыстова все ссорились, кому из них нести сумку с Галиными учебниками. Их еще называли оруженосцами Гали. Они всегда заходили за ней перед занятиями и провожали после уроков...

Галина Александровна постояла под кленом, третьим от угла кленом, который она сажала в последнюю школьную весну в палисаднике. Слава Маркелов выкопал ямку, а она одной рукой опиралась на костыль, а другой держала тоненький стебелек. За пять лет клен вытянулся, и от него падает сейчас тень на окна. А их класс, на голубой стене которого совсем, казалось, недавно они, расставаясь, писали свои фамилии? Вернулась она в этот класс с партами, изрезанными пронзенными сердцами, вернулась учительницей русского языка и литературы. И ничего удивительного не было в том, что избрала она именно этот предмет.

В юности у каждого из нас был свой любимый учитель, один-единственный на всю жизнь, несравненный и чудный, в нимбе нашего восхищения и почитания. Такой учительницей для Гали была Любовь Николаевна Субботина. Высокообразованный человек, она выделялась среди всех педагогов и к тому же была очень хороша собой. Она так много знала и так занимательно умела рассказывать, что ей, маленькой, изящной женщине, удавалось завораживать весь класс. Галя ловила каждое слово учительницы. И благодаря ей полюбила книги. Долгими, зимними вечерами при свете керосиновой лампы запоем читала Толстого, Шекспира, Достоевского... Том за томом. Учительница платила взаимностью ученице. Памятью о ней остался томик с трогательной надписью... «...серьезной милой девушке Гале в день рождения». И вот теперь серьезная, милая девушка должна была продолжить ее, Любови Николаевны, дело. Как это у нее получится? Как получилось?

К сожалению, мне не пришлось присутствовать на уроках Галины Александровны. Я приехала в Богдановку в последние дни июня. Но вот что говорит о Сюряевой ее воспитанник Гаврила Иванович Адарченко, главный агроном колхоза «Заветы Ильича»:

— Мы все были без ума от нее, так интересно она вела уроки. Когда она читала нам про Катюшу Маслову, которая, плача, бежала по платформе за поездом и дождь хлестал ее по лицу, класс замирал, мы боялись вздохнуть. Голос у Галины Александровны звенел, и нам начинало казаться, что перед нами ожидающая ребенка сама Катюша в своем горе и отчаянии. В другой раз на внеклассном чтении — мы все любили эти часы и, хотя посещение было необязательно, приходили аккуратно,— она преображалась. Перед нами была деспотичная, жестокая Кабаниха, и в голосе ее звучали не рыдания, а металл. Галина Александровна так входила в роль, что я думал, вот бы ей кого сыграть в самодеятельном театре Богдановки! Читала она всегда на память. Мы все боялись чем-либо ее огорчить. У всех учителей были прозвища, у Галины Александровны — никакого. Между собой мы ее звали просто Галина: «Тише, Галина идет». Или: «Спроси об этом Галину». Благодаря Галине Александровне мы стали книголюбами.

Кстати, у Адарченко дома много книг. К нему не случайно приходят как в библиотеку. Он и чтец неплохой, особенно стихов. Занимался в студии при сельскохозяйственном институте, который кончал.

— Ну, конечно, не только за уроки по литературе мы уважали и ценили Галину Александровну,— продолжал Адарченко.— Она очень хороший человек, мужественный и добрый. Если бы не она, я бы, вероятно, бросил школу. Было со мной такое в девятом классе.

Стоит вернуться к этой истории. Она и поучительна и раскрывает взаимоотношения учительницы и ученика.

Гаврила Иванович — человек атлетической стати. По штанге первый разряд. В студенчестве самбо освоил. Словом, все оренбургские хулиганы дружинника Адарченко побаивались. И в школе он был сильнее всех. Но драчуном не слыл, защищал слабых, а бузотеров держал в подчинении. На уроках никто не решался при нем озорничать. Словом, когда один учитель сказал в его присутствии что-то двусмысленное по адресу молоденькой учительницы, в Жоре взыграли рыцарские чувства. У него так и зачесались ручищи. Но он сдержал себя, зато произнес нечто весьма антипедагогическое, на что учитель прореагировал тоже бурно, вроде того, что ему, Адарченко, в школе делать нечего. А Жора будто этого только и ждал: «А я и сам не пойду». И не пошел. День миновал, другой — нет его в школе. Галина Александровна забеспокоилась, она тогда только начинала работать, только приняла девятый класс. Стояла осень, самое худое время для Богдановки, когда ее глинистые улицы становятся не только непроезжими, но и труднопроходимыми. Осенний день короток, стемнело быстро, но все же Галина Александровна решила навестить своего ученика. Жил Адарченко со своей матерью на самом конце села, далеко, километрах в двух от школы. Несложно себе представить, с каким трудом ей, опирающейся на палку, пришлось преодолевать эти два километра вязкой хляби. Она скользила, падала, поднималась и снова шла...

Нелегкий был у нее с учеником разговор. Жора отличался еще и упрямством. Но все же учительница сумела убедить его вернуться в школу. Она знала, как он уважает и любит свою мать — великую труженицу, как старается помогать ей во всем. Татьяна Филипповна одна растила сына, отец погиб в войну, много

Ю. Кугач (Москва).

МОЛОДАЯ ХОЗЯЙКА.

Всесоюзная художественная выставка

«СССР — наша Родина».

Т. Яблонская (Киев). У СИНЕГО МОРЯ.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».

десятков лет проработала на ферме, орденоносец, в числе пяти ветеранов труда, удостоенных звания почетного колхозника, ее портрет висит на самом видном месте в клубе. Учиться Татьяне Филипповне не довелось, но она мечтала видеть своего сына образованным человеком. «Что ты скажешь матери? Ты подумал, какое доставишь ей горе? Не имеешь ты никакого морального права! Ты должен окончить школу, способности у тебя есть, поступишь в вуз...» Жора обещал... Но она продолжала его контролировать, приходила в школу даже в те дни, когда у нее не было уроков, все проверяла. Как он был благодарен ей потом за эту подлинно материнскую опеку! А в другой раз Галина Александровна проучила Адарченко за хвастовство, был за ним такой грешок. Он бравировал своей силищей и физкультурой как уроком пренебрегал. Весной ребята сдавали нормы. Жора хвастал, что в лыжном кроссе он финиширует первым. А оказался в числе замыкающих. Все уже пришли, а его и нет. Наконец он показался на трассе с лыжами через плечо: «А я чай ходил пить». И смех и грех. Решили тогда Жору проучить. Объявили ему переэкзаменовку на осень по физкультуре. Неслыханная история, первая за все время существования школы! Но, видимо, эта мера морального взыскания подействовала на него. Он отнесся к переэкзаменовке под влиянием своего классного руководителя всерьез и с тех пор основательно занялся и лыжами, и плаванием, и борьбой, а потом и другими видами спорта.

Так начинала молодая учительница. Приходили дети из других сел. И возникали новые проблемы. Но в одном она была непреклонна: старалась приучить человека к книге, зажечь в нем интерес к знаниям и обязательно довести ученика до десятого класса, до окончания школы, чего бы это ей ни стоило. Особенно чутка и заботлива она была, вспоминая свое детство, к детям физически слабым, болезненным. В одних — лежавших месяцами в больнице Володю Гондарева и Неллу Гайнулину — она вселила веру в свои силы и возможности, и они потом нагнали пропущенное; у других воспитывала чувство собственного достоинства. На последней парте сидел маленький, щупленький Равиль Вахитов. Изображал из себя шута горохового, все над ним потешались. Галина Александровна переживала за него, краснела от стыда. Много она потратила времени на то, чтобы Равиль не давал повода смеяться над собой. А потом он как-то приехал к ней специально, чтоб показать себя, приехал богатырем — крепкий, энергичный, деловой, каким и положено быть инженеру-механику целинного совхоза.

А теперь вот Галина Александровна возится с Витей Ц. Уж на что он был безнадежный и запущенный,— пришел второгодником. Одевался неаккуратно, на лице постоянно блуждающая, беспомощная улыбка. Даже читал по слогам. Выше двоек и троек не поднимался. Мать безграмотная, отец жесток и бьет детей. Есть еще такие родители. Галина Александровна начала с внешности Вити. Проследила, чтобы он ухаживал за своей одеждой, был аккуратен. Посадила на первую парту. Занималась с ним отдельно, по своей системе, постепенно усложняя задания. Наконец он укрепился на тройках. А она его подбадривать: «Ты можешь и на четверки заниматься, Витя. Постарайся еще!» По литературе поставила ему четверку авансом, для поощрения. И рада: сдвиги наметились. Как-то она спросила у него: «Кем бы ты стал, если бы оказался взрослым?» «Учителем,— ответил он,— и никого не оставлял бы на второй год...»

— Сюряева всегда ищет в человеке хорошее. Но самое главное, она способна убеждать признавать свою неправоту и учеников и взрослых, а это уже талант, и дается он далеко не каждому,— так говорит о Галине Александровне парторг школы Иван Андреевич Волохин.— Поэтому ее авторитет высок и в школе, и в селе, и в районе.

Профессиональную характеристику Сюряевой можно было бы завершить словами Ивана Фроловича Дорожкина, первого секретаря Тоцкого райкома партии:

— Очень эрудированный педагог. Завуч. Богдановская школа идет у нас в первой тройке по району. И в этом немалая заслуга Сюряевой.— Дорожкин помолчал и добавил: — Общественница, постоянный наш селькор, депутат сельсовета.

Я вспомнила первый свой день по приезде. Едва вышла из вагона, как увидела женщину, торопящуюся мне навстречу. Это была Галина Александровна. Она шагала без палочки, давно обходится без нее. Трудно передать, как я ей обрадовалась! Поезд прибыл на станцию Тоцкая ночью. Постоял здесь всего две минуты и укатил в густую темь. На вокзале и на площади перед ним было пустынно, черно до непроглядности. Автобусы уже не ходят. Что бы я делала тут без Галины Александровны? А она, заботливая, оказывается, договорилась в редакции районной газеты «Авангард», чтобы прислали на вокзал машину. От станции до Богдановки еще сорок с лишним километров.

С редакцией у Галины Александровны теснейшая связь. Она постоянный автор газеты. Пишет и по заданию и по вдохновению. Это составляет еще одну грань ее жизни. Пишет о своих земляках, ушедших добровольцами на фронт, о медицинской сестре, отдавшей селу тридцать лет, о своей поездке в Москву, о празднике «Посвящения в колхозники», о бюджете семьи скотника, о новых спектаклях народного театра и о коллегах-учителях... Делает это с неизменной теплотой, с удовольствием. Но попадаются и колючие заметки. О том, например, что колхоз не обеспечил тракторами школу на время производственной практики, о том, что из рук вон плохо ведется строительство нового здания школы. Об этом она сигнализировала не только в «Авангард», но и в областную газету, во многие ведомства. Кстати, это самый больной вопрос всей Богдановки. Кто только не говорил мне о нем!

Здание школы очень старое, построено из сухостойного леса. За тридцать шесть лет оно обветшало до такой степени, что никакие ремонты уже не могут его спасти, держится на подпорках, как говорят, до первого сильного ветра. Продувается насквозь, скрипит и стонет. Разговоры о сооружении нового здания идут тоже очень давно. Проект новой школы хороший, с большим пришкольным участком и спортивными площадками. Его начали осуществлять, заложили остов корпуса, однако на этом заглохло. Не то рабочих перебросили на другие объекты, не то финансирование прекратилось. Все дело, видимо, в том, что нет у этой школы настоящего хозяина. Стоит она в Богдановке, где расположена центральная усадьба колхоза «Заветы Ильича». Но учатся здесь дети из соседних колхозов, следовательно, все артели должны вносить свой пай. Строительство осуществляется на кооперативных началах. Колхозные же паи зависят от урожая, а он нередко подводит. Тоцкий район — один из самых засушливых в Оренбуржье. Вот и получилось по пословице: у семи нянек дитя без глазу.

— Я бы рад был построить школу сам,— высказался в разговоре со мной председатель правления колхоза «Заветы Ильича» Анатолий Дмитриевич Пыльцин.— Но что скажет райфо? Отвлечение средств на непроизводственные нужды? С другой стороны, если школу не построить — не погладит по головке и Министерство просвещения...

Такое балансирование длится уже не первый год и благополучно сходит с рук. Надо полагать, что после недавнего постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о сельской школе областные и районные организации найдут выход из создавшегося положения. Права Галина Александровна: надо бить в набат!

— Только Пыльцина вы не очень-то вините в школьном деле,— предупреждает она.— Это будет несправедливо. Человек он у нас новый, всего третий год, а уж сделал немало. До него нам не везло с председателями. Хозяйство не укреплялось, а расшатывалось. Пыльцин окончил вуз, работал в районе. И сейчас продолжает учиться, диссертацию готовит. Наш председатель молод, инициативен, горяч. И Богдановка при нем стала подыматься. Внедрил звеньевой хозрасчет, ездил учиться на Кубань, к Первицкому. Порядок навел, дисциплину подтянул, хозяйство окрепло, повысились надои, стали устойчивей и более высокими урожаи. Подключили нас наконец к государственной энергосистеме. От Куйбышевской ГЭС теперь ток получаем. А для деревни это все: механизация труда на фермах и токах, культура и современный быт. Колонки на улицах появились, а раньше были только колодцы и очень далеко приходилось ходить за водой. Баню недавно новую открыли, новые дома стали строить колхозникам, магазин строится. Теперь ждем, когда придет к нам телевидение. Богдановка лежит в низине, окружена холмами, в зоне так называемого неустойчивого приема. Тянут к нам ретрансляционную сеть. Вот если в этом году не подключат нас к Большой земле — уеду. Не могу быть больше оторванной от всего мира.— В карих глазах Галины Александровны беспокойные огоньки.— Уеду, и все!— повторяет она и решительно встряхивает головой, так что рассыпаются в стороны красивые, с рыжеватым оттенком волосы.— Хочу все видеть, все знать!

Но я-то знаю, что никуда она отсюда не уедет. Если уж не уехала до сих пор, пережив самое трудное и для себя и для Богдановки время, то теперь не уедет и подавно. Она бы могла с успехом работать и в городской школе. Представлялась такая возможность да и сейчас представилась бы, пожелай только! Ее приглашали на работу в Тоцк. Отказалась, хотя жизнь в райцентре, где лучше налажен и благоустроен быт, куда легче. Учителям в Богдановке приходится иметь свое хозяйство и огородами своими заниматься. Словом, далеко еще этому селу до эталонного сельского поселка. А мне подумалось: почему бы колхозу не позаботиться о нуждах учителей — ведь в школе учатся дети колхозников!

Не захотела Галина Александровна работать ни в Тоцке, ни в Оренбурге, ни в Новотроицке, куда ее звала родная сестра. Точно так же, как ее ученик Гаврила Иванович Адарченко,— оставляли же его в аспирантуре в оренбургском институте, сам попросился в родное село. Что это, так называемый деревенский консерватизм? Неспособность изменить раз заведенный уклад жизни? Частенько приписывают это Галине Александровне, и что особенно обидно, ее же однокашники.

Двадцать человек окончили Богдановскую школу в пятьдесят первом году. Из них только четверо остались в селах, а в Богдановке — одна Галина Александровна. Остальные разъехались, разлетелись в разные края. Кто на Урал, кто в Среднюю Азию, кто на Украину. Инженеры, врачи, учителя, военные... Но никто из них своей школы не забывает. Нет-нет да и нагрянут в Богдановку и прежде всего к Галине Александровне. Ее домик по-прежнему, как в школьные годы, остался штаб-квартирой. И уж как рада хозяйка гостю или гостье! Горницу, лучшую комнату отведет ему. И ночью будет сидеть, проверять тетради, а уж вечер отдаст воспоминаниям, расспросам. «Всех твоих братьев и сестер выучила,— скажет она высокому, статному красавцу летчику Николаю Логачеву.— Присылай теперь своих ребят!» Марса Шкильдина, морского врача, будет расспрашивать про дальние страны. А если заскочит из Новотроицка Аня Божедомова, задушевная подружка, та самая, которая ссорилась со всеми из-за Галиной сумки с книгами, кому ее нести, то разговорам не будет конца. Вернее, не разговорам, а бесконечному спору, который идет меж ними не первый год.

Пойдут они с Аней непременно на Левонов курган, высокую гору, на которую по традиции поднимаются каждый год десятиклассники в день выпускного вечера. Сядут на пушистый, пахнущий степными травами ковер, вздохнут полной грудью.

— Хорошо!— тихонько скажет Галина Александровна.

— Хорошо, да в городе лучше,— начнет поддразнивать ее приятельница.— Вот пойдет дождь, и никуда отсюда не выберешься. А в городе — трамваи, автобусы, твои любимые театры, в квартире тепло, уютно, газ, телевизор...

— Ну и что же? — задумчиво возразит Галина Александровна.

— Идеализируешь, поэтизируешь деревенскую жизнь. А знаешь почему? Боишься расстаться с этим всем. Просто трусишь. Думаешь, не сможешь жить в городе. Деревенский консерватизм.

Но тут уже Галина Александровна переходит в атаку:

— Неверно. Ни в чем я не уступлю горожанам, ты это прекрасно знаешь! Ничего я не боюсь! Просто в городе я не смогу жить так

полно, насыщенно, как здесь. Я очень нужна людям, Богдановке. Вижу прямую отдачу. И не только в школе. Ты это знаешь!

— Гордячка ты!..

Стоим сейчас на этой горе и мы с Галиной Александровной. Внизу зелено-белым серпом, обнявшим пруд, простерлась Богдановка. Вокруг, до самого горизонта, во все стороны от нее подымаются сглаженные невысокие холмы, то золотые, то зеленые, то черные, то со щетинистыми клиньями рощ. Приволье и звенящая тишина. Никакие звуки, даже грузовиков, ползущих по большаку, не долетают сюда. Тишина и какой-то прозрачный сухой ветер, без запахов.

— В снежную зиму тут все бело. По горам на лыжах носится Вова. Он с таких круч прыгает, все трамплины ищет, что мне страшно за него. Но пусть он не знает этого страха, пусть растет смелым!

Вова — сын Галины Александровны. В четвертый класс пошел. Когда она говорила о трамплинах, то косвенно имела в виду себя. Когда была девочкой, неслась с одной из таких же гор на санках, а впереди лежал этот самый пруд, и зияла в нем прорубь. Галя угодила бы прямо в воду, если бы кто-то из мальчишек, увидев это, не срезал ее санки своими. От проруби Галя была спасена, но при столкновении санок ей сильно ушибло ногу. Она сначала не обращала внимания на ноющую боль, а когда спохватились и сделали рентген, уже было поздно. Гипс на годы. А теперь по горам носится ее сын, и она не хочет, чтобы ему было ведомо чувство страха, некогда испытанное ею. Мужество — это ведь и есть преодоление собственного страха.

— Нет, никуда-то я отсюда не уеду! — покачивает головой Галина Александровна, как бы завершая наш разговор. И вспоминает давнишний спор с Аней Божедомовой.— Люблю эту землю с ее широтой и просторами, этот сухой степной ветер, пахнущий по вечерам полынью, люблю поля пшеницы и колосящуюся рожь... Ну, а телепередачи к нам в конце концов придут. И асфальт у нас будет!

Вся жизнь ее глубокими корнями связана с этой землей. В одном из своих писем, помеченных августом, Галина Александровна писала мне: «Работали на току, организовали три смены из учеников и учителей. Вместе со мной на току работал Вова, стоял на машине, разравнивал в кузове зерно. Урожай в этом году у нас хороший... В некоторых колхозах из-за дождя уборка задержалась, но мы успели свезти все на ток. Качество хлеба хорошее. Заканчиваем выполнение полуторатонного плана. Заготовлены семена и фураж...»

А вот по поводу строительства школы тревога и забота: «Вскоре после вашего отъезда все работы на стройплощадке были прекращены. Бригада работников распущена. Из 28 тысяч рублей освоена только половина. Почему стало дело, я толком не разузнала еще...»

Зато самое последнее письмо, уже сентябрьское, полно оптимизма. «Дела в колхозе идут отлично. Продаем зерно сверх плана, перекрыли задания, погасили задолженность за прошлый год. Зерно сухое, и соседние колхозы обмениваются с нами, засыпают наше — на семена... На днях пришла большая радость — коллегия Министерства с/х СССР наградила колхоз «Заветы Ильича» Красным знаменем с присуждением премии — легковых и грузовых машин — за увеличение производства и заготовок продуктов животноводства. Еще одна добрая новость: секретарь парткома колхоза Балакин позавчера мне рассказал, что решено возобновить строительство школы и не прекращать работу до тех пор, пока не будет возведено здание полностью, то есть строить и в зимнее время, чтобы летом сделать плотницкие работы и отделку. Хочется верить, что так и будет».

Радости и горести Богдановки и колхоза — это и ее, сельской учительницы, радости и горести. Нет у Галины Александровны интересов ближе и важней. Они составляют смысл и содержание ее жизни. Что ж, если в этом и состоит так называемый деревенский консерватизм, то я за такой консерватизм, однако считаю более приемлемым другое слово — «преданность». Преданность земле и людям земли!

НОВАЯ СТРОКА

С ДУШЕВНОЙ ПОДЛИННОСТЬЮ

В стихотворении Сергея Викулова «Песня о кузнеце», вошедшем в его новую книгу «Плуг и борозда», есть строчки о солдате, которого ранит вражеская мина:

И, задев верхушку елки,
полыхнула жаром вниз.
Глубоко ее осколки
в тело белое впились.

Взято одно определение из народно-сказовой поэтики, устойчиво-характерное — «тело белое»,— и мы сразу чувствуем, видим, как разорвавшаяся мина подкосила богатыря. Так «застывшее» в языке может вдруг войти обновляющим элементом в современный образ. Нет слов мертвых, есть только «дремлющие» до поры до времени, ждущие своей новой жизни. Тем более это относится к народно-поэтическому языку, где происходит постоянное обновление — образное, метафорическое, лексическое — на современной основе. Помнится, когда трое наших космонавтов стартовали в небо, то москвичи (снимок был напечатан в газетах) несли транспаранты с надписью «Русская тройка». Разве это звучало

Сергей ВИКУЛОВ. «Плуг и борозда», издательство «Современник», Москва, 1972.

ВСЕГДА НА ЛИНИИ ОГНЯ

Стихи Доризо начали появляться в печати еще в 1938 году. В годы Великой Отечественной войны песни его пелись на фронте. Уже во фронтовых стихах поэта и в произведениях первых послевоенных лет ощущается художническая зоркость и сочность мазков. В «Балладе о русском солдате», написанной в 1945 году, нарисован обобщенный образ воина-героя. Поэт показывает, как солдат ползет с гранатой к вражескому броневику, вот он «взмахнул рукой, шагнул... и встал на... пьедестал!»

В 1948 году в Ростове-на-Дону вышел первый сборник Нико-

КУБОК СССР У «АРАРАТА»

На столе в раздевалке «Арарата» — ворох телеграмм. Взял одну наугад и удивился, до чего оперативно работает почта: «Ваша победа вдохновляет нас на ударный труд тчк Болея за вас зпт обязались проработать сегодняшний день и все остальные дни октября по-ударному тчк По поручению коллектива завода Алмаз директор Митоян». Но, посмотрев на верхнюю строчку, понял: телеграмма пришла еще до того, как начался финальный кубковый матч между «Араратом» и киевским «Динамо». Просто рабочие завода не представляли себе иного итога, кроме победы своей любимой команды, всей душой верили в нее.

Верили в победу и сами футболисты «Арарата».

— Когда мы готовились к этому матчу,— сказал мне капитан команды Оганес Заназанян,— то каждый футболист дал себе и товарищам слово сделать все, чтобы добиться успеха, отдать борьбе все силы. Ведь нам еще ни разу не удавалось завоевать самый почетный футбольный приз.

«Арарат» и киевское «Динамо» — соседи по турнирной таблице в чемпионате страны. Они ведут борьбу за золотые медали. Были они соседями и в последние дни подготовки к финалу: жили в нескольких стах метрах друг от друга и тренировались на одном поле.

Из Новогорска два автобуса со спортсменами выехали почти одновременно, но ереванцы приехали в Лужники чуть раньше. Хорошая примета.

Но вот забыты приметы, забыто все, что не имеет прямого отношения к матчу, к футболу,— команды под рев трибун, добрая половина которых была заполнена туристами из Армении и с Украины, выходят на поле. Судья международной категории П. Казаков подбрасывает вверх монету, а точнее, специальный жетон, подаренный ему турецкими коллегами, на одной стороне которого изображены футбольные ворота, а на другой — мяч. Валерий Самохин отправляется к северным воротам, Алеша Абрамян — к южным. Игра начинается.

Сейчас нет необходимости перечислять все подробности матча. Замечу лишь, что поначалу он не был красивым и изящным: слишком велик был накал страстей. Главные события развернулись на поле во второй половине, после того, как на 60-й минуте ереванский защитник Норик Местропян остановил в штрафной площади киевлянина Леонида Буряка недозволенным приемом. Пенальти!

Виктор Колотов был точен, и динамовцы повели в счете — 1 : 0.

И вдруг... Ереванцы словно сбросили оцепенение. Все настойчивее они стали рваться к воротам Самохина, все яростнее атаковать, все больше уверенности, точности, смысла появилось в их игре. И душой всех атак, «мотором» команды был в эти минуты Аркадий Андриасян.

— Как же вам удалось переломить ход встречи? — спросил я у него после матча.

архаично? И когда С. Викулов говорит, что он, да, «стартовал от крылечка», то ведь и крылечко это, и упоминаемая поэтом русская печка, и другие фундаментальные вещи народного быта всегда будут полны внутреннего содержания.

Как и в прежних стихах и поэмах, в новом сборнике Сергея Викулова привлекательна бытовая вещественность, крупность деталей. Вот солдат после ранения возвращается домой:

Подлечился — и в дорогу,
к детям, к женке поспешил.
И принес к ее порогу,
кроме праведной души,
два захватанных, бесплатных
деревянных костыля,
да шинель, да дух палатный
от казенного белья.
Ох, была нелегкой встреча.
Жгли махорку старики
да тужили... да весь вечер
женки плакали в платки.
Детвора глазела с печки.
И сидел ты — не герой,
а всего солдат увечный —
перед этой детворой.

Здесь хороша монолитность картины и чувства, это не описательность и не взгляд со стороны, а образ, возникающий из самого состояния солдата, из его переживания. Стоит назвать этот образ ключевым для сборника, дающим представление о том, как может быть далека от эмпирики бытовая сцена. Многие из стихотворений С. Викулова представляют собою маленькие поэмы, в повествовательности, сюжетности — их особенность. В этом есть сторона преимущественная: встречи, разговоры с людьми, рождающими тему, сюжет для стихотворения, настраивают автора на интонацию разговорную, доверительную, сближают его с ними психологически. Если иметь к тому же в виду, что разговор обычно замешен на таком свежем языковом материале, как северный вологодский говор, то очевидно, как внушительно говорит сам за себя факт, вызвавший стихотворение. Правда, встречи бывают разные и разговоры неравноценные, и не всякий факт, хотя и житейски интересный, может иметь эквивалент поэтический — и в этом смысле искания поэта могут быть продолжены.

Большой раздел в сборнике отведен стихам о природе. Тема эта, как никогда прежде, имеет ныне огромное гражданское значение. Поэт предается философическим размышлениям о природе, о земле, но мне кажется, что больше философии в конкретных приметах, наводящих на глубокое раздумье. В стихотворении «Чем дальше в лес...» читаем: «Чем дальше в лес иду — тем все трудней... Вот ельник — не пробраться до средины: одна к одной не ели, а жердины, сухие от вершин и до корней. Земля вкруг них по-лунному мертва. А вместо лап — рога... И мох на каждом. И тленом сладко-приторно и бражно попахивают грустно дерева... Я вздрагиваю: кажется мне вдруг, что я один на нежилой планете... И слышу чье-то пенье — это ветер шумит в ветвях».

Красота природы — не для туристской забавы, поэт обращается к озеру: «Над светлой твоею водою и сам я светлею душой». Поэтому с такой нравственной активностью относится он к тому, что делается доброго и злого в природе.

Один из французских поэтов, знавший толк в новизне, сказал, что ничто так быстро не проходит, как новизна. И это действительно так, особенно ложная новизна в самовыражении. В лучших стихах Сергея Викулова есть та душевная подлинность, которая не дается никакими ухищрениями, прочитайте, например, стихотворение «Не пляшут» или «Если даже и вправду...» — и вы почувствуете характер поэта, говорящего с прямотой о том, что ему дорого с детства. Этой подлинностью он прежде всего и интересен читателю.

М. ЛОБАНОВ

лая Доризо — «На родных берегах». В нем есть картинки жизни довоенного Краснодара, где в 1923 году поэт родился и провел детские годы. В лучших произведениях этого сборника уже обнаруживаются те качества, которым суждено было развиться и углубиться в последующих книгах: «Мы — мирные люди» (1950), «Стихи» (1952), «Встреча с тобой» (1955), «Лирика» (1958) и других. Эти качества вполне определенны: стихам Доризо присуща точность поэтического образа, лиричность, психологическая проникновенность.

Мастерство поэта растет с каждой новой книгой, расширяется круг его творческих интересов.

Он стремится овладеть новыми средствами выражения, новыми жанрами. Все чаще поэт прибегает к форме баллады, позволяющей подняться до значительных социальных обобщений. Появляются «Баллада о кружке пива», «Баллада о козе», «Баллада о смеющемся мальчике».

В 1959 году поэт пишет драму в стихах «Утром после самоубийства», которая была опубликована в книге «Имя мое — человек». В журнале «Москва» выходит прозаическое произведение Доризо — лирическая повесть «Измена». Он автор комедий «Конкурс красоты» (в стихах), «Две женщины и зависть», напечатанной недавно в журнале «Молодая гвардия». В этом году Оренбургский драматический театр осуществил постановку его исторической трагедии в стихах «Место действия — Россия» («Пугачев») к двухсотлетию начала крестьянской войны под водительством Е. И. Пугачева. В прозе и драматургии, как и в стихах, поэт часто использует острый конфликт, иногда парадокс. Такие приемы нужны ему, чтобы ярче, ощутимей изобразить явления действительности. В этом, пожалуй, и сказывается своеобразие направленности его творчества.

Николай Доризо — признанный мастер советской песни. Песни на его слова давно полюбились народу. И больше других: «У нас в общежитии свадьба...», «Огней так много золотых...», «Помнишь, мама?..», «Песня Рощина», «Мужской разговор», «Песня о любви».

Чувствуется требовательная работа поэта над строками, которые, кстати, могли бы существовать и без музыки, просто как стихи. Поэт ставит перед собой цель писать для всех («Хочу писать для безголосых»), то есть создавать песни для простых людей, чтобы их запели рыбаки, рабочие, колхозники. И это ему удается.

Поэта остро волнуют вопросы творчества, искусства, их роль в жизни. Его глубоко трогают и муки творчества великого скульптора («Микеланджело») и судьбы уходящих со сцены артистов («Актрисы»). Негодуя, он отвергает сенсации, заслоняющие суетой подлинное искусство.

Несомненно, впереди новые стихи, песни, поэмы. Повседневный поиск, малые и большие открытия — путь, по которому идет поэт, путь трудный, но верный.

Дм. СМИРНОВ

— Как удалось? — переспросил Аркадий.— Ей-богу, не помню. Ничего не помню. Что было, как играл — сейчас вижу словно во сне. Одно было желание, одна цель — идти вперед, забить гол.

И это страстное желание ереванцев осуществилось на предпоследней минуте. Осуществилось, когда киевляне, наверное, уже мысленно представляли себе, как они пройдут круг почета по стадиону. Ведь им это трижды удавалось.

Однако игра продолжается не 89 минут, а 90. Андреасян выиграл безнадежный мяч, дал пас Николаю Казаряну, тот ударил по воротам, ударил неудачно, но и Самохин неудачно отбил мяч, и...

— Словно какая-то неведомая сила бросила меня вперед,— рассказывал после матча счастливо улыбающийся Левон Иштоян.— Как бил по мячу — не увидел. Увидел его уже в сетке.

Дополнительные два тайма загадки уже не представляли. Ни психологической, ни тактической. Киевляне не были готовы к продолжению борьбы. Второй гол Левона Иштояна был логичен, он отразил то преимущество, которое «Арарат» имел во второй половине встречи.

— Можно, конечно, считать, что гол на предпоследней минуте — улыбка футбольной фортуны,— заметил арбитр матча Павел Казаков.— Но главным образом он — награда за те усилия, которые были приложены ереванцами, чтобы забить его.

В 1954 году футболисты Еревана впервые вышли в финал Кубка, тогда они тоже встречались с киевскими динамовцами, но проиграли им. Теперь Кубок получил ереванскую прописку. «Арарат» стал десятой командой, завоевавшей почетный приз. Новая строка появилась на серебряной крышке хрустального Кубка.

С. КРУЖКОВ

На снимке: футболисты «Арарата» проходят круг почета.

Фото А. Бочинина.

А. ЗУБОВ,
Л. ЛЕРОВ

Рисунки И. УШАКОВА

«НАНДОР И Кº»

На рассвете советский лайнер вошел в Галатскую гавань и пришвартовался к причалу стамбульского порта.

На теплоходе уже давно все бодрствовали — таков удел туристов. Вскоре на борт судна поднялись турецкие пограничники, таможенники, представители санитарной и ветеринарной служб.

Но вот наконец все судовые документы оформлены, паспортá получены — и пассажиры спускаются на набережную, занимают свои места в автобусах. Им предстоит отправиться традиционным туристским маршрутом по неширокним, кривым улицам древних кварталов города. Квартал Фенер с подворьем вселенского патриарха — в свое время здесь были дома крупных греческих купцов, банкиров, ростовщиков, а теперь ютится греческая беднота; квартал Эминею, где в эпоху султаната находилась «Блистательная порта»,— здесь правительственные здания, памятники средневековой византийской архитектуры, и самый примечательный среди них — Айя-София, или храм святой Софии, который десять тысяч человек строили пять лет. Туристы слушают гида, всматриваются в пестрые улицы, и никто, конечно, не обращает внимания на изрядно потрепанный «ситроен», примкнувший к туристским автобусам еще на набережной.

За рулем «ситроена» Сабир. Рядом с ним — напарник Керим. У гида — работа. У них тоже... Каждый по-своему зарабатывает на жизнь. Сабир и Керим выезжают на встречу гостей из СССР, как на службу. Для них не имеет значения, кто эти гости: туристы, матросы, специалисты, прибывшие в служебную командировку, или просто родственники местных жителей. Найти среди прибывших «нужных» людей — вот их задача. Механика поиска отработана до автоматизма — найти любой повод, чтобы вступить с гостями в разговор, постараться установить контакт, а если надо, то и слезу пустить: «Такая тоска по родине, по земле отцов и дедов, да благословит ее аллах! По воле судьбы мы вынуждены мыкать горе на чужбине». Затем следует монолог о сохранившейся в их сердцах любви к советской земле, о желании вернуться на родину. Но вот «очевидцы им рассказывают, что...». И тут уже начинается обстрел снарядами, начиненными «доподлинными» свидетельствами «пострадавших», цитатами из какого-то таинственного «манифеста» и т. д. и т. п. Сабир и Керим говорят тихо, вкрадчиво, мягко, осторожно: «Вы многого не знаете. От вас скрывают... Вот возьмите». И суют какие-то брошюрки, листовки, памятки. Это всегда при них. Но все труднее и труднее сбывать «товар». Один швырнет листовку в лицо и отругает, другой шарахнется от них, как от зачумленных. Год от года дела идут все хуже — надежды хозяина на возможность установления в Стамбуле нужных ему контактов с советскими людьми рушатся одна за другой.

Когда Сабир и Керим пускали горькую слезу по поводу тяжкой жизни на чужбине, они не очень были далеки от истины. В сорок втором, в пору напряженных оборонительных боев, Сабир и Керим дезертировали из Советской Армии. Служили в карательных отрядах СД. После разгрома гитлеровской Германии нашли себе новых хозяев... Они прошли полный курс разведшколы и были отправлены в Стамбул для «работы» с иностранцами на всемирно известном стамбульском базаре.

В последнее время господин Нандор, шеф Сабира и Керима, все чаще твердил им:

— Теперь уже нет большой пользы от того, что всучишь кому-то из советских граждан брошюрку или листовку. Надо находить среди них падких на тряпье, магнитофоны, транзисторы или, скажем, на красивые восточные сувениры... Я знаю, таких учуять нелегко,— говорил Нандор.— А за что же вам платят деньги? Если не можете — убирайтесь к чертям собачьим, идите работать в каменоломни...— Хозяин распалялся все больше, переходя уже на крик. Но затем снова спокойно начинал поучать, словно читал лекцию:

— Когда желаемый субъект окажется в поле вашего зрения, вы должны найти достаточно верный повод, пусть даже самый пустяковый, для провокации... Действовать надо молниеносно, чтобы гость не успел прийти в себя. Старайтесь запугать его, создайте такую обстановку, которая показалась бы ему безвыходной. И тут вы появляетесь на сцене в роли друга-спасителя, доброжелателя. «Я тоже советский человек,— восклицаете вы,— хотя и заброшен судьбою на берега Босфора!» Вы считаете своим долгом спасти соотечественника. И совсем за ничтожную плату. Да, да, вы знаете, что у него нет валюты. Ее и не потребуется. Потребуется малозначащая информация, которую вы хотели бы в порядке дружеской помощи передать своему родственнику, работающему над книгой об СССР... Фантазии, больше фантазии, господа! Наша работа — это творчество, высокий полет мысли, это вершина изобретательности и деликатности. Мягко, тонко вы намекаете о возможности конспиративных связей. Каким способом? Пусть это не волнует вашего «друга», вы гарантируете абсолютную безопасность. И, разумеется, солидный гонорар. «Если вам будет угодно,— скажете вы,— мы откроем на ваше имя счет в швейцарском банке...»

Наконец «бульдог» — так между собой называют они своего шефа — черноволосого крепыша с мясистым носом и тяжелыми, поистине бульдожьими челюстями — замолкает и, всматриваясь в почтительных слушателей, требовательно вопрошает:

— Кажется, вы что-то хотели сказать, Сабир?..

Сабир робко заметил, что они работают в поте лица своего, но такова воля аллаха — иноверцы отворачиваются от них...

— А о нас с вами будут судить, господин Сабир, не по тому, сколько трудов мы потратили. Результаты!.. Где результаты — спрашиваю я вас, кого нам удалось завербовать?— И, не ожидая ответа, мрачно объявил:— В ближайшее время к нам прибудет с инспекторской миссией представитель штаб-квартиры господин Егенс. Так что работайте, ищите нужных нам людей. Да, да, ищите: у вас должен быть нюх гончей собаки... Помните, что штаб-квартиру интересуют в первую очередь ученые, люди, имеющие доступ к источникам самой различной информации. И, о чем-то подумав, добавил:— Ну и творческая интеллигенция... Вы меня поняли? Хочу предупредить, в случае еще одной неудачи мы можем оказаться за бортом, а там... Вы не хуже меня знаете, что значит для нас оказаться за бортом...— Плечи «бульдога» вяло опустились, и, не глядя на собеседников, он сказал:

— Спокойной ночи, господа.

...Автобусы подкатили к храму святой Софии. Поблизости, за углом, остановился и «ситроен» Керима и Сабира. Влиться в толпу туристов было довольно легко... Гид, красивая смуглая девушка в ярко-зеленом платье, неплохо владела русским языком и бойко рассказывала об уникальном мраморном поле, о мозаике, о священной, облицованной бронзовыми плитами «колонне желаний». В одном месте колонны бронза протерлась, и в мраморе образовалось небольшое углубление. «Это от прикосновения пальцев,— улыбается девушка.— Легенда гласит: прикоснись — и исполнятся твои желания».

Путешествуя по Стамбулу, экскурсанты вели себя по-разному. Одни держались вместе, внимательно слушали, погружаясь, как говорится, в глубь веков... Другие спешили запечатлеть себя и своих спутников на фоне мечети или крепостной стены и потому отходили иногда довольно далеко. Вот эти «другие» и привлекали внимание «людей Нандора». Сабир сразу нацелился на лысого человека с красивым, энергичным лицом. В руках тот держал кинокамеру, а на шее висел фотоаппарат с телеобъективом. Он присаживался на корточки и, как заправский фотокорреспондент, старался захватить в кадр мечеть Алтын со всеми ее минаретами. Послушав затем минуту-другую гида, он снова отошел от группы и осмотрелся по сторонам... Можно было подумать, что турист кого-то или что-то ищет. Кого, что? Сабир и Керим вспомнили наставления Нандора — выбирать, действовать целенаправленно.

Автобусы прибыли к рынку. Девушка-гид три раза хлопнула в ладоши: «Внимание!»,— затем поднесла к губам микрофон и громко сказала: «Прошу держаться ближе друг к другу. Здесь легко заблудиться и отстать. Сейчас мы с вами осмотрим один из самых знаменитых базаров Востока...»

Шумит, гудит, звенит многоязычный стамбульский базар, переливаясь всеми цветами радуги. Словно магнит, притягивает покупателей этот город в городе. У него свои законы, традиции, обычаи, свой облик «улиц» и их «жителей». Это лавины диковинных фруктов и разноцветных фресок, чеканка по металлу, шитье золотом, изделия мастеров, чье великолепное искусство передается из поколения в поколение. Лысый фотограф на базаре оказался в самом хвосте туристской группы и, пожалуй, чуть дольше, чем его соотечественники, задерживался то у витрины магазина, то у груды товаров, разложенных прямо на земле или на прилавках.

Здесь, в каждом уголке базара, своя манера зазывать покупателя: «Посмотри, дорогой, купи, дорогой!» А эта витрина, пожалуй, выделялась среди других сочетанием европейской строгости, даже некоторой чопорности, с азиатской крикливостью. А может, это все показалось Лысому — так между собой назвали его Керим и Сабир. Просто сам магазин расположен на бойком месте, недалеко от центральных ворот базара. Потому и привлекает. Так или иначе, недолго потоптавшись у входа, турист решительно переступил порог магазина с яркой вывеской: «Нандор и Кº». А чуть ниже было написано: «Здесь говорят на английском, немецком и русском языках».

В тот момент, когда иностранный турист, к тому же еще из СССР, появляется в их торговом зале, все причастные к «хозяйству» Нандора люди уже знают, как и что им надлежит делать.

Керим спешит к шефу с черного хода. Кабинет шефа расположен в магазине, имеет два входа: один — из торгового зала, другой — черный, с тыла, почти незаметный. А Сабир остается на улице. Рядом с ним «некто» в ярком мундире, напоминающем форму здешней полиции. Лишь местные жители знают, что это не полицейский, а швейцар. Через стеклянную витрину и настежь открытую дверь Сабир видит, как навстречу Лысому услужливо, чуть склонив голову набок, с улыбкой семенит продавец Яфи. У него удивительно наметанный глаз, у этого Яфи. Он видит и покупателя и Сабира, незаметно подающего сигнал.

Яфи приступает к исполнению своих обязанностей. О, теперь это уже вдохновенный певец, воспевающий красоту заморских тканей, восточных миниатюр и сувениров. Яфи изгибается перед покупателем, жестикулирует и даже, когда его монолог сменяется диалогом и покупатель, выбрав сувенир, считает, что цена слишком высока, продавец сумеет убедить: «Таких низких цен, как у «Нандора и Кº», нет на всем стамбульском базаре». Наступает пауза... Продавец и покупатель вопрошающе смотрят друг на друга, и Яфи угадывает то мгновение, когда пора сделать жест, означающий — «хорошо, согласен, берите». Лысый достает из бумажника советский десятирублевый банкнот и начинает новый диалог: согласен ли Яфи принять советские деньги и каково их соотношение с местной валютой? Но вот уже Лысый получает четки, уложенные в обтянутую красным бархатом коробочку, в придачу подарок фирмы — миниатюрный макет храма святой Софии. Сунув все это в карман, турист выходит из лавки, оглядывается по сторонам: где они, его спутники?— и направляется к главному выходу. Но тут же к нему подходят Сабир и нандоровский швейцар, который играет роль полицейского. Сабир вежливо кланяется и говорит по-русски:

— Мы вынуждены задержать вас, господин. Вы украли в магазине...

Лысый с негодованием прерывает Сабира, даже кричит на него, лоб туриста покрывается бисеринками пота. Но Сабир все так же вежливо продолжает:

— Зачем возмущаться, господин? В полиции

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—42.

мы сейчас все выясним... Аллах справедлив и мудр.

...И какими-то задворками, черным ходом они привели Лысого в кабинет господина Нандора. По тому, как тот держался, хозяина кабинета легко было принять за полицейского комиссара — изысканно вежлив, говорит негромко, но с достоинством человека, наделенного властью.

— Садитесь. Сигару? Сигарету?.. Не надо волноваться. Сейчас мы вызовем потерпевшего. Я допускаю, что он напрасно поднял шум.

Нандор набрал номер телефона, сказал несколько слов, и через пять минут в кабинете появился Яфи. Увидев Лысого, продавец стал рассыпаться в любезностях, приносить извинения. Но «полицейский комиссар» гневно закричал на него, когда Яфи показал советский баннкнот. Продавец тут же положил этот баннкнот на стол «комиссара» и стал темпераментно объяснять:

— Видит аллах, господин русский вовсе не вор. То есть он формально не вор. За купленную вещь уплачено столько, сколько полагается. Но уплачено советскими деньгами, которые... Я не хочу обижать господина русского, но по нашим законам... О, пусть покарает меня аллах, если я не хотел сделать приятное покупателю... Это священный долг продавца. И я не виноват, что господина сейчас привлекают за воровство. Перед мудростью закона все падают ниц.

Яфи говорил, не переводя дыхания, и, вероятно, он еще долго разглагольствовал бы о «священном долге» продавца и строгости закона, если бы его решительно не прервал Нандор. Собственно, можно уже кончать театральное представление: лежавшие на столе сувениры, десять советских рублей, о чем-то спорящие люди, среди которых и он, русский турист,— все это уже снято кинокамерой, записано на диктофон. И теперь Нандор переходит к завершающему этапу операции.

— Что скажете, уважаемый господин?— обратился он к туристу.

А турист сидел подавленный, растерянный...

— У вас есть при себе документы?

Нандор неторопливо перелистал советский паспорт, внимательно посмотрел на фотографию, потом на Лысого. Так повторилось два-три раза — профессиональная манера полицейского.

— Вы свободны!— объявляет шеф. Турист поднимается со стула, протягивает руку за паспортом, хочет поблагодарить «полицейского комиссара» и вдруг — как ушат холодной воды!

— Нет, это не к вам относится, господин.— И окинув строгим взглядом Яфи, Сабира, швейцара, еще двух каких-то типов, неизвестно откуда и когда появившихся в кабинете, Нандор резко, уже тоном приказа, повторяет: «Я, кажется, сказал ясно...» Они исчезли бесшумно и молниеносно, словно их ветром сдуло. В кабинете остались двое, с глазу на глаз — Нандор и Лысый.

...А Керим тем временем наблюдал, как туристы толпились у автобусов, тревожно оглядывались по сторонам. Двое отделились от группы и вновь отправились на базар. Вернулись и беспомощно развели руками. Они еще некоторое время ожидали исчезнувшего товарища, потом сели в автобусы и отправились в порт.

Уже прошел тот час, когда судно по расписанию должно было отчалить, а капитан все не отдавал приказа «Поднять якоря!» — хотя и знал, сколько всяких неприятностей сулит ему опоздание с выходом из порта. И вдруг кто-то из пассажиров, разглядывая набережную в бинокль, радостно воскликнул: «Идет!» Слово «идет» в данном случае не совсем точно выражало способ передвижения этого туриста: запыхавшийся, бледный, на ходу вытирая платком потное лицо и лысину, он бежит из последних сил, и казалось, вот-вот рухнет...

Тяжело дыша, он ступил на палубу, и тут же был поднят трап.

Егенс прибыл в Стамбул вечерним экспрессом. Как было заранее условлено, справа от главного входа на стоянке его ждал «ситроен». За рулем сидел Нандор. Он даже не повернулся, когда гость открыл дверцу машины: строжайшая конспирация, вокзал — не лучшее место для взаимных приветствий, они еще успеют облобызаться...

С вокзала Нандор повез Егенса в отель, где гостю был заказан лучший номер. По дороге они уточнили время встречи.

Когда-то Егенс «работал» в Москве, прикрываясь дипломатическим паспортом советника посольства. Отличнейшая практика. Начальство было им довольно, хотя никаких явственно ощутимых результатов труды господина Егенса не дали. Но он, как это было зафиксировано в аттестационном формуляре, обрел в Москве опыт по установлению контактов, собиранию всяких сведений из вполне легальных источников. Егенс учился покупать — когда за доллары, а когда за бутылку шотландского виски — слухи, сплетни, анекдоты, всякую болтовню, в которой нет-нет да и всплывала нужная информация. Он присматривался к деятельности своих многоопытных коллег, среди которых одни располагали корреспондентским билетом, а другие — полномочиями какой-нибудь фирмы. Примечал, как иной его коллега, оказавшись в компании москвичей, начинал со скабрезных анекдотов, перескакивал на политические анекдоты из жизни своей страны — и тут уже не было пощады даже самому премьер-министру. А потом незаметно переходил к разговорам о советской политике. Начинал он с того, что является поклонником таланта русского народа, и тут же вскользь ронял несколько слов о таланте своего собеседника, одаренного инженера, врача, ученого, геолога, физика — смотря кем был этот собеседник.

— Но, увы, в вашей стране талантливых людей не ценят... Я понимаю — плановое хозяйство... Коммунистическая сознательность. Но, согласитесь, нужен стимул. Так, например, за изобретение господина Н. у нас уплатили бы...

И далее следовала сногсшибательная сумма.

Перед отъездом Егенса в Москву шеф нацеливал его на «околотворческую» интеллигенцию — непризнанных «гениев» с болезненным самомнением, завистливых неудачников, в частности из молодых, которые считают хорошим тоном быть обязательно недовольными. Неважно чем — важно как-то выразить свое «особое мнение». «У них есть нечто общее с нашими студенческими бунтарями»,— поучал шеф и даже сунул Егенсу в качестве пособия карманный бестселлер «Студенческие мятежи».

Но на месте, в Москве, все оказалось куда сложнее. Неудача следовала за неудачей. Иногда кое-кто, захмелев, согласно кивал: «Да, вы правы, господин Егенс. Да, над этим стоит призадуматься...» Но чаще всего случалось так, что, выслушав монолог Егенса, собеседник вдруг вставал и, даже не подав ему на прощание руки, уходил.

...Прошли годы, и Егенс уже слыл знатоком Советского Союза. Теперь он действовал с территории разных стран, появляясь в Москве — то с паспортом канадского промышленника, то в качестве представителя какой-то новозеландской торговой фирмы. Шеф требовал: «Вы должны видеть эту страну такой, какая она есть сегодня, вам нельзя отставать от прогресса Советов, иначе легко сбиться на неверную дорогу. Мы с вами, Егенс, должны быть реалистами и всегда держать руку на пульсе... Газетные статьи и выступления по радио наших

антикоммунистов с их анализом советского образа жизни — это не для нас с вами. Мы не пропагандисты. Мы обязаны руководствоваться своим собственным объективным анализом».

И Егенс в какой-то мере оправдывал надежды шефа. Его считали опытным советологом, умеющим трезво, с реалистических позиций оценивать противника. И, не боясь навлечь гнев шефа, он, вернувшись из Москвы, как-то сказал ему: «Не верьте легендам о легионах молодых бунтарей. Миф! Поверьте, наши отечественные «новые левые» с их проповедью непримиримости личности и общества, с призывами «Долой авторитеты!» куда взрывоопаснее». Шеф не гневался. Он делал свои выводы: тем важнее находить в России этих одиночек-бунтарей и поддерживать их... Тем важнее создать видимость целого движения.

Егенс не спорил с шефом, но мало верил в успех. По крайней мере до сих пор его разведывательная деятельность против Советов не дала таких результатов, о которых можно было бы говорить всерьез, что, однако, не помешало ему получить хорошую служебную характеристику. И не потому, что хозяева были либерально настроены или принадлежали к числу тех, которые смотрят и не видят. Нет, они все видели, все понимали. Но у людей, которым служил Егенс, существовала своя мера требовательности, свой подход к оценке работников. У Егенса не было провалов — жирный знак плюс. Он умел вовремя что-то подсказать, посоветовать, назвать подходящего человека, навести на след, тонко препарировать в своем докладе беседы с советскими людьми — и в его досье появлялось еще несколько плюсов.

Конечно, он мечтал о большой, законченной операции с многообещающими результатами. Но, увы, не получалось. Правда, он, Егенс, отнюдь и не испытывал особых угрызений совести по поводу бесплодно затраченных долларов, франков и фунтов стерлингов... Высокие идеологические понятия для Егенса были категориями преходящими, ценность которых определялась им очень утилитарно: самая прогрессивная идеология та, которая дает наибольший дивиденд. Он готов служить черту, дьяволу, сионизму, буддизму, христианству, мусульманству, капитализму — только платите! Сейчас с его, Егенса, точки зрения, ставка на нынешних хозяев, пожалуй, наиболее прибыльная.

...Егенс рассматривает в зеркале свое стареющее лицо и мысленно прикидывает, что даст ему инспекция хозяйства Нандора. Стоит ли учинять разгром или нужно только слегка приструнить, дать понять, что штаб-квартира недовольна «низким коэффициентом полезного действия»,— так выразился шеф. Егенс передаст его слова, выскажет ряд конструктивных соображений, о которых потом можно доложить в штаб-квартире. Пожалуй, так выгоднее. Но что он предложит Нандору? «Низкий коэффициент полезного действия...» Только ли к Нандору применима такая оценка?..

— Я рад вас приветствовать, господин Егенс! Прошу...

— Как идут дела, господин Нандор?

Нандор насторожился.

— Какие, торговые или другие?..

Егенс дружески похлопал Нандора по плечу.

— Куда спешишь, старина? О других мы на ходу говорить не будем...

Осторожно прощупывая в разговоре намерения гостя, хозяин Нандор проводил его в свой уютный, со вкусом обставленный кабинет, где, кажется, каждый звук поглощался дорогими персидскими коврами.

Выпили за встречу, сказаны были все подобающие при этом вежливые слова. И умолкли... Каждый из собеседников что-то обдумывал, предпочитая вступить в игру вторым. Наконец Егенс понял, что начинать придется все же ему...

— Я приехал, чтобы кое о чем сообщить тебе, старина, и кое-что узнать. Сенсационных новостей не жди, но могу сказать следующее: нас систематически знакомят со сводками аналитического управления Ленгли. Сводки, правда, куцые, однако, судя по ним, все более отчетливо прослеживаются наши известные успехи в получении информации о России с помощью технических средств. Я имею в виду данные радио- и космической разведки, поступающие к нам после обработки материалов искусственных спутников Земли типа «Самос», «Дискаверер», «Геос», «Нибус». Я имею в виду круглосуточные перехваты советских радиоизлучающих средств — на земле, в воздухе и на море. Это позволяет нам получить достаточно обширный фактический материал о потенциальных возможностях русских...

Но тут Егенс видит плохо скрываемую улыбку на лице Нандора и умолкает. «Эту хитрую лису не проведешь. Он почтительно слушает меня, а сам думает: «Не трать зря времени, Егенс. Я все это без тебя знаю. Переходи к делу». Ну что же, изволь,— глотай пилюлю!» И Егенс продолжает все в том же наставительном тоне:

— У нас нет серьезных успехов на главном направлении — агентурное проникновение в Россию через самих русских. Некоторые надежды шеф возлагал на господ из НТС. Иногда им кое-что удается. Но чаще они оказываются большими мастерами пускать мыльные пузыри. Под своих мифических агентов в России, которые якобы ведут большую подпольную работу, под мифические шифровки этих несуществующих агентов они получают у нас огромные гонорары. А на поверку — пшик. Прости, старина, я не хочу тебя ставить рядом с этими «освободителями России». Но штаб-квартира поручила мне оценить деятельность фирмы «Нандор и К°» именно с этих позиций. Мы много лет с тобой работаем вместе. Однако я не смею во имя дружбы пренебречь... Ты меня понял, Нандор? И не обижайся. Я с добрыми намерениями...

Он поднялся, подошел к Нандору и положил свою красивую руку с длинными тонкими пальцами на широкую, сейчас полусогнутую его спину. Егенс заранее и долго обдумывал, как и что он скажет старому другу. Он старался говорить спокойно, чтобы голос звучал мягко, дружелюбно. Но, кажется, сорвался — не мог скрыть глухое раздражение. Нандор это почувствовал. Он слишком хорошо знал нравы штаб-квартиры, чтобы всерьез принимать слова Егенса о «добрых намерениях». Нандор тоже поднялся и почтительно заявил:

— Я жду ваших указаний, господин Егенс.

— Не надо так... Садись. Нам надлежит вместе с тобой обдумать некоторые позиции. Нужны смелые поиски новых приемов, методов. Любой ценой мы должны организовать в Советском Союзе свою агентуру. На данном этапе это — самое важное. Все остальное — гарнир... Так считает шеф. Его не всегда удовлетворяют те агенты, которых мы внедряем в России извне. Он говорит о них: «зыбкие гастролеры». Конечно, бывают и удачи...

И Егенс, не вдаваясь в детали, рассказал про одного такого агента — «медичку», которая несколько лет жила в Москве в порядке культурного обмена, училась в медицинском институте.

— Но, увы... Я буду с тобой откровенным, Нандор. «Медичка» — одно из немногих приятных исключений из правила. Наши люди стали слишком часто проваливаться в Москве. И я не склонен объяснять это лишь прекрасной работой советской контрразведки.

— А чем же еще?

— Иногда мы бываем необычайно доверчивы. В особенности тогда, когда надеемся на этих сентиментальных «патриотов», которые в разные времена по разным причинам покинули Россию. Ты, конечно, слышал, как провалился наш агент Руби. С ходу — и в лапы контрразведки. А кто клялся всеми святыми: «Можете на него положиться»?

Егенс вздохнул и замолчал, теперь явно давая понять ему, Нандору, что пора отчитываться...

— Так чем ты порадуешь своего шефа?— услышал Нандор.

Чем он порадует шефа? Увы, ничем. Все, что за год сделано его людьми, конечно, не заслуживает внимания штаб-квартиры. Но судьбе угодно было привести в его магазин того лысого туриста, которого он сейчас постарается представить как субъекта «весьма перспективного». Правда, его он припас на «десерт»... А пока вот, извольте, господин Егенс. И, подобострастно склонившись над креслом гостя, он протянул плотную папку...

— Я подготовил для вас письменный отчет о нашей деятельности. Не нам судить о ней. Как, говорится, «тут не многое, но много»...— похвастался и сразу же спохватился: «Перед кем хвастаешься? Он же тебя насквозь видит». И Нандор поспешно добавил:

— Но в отчет не вошла последняя наша операция, на мой взгляд, весьма серьезная. Доклад о ней мы отправили сегодня на ваше имя. К докладу приложено несколько фотографий и кинопленка. Все это вы посмотрите позже. Впрочем, я считаю необходимым сейчас доложить вам суть дела.— И Нандор рассказал об операции, которой он уже успел дать кодовое название «Лысый».

— В посланном вам докладе есть фамилия, имя, отчество туриста из Советского Союза и необходимые установочные данные. Я имею основание полагать, что мы его крепко прихватили. В кармане у него оказалось еще двадцать рублей, и мы воспользовались этим, объявив, что турист обвиняется в контрабандном провозе валюты, спекуляции валютой, в нарушении таможенных законов «страны пребывания». А уж мы-то популярно ему объяснили, что это значит и что за это полагается по нашему закону. Когда было заявлено, что мы его не отпустим, что он должен быть судим, Лысый побледнел, хотел что-то сказать, но так и не смог вымолвить ни одного слова. Нам не стоило большого труда заставить его подписать соответствующий «протокол». Однако на главном направлении мы еще не добились успеха... Турист уклонился от разговора о сотрудничестве, а у нас было мало времени для работы с ним... Вы не хуже меня знаете капитанов советских морских судов, какие они закатывают скандалы, если их пассажира задержат на час-другой. Мы вынуждены были доставить туриста в район порта... У нас не осталось на руках ничего, кроме «протокола», подписанного этим туристом, и соответствующих фото- и кинодокументов. Но есть наблюдения, так сказать, психологического порядка. Я почти уверен, что турист никому не расскажет о своих приключениях на базаре. Я смею заглянуть дальше: составленный нами «протокол», фото- и кинодокументы плюс запись диктофона — капитал, который при соответствующих условиях может дать солидные проценты. Дело в том, что Лысый не произвел впечатления стойкого человека...— И Нандор впервые за весь вечер позволил себе улыбнуться...— Я попросил бы вас, господин Егенс, поручить вашим людям тщательнее проверить этого человека по картотеке централизованного учета. Я понимаю, что шансы на успех ничтожны, но вдруг... Жизнь полна неожиданностей. Он мог оказаться нестойким и при других обстоятельствах...

— Ты прав, Нандор. Мы обязательно проверим.

Продолжение следует.

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

НОЧНОЙ ЭКЗАМЕН

Леонтий Александрович Белкин возвращался вечером с работы и увидел на земле монету. Хотел было поднять, но потом подумал:

«Что же это я, чужие деньги прикарманить собираюсь? Смогу ли я себя уважать после этого?»

И мимо прошел. Идет и про себя рассуждает:

«А ведь кто-нибудь другой наверняка подберет. И получится, что нечестность восторжествовала. Все-таки я как честный человек больше моральных прав на эту монету имею, чем прощелыга какой-нибудь...»

И обратно вернулся. Но, не доходя двух шагов, спохватился: «Но ведь, если я присвою чужое, я уже не смогу считаться честным. Нет, пусть уж лучше лежит!»

И снова повернул к дому. Но тут ему такая мысль в голову пришла:

«А вдруг эту монету никто не найдет и она так и затеряется в грязи? Разве лучше это будет для государственного бюджета? Гораздо хуже. Так что государственные интересы требуют, чтобы я ее поднял».

И опять идет к тому месту, где монета лежит. Достал кошелек, приготовился уже за двугривенным наклониться, да так и замер в полусогнутом положении:

«Может, владелец монеты утром хватится и искать придет? Тогда получится, что я вор... Нет, ни за что! Провались они, эти деньги!»

И кошелек спрятал.

«А впрочем,— размышляет,— я ведь могу объявление повесить: дескать, кто потерял деньги, прошу обращаться по такому-то адресу... Найдется хозяин — отдам монету, не найдется — что ж делать, себе оставлю...»

И снова вынимает кошелек:

«Хотя, с другой стороны, как бы не стать жертвой мошенников. Каждый может сказать, что это он потерял деньги».

И кошелек прячет. А сам смотрит на часы:

«Батюшки! Времени-то уже первый час ночи, а я из-за пустяка такого здесь торчу. Дома с ума сходят. Надо скорей бежать...»

И, гордый своей моральной победой, домой направился. Утром за завтраком настроение у Белкина было прекрасное.

«Все-таки,— размышлял он,— правильный я человек, кристальной честности. Могу я теперь кому угодно в глаза смотреть и себе в том числе. Знаю, что любое испытание выдержу, потому что победил я вчера сам себя!»

И на работу пошел с высоко поднятой головой.

«Как приятно,— думает,— когда есть за что себя уважать».

Доходит до того места, где монета лежала, смотрит, а это вовсе не двадцать копеек, а металлическая пробка от пивной бутылки.

«Тьфу, черт!» — Белкин плюнул с досады, втянул голову в плечи и хмурый побрел на работу...

ЛОСЬ В ГОРОДЕ

Игорь Николаевич Мазинов во время обеденного перерыва лежал на городском пляже и загорал. На лося он даже внимания не обратил. Сохатый вообще неизвестно откуда взялся — то ли из любопытства на пляж завернул, то ли надоело по лесу бегать и захотелось в шезлонге посидеть. Короче говоря, подходит он к Игорю Николаевичу и смотрит ему зачем-то в глаза.

— Фу! — говорит Мазинов уже из-под шезлонга.— Пошел!

А сам в песок потихоньку закапывается.

Такая ситуация, видимо, лося здорово удивила и даже обидела, и принялся он рогами Мазинова откапывать. Тот упрямиться не стал, вскочил и что есть мочи вдоль берега помчался. Лось — за ним. Мгновение критическое. Как раз в такие минуты человек по большому счету проверяется. Мазинову тут бы к лесу побежать, чтоб от людей опасность отвести и лося к семейному очагу вернуть, однако понесся он во весь опор к приятелю, который ему уже два года десятку был должен. Вбежал в дом, еле успел перед лосем дверь захлопнуть. Потом поднялся к приятелю, словно бы невзначай спросил:

— Как дела, не богат ли деньгами? В седьмой раз к тебе захожу — и все без толку.

— Извини,— говорит приятель,— ни копейки в доме нет.

Тут поглядел он в окно и лося увидал.

— Это чей же такой красавец? — спрашивает.

— Мой,— отвечает Игорь Николаевич.

— А он того... не бодается?

— Еще как! В два счета больничный лист получишь.

— Так чего ж ты его привел? — возмутился приятель.— Мне сейчас уходить надо. Люди ждут...

— А ты бегом,— советует Игорь Николаевич.— Может, тебе повезет и этот рогатый не сразу сориентируется...

— Спасибо тебе! Ты лучше сам отсюда бегом! Ты это все устроил, вот и расхлебывай...

— Нет, и не проси,— замахал руками Игорь Николаевич.— Не могу же я бежать по городу в трусах.

— Я тебе свой спортивный костюм дам!

— Импортный?

— Ага!

— Ладно, сойдет. Да вот что еще. Мне, возможно, на такси придется спасаться, так ты мне десятку-то верни...

— О чем разговор? — перебил приятель.— Пожалуйста, тебе пятнадцать на всякий случай. Ну, счастливо! Скатертью дорога!

Вышел Мазинов во двор, а лось уже тут как тут. На этот раз помчались они прямиком в жэк. Лось опять у дверей остался ожидать, а Мазинов прямо к начальнику заходит.

— Вы,— говорит,— уже больше года кухню мне отремонтировать обещаете, а воз и ныне там...

— Некогда мне сейчас с вами беседовать,— отмахнулся начальник.— Я на совещание уезжаю.

Только он дверь открыл — и сразу обратно. А через десять минут Игорь Николаевич уже мчался домой с двумя малярами.

В тот день он еще успел дубленку прямо на базе приобрести, к зубному врачу без очереди попал, на собрание сочинений Дюма подписался. На этом бы ему и остановиться. Однако жадность Мазинова подвела. В общем, вошел он во вкус, и захотелось ему прибавку к жалованью получить. Прибегает на работу, заходит к директору и говорит:

— Нельзя ли мне оклад повысить?

Директор удивляется:

— На каком основании?

Игорь Николаевич, ехидно улыбаясь, подходит к окну. Выглянул и обомлел: лось исчез.

Как потом выяснилось, его увел старший инженер Радчуков, который давно мечтал «Жигули» приобрести.

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

— Ух, какая тема есть! — сказал литсотрудник Ларчук редактору отдела Рыжикову.

— Острая? — поинтересовался тот.

— Как рога буйвола! Как взгляд орла! Если не выплеснy эту тему на бумагу, она меня разорвет!

— Интересно, интересно,— оживился Рыжиков.— Что-то я давно не видел тебя готовым разорваться.

— Представляете себе,— загорячился Ларчук.— Мы все, каждый на своем месте, решаем важные задачи, делаем нужное дело, а где-нибудь в Сочи лежат на пляже бездельники, которые разными хитроумными способами выбили туда командировки. Этакие морские котики! Летучие мыши! Бычки в собственном соку! Видите ли, их стихия — море! Они там лежат, время идет, командировочные плывут, а работа стоит!

— Да ведь об этом уже столько раз писали,— поморщился Рыжиков.

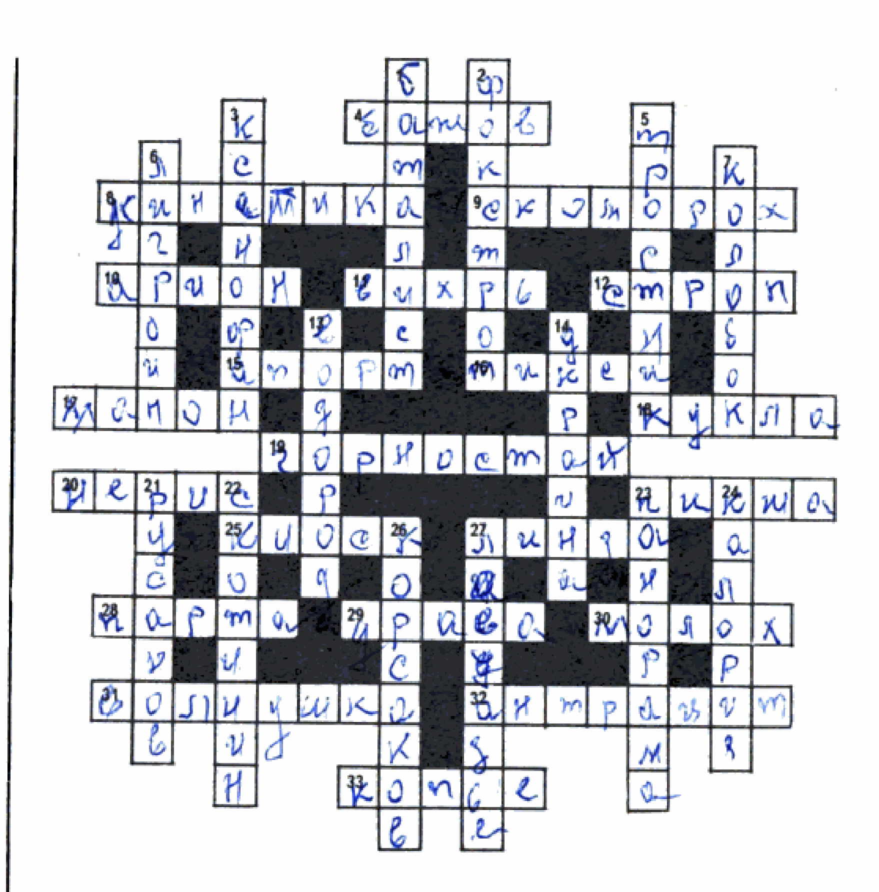
— Нужно писать еще и еще,— убеждал Ларчук,— пока не переведутся любители поживиться за казенный счет!

— Горяч ты, братец! — Рыжиков многозначительно покрутил головой, потер лоб и сдался.— Ладно, готовь материал. Дадим строк двести...

Ларчук просиял, выбежал из редакции и направился к ближайшему телефону-автомату:

— Алло, Таня!.. Собирайся, в субботу выезжаем. Я выбил командировку в Сочи...

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Советский писатель. 8. Раздел теоретической механики. 9. Странствующий актер в Древней Руси. 10. Стихотворение А. С. Пушкина. 11. Порывистое круговое движение ветра. 12. Трос парашюта. 15. Сорт яблок. 16. Бухта моря Лаптевых. 17. Опера Ж. Массне. 18. Роман Б. Пруса. 19. Пушной зверек. 20. Литовская поэтесса. 23. Промысловая рыба семейства тресковых. 25. Торговая палатка. 27. Оптическое стекло со сферической поверхностью. 28. Школьная мебель. 29. Приток Дуная. 30. Повесть А. И. Куприна. 31. Гриб. 32. Ископаемый уголь. 33. Снаряд для метания.

По вертикали: 1. Художник, работающий над военными сюжетами. 2. Танец. 3. Древнегреческий философ и поэт. 5. Злаковое растение. 6. Продукт перегонки нефти. 7. Русская народная сказка. 13. Газ. 14. Союзная республика. 21. Русский полярный исследователь. 22. Персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль». 23. Вид местности с высоты. 24. Внесистемная единица количества теплоты. 26. Порт на Сахалине. 27. Французский химик XVIII века.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали: 5. Аракс. 7. «Трагик». 8. Токарь. 9. Олимпиада. 11. Рондо. 13. Пинос. 15. Танго. 17. Павлодар. 18. Столовая. 20. Калан. 22. Клещи. 23. Губан. 25. Коллекция. 28. «Пучина». 29. Рюкзак. 30. Росси.

По вертикали: 1. Такси. 2. Закопане. 3. Астра. 4. Арагон. 6. Ураган. 9. «Огородник». 10. Антология. 12. Отара. 13. Планк. 14. Сутки. 16. Глава. 19. Невельск. 21. Лакмус. 24. Баобаб. 26. Луара. 27. Цюрих.

Обложка выполнена специально для журнала «Огонек» художником АНТОНОМ РЕФРЕЖЬЕ (США) к открывающемуся в Москве Всемирному конгрессу миролюбивых сил.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Е. ПУЗАНОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 1/X—73 г. А00139. Подп. к печ. 16/X—73 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2417. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1198.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Тбилисские футболисты из команды ДЮСШ атакуют ворота иркутян.

ВПЕРЕДИ БОЛЬШ

В Ткибули футболом жил и млад и стар.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

В грузинском городе Ткибули состоялась финальная часть чемпионата страны среди юношей. Игры проходили на двух стадионах, и за выступлениями нашей футбольной смены с пристрастием следили местные болельщики. Полторы недели пропадали на стадионах мальчишки Ткибули, ведь в Грузии футбол — самая популярная игра. Недаром в финальной части юношеского чемпионата выступали сразу три грузинские команды.

Юношеский чемпионат проводится уже пятнадцать лет подряд. В нем принимают участие воспитанники групп подготовки, которые работают при командах мастеров, специализированных спортивных школах и интернатах. В нынешнем году на первом этапе состязались 500 команд. Для наиболее способных учеников часто остается всего лишь один шаг до большого футбола. В свое время именно из юношеских команд пришли в коллективы высшей лиги такие известные игроки, как О. Блохин, В. Гуцаев, А. Кожемякин, В. Звягинцев. Но группы подготовки могли бы давать значительно больше способных и хорошо подготовленных молодых футболистов, если учебный процесс организовать лучше.

Мало в юношеском футболе появляется острых, нацеленных на ворота нападающих, техничных защитников. Вот и в этом году в финальном турнире, в котором участвовали команды — ДЮСШ (Тбилиси), «Спортинтернат» (Львов), ФШМ и «Динамо» (обе — Тбилиси), «Динамо» (Киев), иркутский «Аэрофлот», немногие юноши смогли показать по-современному динамичную игру, на высоком уровне решать сложные технические и тактические задачи.

На трибунах кипели страсти.

Призеры журнала «Огонек»: Владимир Устинов — нападающий из команды «Спортинтернат» (Львов), Валерий Ляликов — вратарь команды «Аэрофлот» (Иркутск) и Амиран Асатиани — защитник из команды ДЮСШ (Тбилиси).

ОЙ ФУТБОЛ

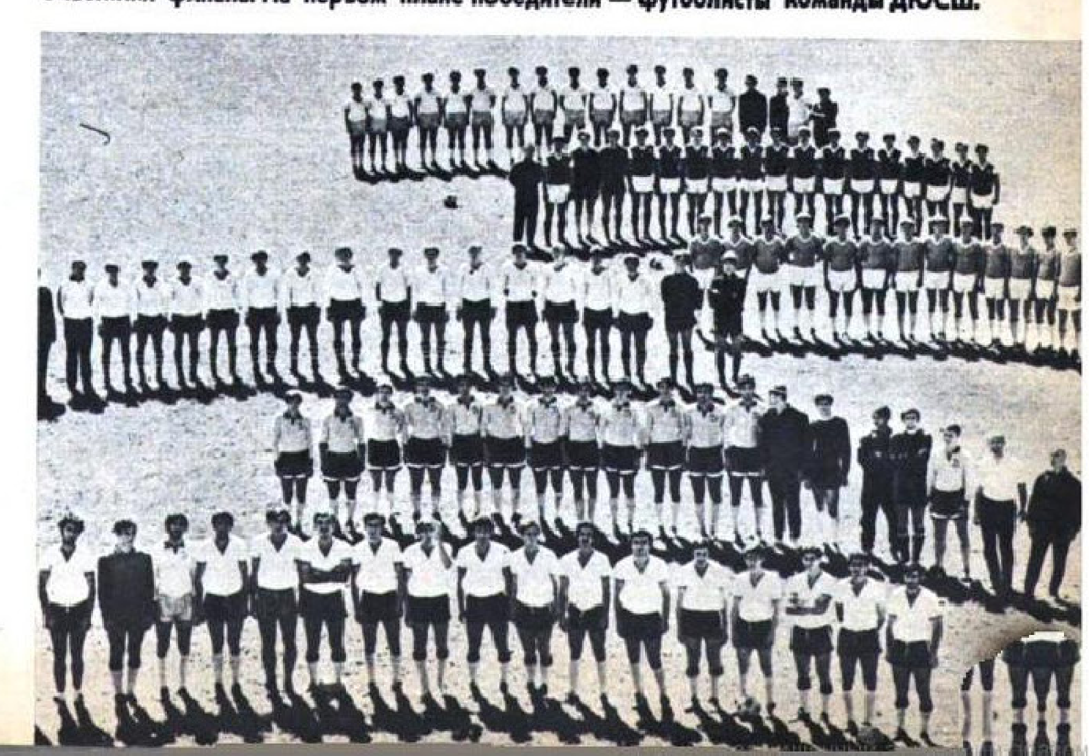

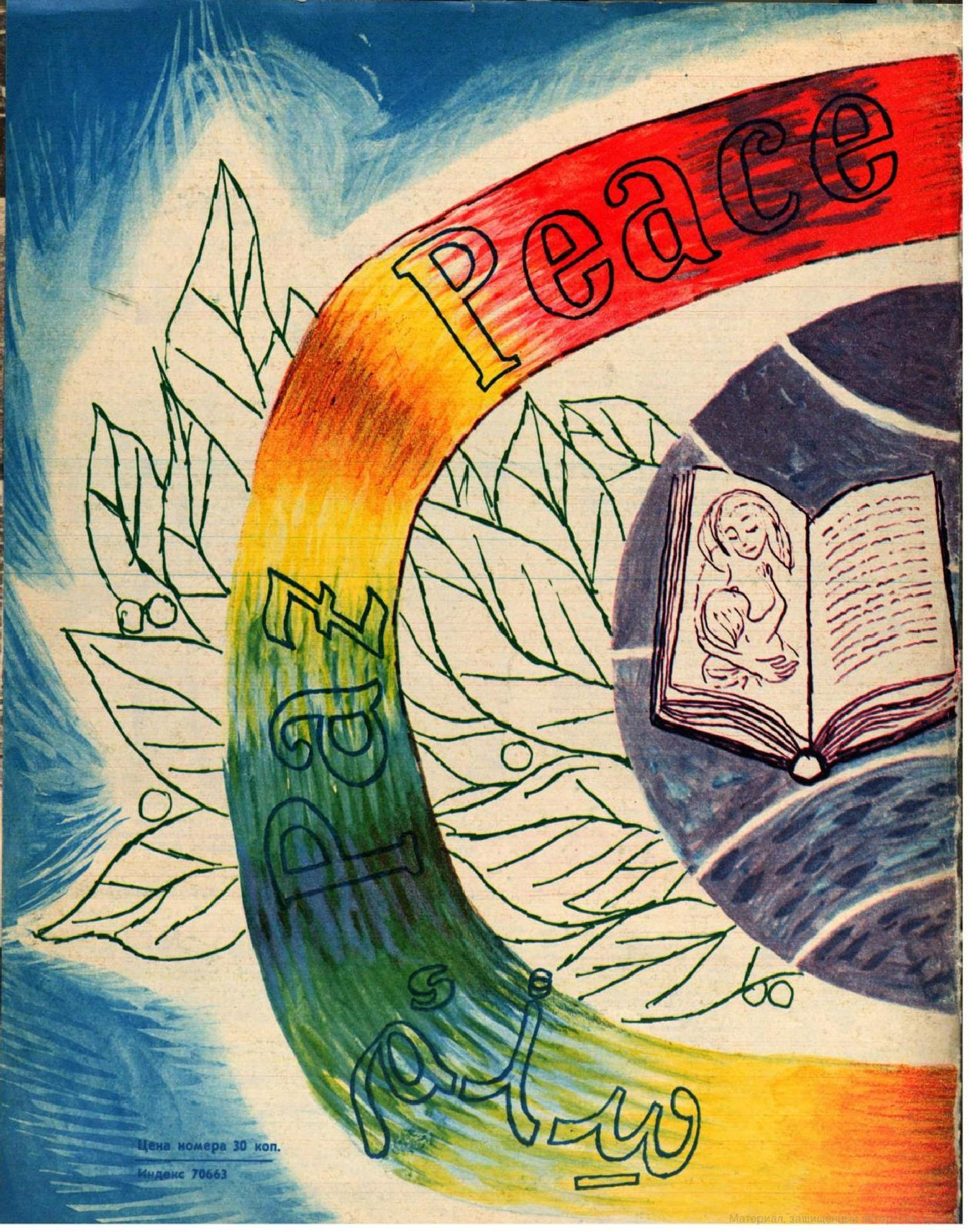
Любимцами зрителей сразу же стали футболисты из тбилисской ДЮСШ. Команда показала слаженную, целеустремленную игру, и питомцы тренера Емельяна Николаевича Одикадзе добились заслуженной победы. Их главными соперниками оказались футболисты из Львова. Они играли дружно, старались показать атакующий футбол, и недаром лучшим нападающим турнира, завоевавшим приз журнала «Огонек», был признан игрок львовской команды Владимир Устинов. Были и в других командах способные молодые спортсмены. И все же мы вправе ждать от футбольной смены более высокого мастерства. Начальникам и тренерам футбольных команд мастеров надо больше внимания уделять подготовке молодых футболистов.

Ю. СЕГЕНЕВИЧ

Ткибули — Москва.

Участники финала. На первом плане победители — футболисты команды ДЮСШ.

Peace
Paz
Цена номера 30 коп.
Индекс 70663